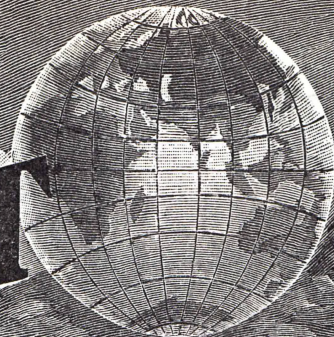

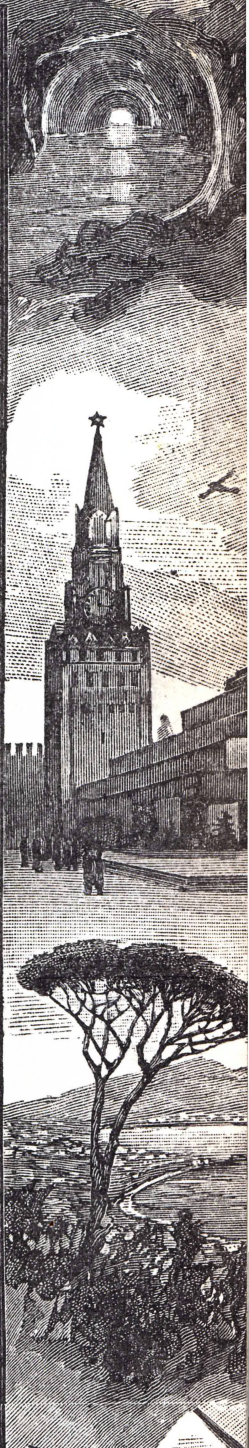
1947

СВЕТА

ВОКРУГ

№ 3

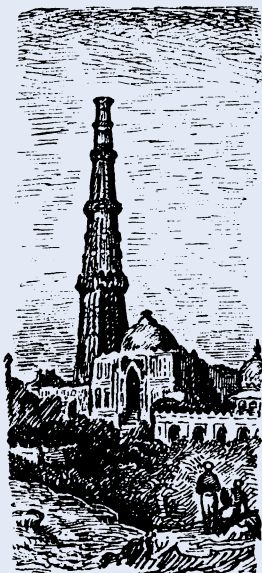
Русский в Калькутте

В 1797 году после долгих странствий на родину возвратился ярославец Герасим Лебедев. Прибыл он из Калькутты, где двумя годами ранее основал собственный театр.

Герасим Лебедев, одаренный музыкант-самоучка, побывал в Вене, Неаполе, Париже, Лондоне. Из Англии Герасим Лебедев отправился в Индию.

В Мадрасе и Калькутте он изучил древний язык санскрит и новые наречия индусов настолько хорошо, что стал составлять русско-индийские словари. Лебедев перевел на бенгальский язык европейские пьесы и поставил их на сцене своего театра в Калькутте.

"Изумруд" у берега Маклая

Три четверти века назад русский военный клипер «Изумруд» под командой М. Н. Кумани совершил плавание к берегу Маклая в Новой Гвинее. Целью похода были поис-

ки Миклухо-Маклая. Это плавание корабля «Изумруд» было подробно и увлекательно описано морским офицером А. Раковичем.

Полет на «Орле»

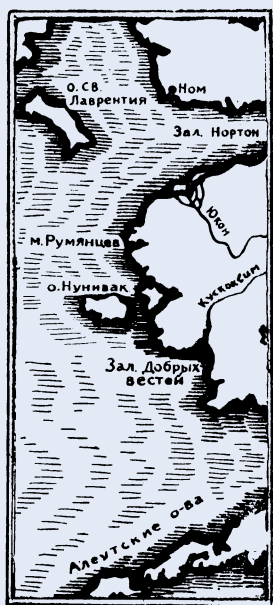

Пятьдесят лет назад Солломон Андреевич, Нильс Стриндберг и Кнут Френкель поднялись с о. Шпицбергена на воздушном шаре «Орел». Андреевич долго готовился к совершению этого подвига. Изучая направление ветров, он пришел к убеждению, что юго-западный ветер, проходящий в районе полюса, перенесет «Орел» через полюс. Андреевич надеялся со-

вершить посадку в полярной части Америки. Но три бесстрашных воздухоплавателя бесследно исчезли вскоре после того, как «Орел» покинул Шпицберген.

Лишь в 1930 году экспедиция норвежца Гуннара Горна открыла лагерь Андреевича на о. Белом и нашла останки полярных аэронавтов и документы экспедиции.

У берегов Северной Америки

125 лет назад парусные корабли «Головин» и «Баранов», под флагом Российско-американской компании, плыли вдоль побережья северо-западной Америки.

Штурман Василий Хромченко, ранее известный открытиями на юге Тихого океана, и капитан А. Этолин исследовали и описывали скалистые берега Нового Света, открыли пролив Головинна, мысы Румянцева и Ванкувера, исследовали залив Добрых Вестей, остров Нунивок. Лишь несколько

лет назад в уральском городе Кунгуре были найдены путевые журналы Василия Хромченко.

Составил Сергей Марков

1947

ВОКРУГ СВЕТА

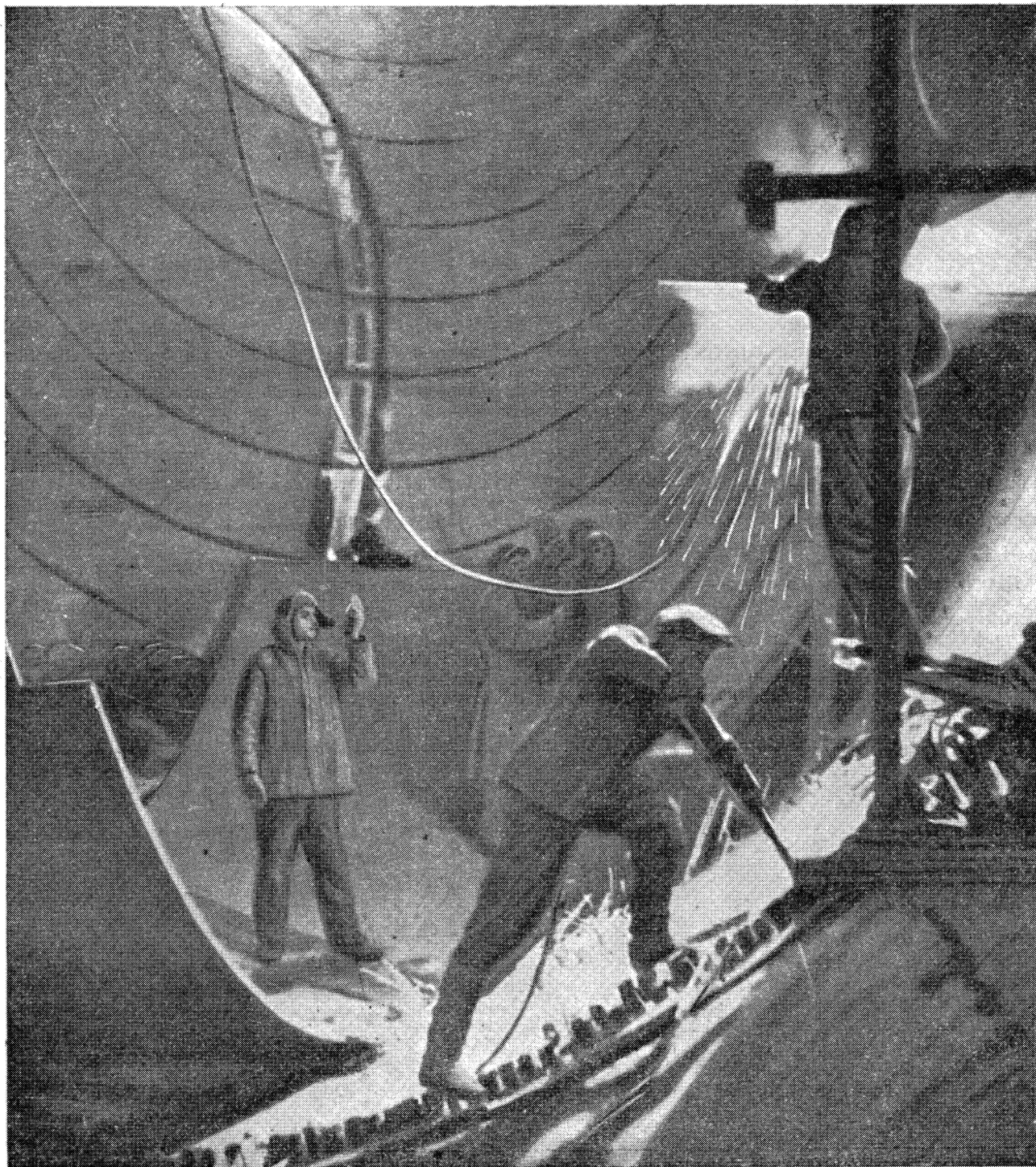

№ 3

М а р т

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ

Журнал основан в 1861 году

Восстановление Днепрогэса. Монтажники за работой.

Фото А. Шевич

СЪЕЗД СОВЕТСКИХ ГЕОГРАФОВ

«Для любителей и ценителей географии, этнографии и статистики, приняв эти слова в самом обширном значении, издавна ощутителен недостаток в России общества, которое имело бы целью возделывание и распространение географических наук», писал в 1845 году министру внутренних дел знаменитый русский мореплаватель, исследователь Новой Земли, Чукотки и Камчатки адмирал Федор Петрович Литке. От имени небольшой группы ученых, путешественников, литераторов и государственных деятелей он ходатайствовал об учреждении Всероссийского географического общества.

Прошло сто лет. И вот в январе—феврале 1947 года свыше пятисот географов съехались со всех концов нашей родины в Ленинград, на Второй всесоюзный географический съезд, чтобы отпраздновать юбилей Географического общества Советского Союза. Но ученые, собравшиеся на съезд, отметили эту знаменательную годовщину по-своему. Вспоминая о славном про-

шлом, они все время смотрели в будущее. Делегаты съезда привезли с собой плоды многолетних трудов, продолжительных и порою опасных экспедиций, упорных дум. За неделю участники съезда сделали 250 научных докладов. Это был смотр громадной армии советских ученых-географов, путешественников, разведчиков недр, неутомимо работающих над освоением природных богатств нашей родины.

* * *

Чудесный зал Ленинградской филармонии залит ярким светом. Огни восьми громадных люстр, покрытых сплошной цепью хрустальных цепей, переливаются и искрятся, преломляя свет мощных ламп в тысячах призм. Ослепительно белые колонны боковых галлерей резко выделяются на фоне красного бархата. В середине сцены над серебряными трубами органа парят в воздухе золотые буквы «ВГО».

Президент Всесоюзного географического общества академик Л. С. Берг выступает с докладом «Сто лет Географического общества». Справа: в зале заседания.

Партер, галерея, ложи, балконы кишат народом. На эстраде, вокруг стола президиума, окруженного изгородью живых цветов, разместилось около ста известных ученых, выдающихся педагогов, офицеров Советской Армии и Флота. Сверкает золото логонов, кортиков и орденов на лацканах черных мундиров. Живы традиции дружбы, связывающие Военно-Морской Флот с Географическим обществом, среди членов и учредителей которого было немало выдающихся русских моряков.

Оркестр исполняет Гимн Советского Союза. Председательствующий, вице-президент Академии наук генерал-полковник Леон Абгарович Орбели, объявляя съезд открытым, говорит:

— Сегодня большой день. Мы празднуем столетие Географического общества, сыгравшего исключительную роль в познании нашей родины и ряда других стран. На протяжении века Географическое общество воспитывало и поддерживало кадры исследователей, выполивших громадную работу. Оно заслужило всеобщее уважение. Но впереди перед ним стоят еще большие задачи. Оно призвано разрабатывать вопросы географической науки и одновременно способствовать процветанию социалистического хозяйства.

По предложению контрадмирала Шведе, съезд под гром оваций единогласно избирает руководителей партии и правительства в состав почетного президиума.

— Слово для доклада «Сто лет Географического общества» предоставляется президенту общества академику Льву Семеновичу Бергу.

В сжатой, но яркой речи рассказывает старшина советских географов, президент Всесоюзного географического общества академик Л. С. Берг о славном пути, пройденном обществом за годы его существования. Немало заслуг имеет за собой русская географическая наука. Одна шестая часть суши положена на карту трудами русских географов. Они же впервые описали Аляску, Корею, Центральную Азию, открыли десятки островов в Тихом океане. Совершенная ими опись северных берегов Сибири — один из величайших в истории науки подвигов.

— География у нас была и теперь остается любимейшей наукой. Любовь к ней прослеживается непрерывно от летописца Нестора, в 1120 году подробно описавшего наше отечество, до советских географов и картографов, осуществивших невиданное по размаху предприятие — Большой советский атлас мира.

В годы Отечественной войны члены общества, оставшиеся в блокированном Ленинграде, выполняли свой патриотический долг, оказывая помощь командованию Ленинградского фронта. 1500 лекций было прочитано членами общества в госпиталях и частях Советской Армии.

Л. С. Берг рассказал о новых задачах, поставленных перед Географическим обществом в период послевоенного восстановления и развития народного хозяйства СССР. Оно должно разрабатывать вопросы, имеющие широкое значение для народного хозяйства и в особенности для восстановления районов, подвергшихся оккупации, а также вести пропаганду географических знаний. Но общество не отказывается и от экспедиционной работы: в пятилетнем плане его стоит задача новой большой экспедиции в Центральную Азию.

Я уверен, — закончил свою речь президент, — что во втором столетии его существования в рядах общества появятся новые герои науки, которые своими подвигами превзойдут прежних ученых.

Академик Л. С. Берг вручает Большую золотую медаль Всесоюзного географического общества представителю Главного управления геодезии и картографии при Совете Министров СССР.

* * *

Во время съезда состоялось очередное присуждение Большой золотой медали Географического общества. Согласно уставу, ее присуждают раз в три года за выдающиеся географические открытия и труды. В этот раз Совет общества присудил ее Главному управлению геодезии и картографии СССР за составление карты СССР на 180 листах в масштабе одной миллионной. Это — событие, значение которого трудно переоценить. Впервые вся необъятная территория Союза положена на карту точно и с применением последних достижений техники. Ни одно другое государство не могло бы выполнить такую грандиозную работу в столь короткий срок (с 1940 года).

На пленарных заседаниях съезда, происходивших в здании Всесоюзного географического общества, в Демидовом переулке, выступили выдающиеся советские ученые с докладами, посвященными важнейшим вопросам советской географической науки. Члены съезда выслушали доклад академика В. А. Обручева «Вклад

Выступает с приветствием председатель Болгарского географического общества Александра Монежикова-Николова.

русских ученых в исследование Центральной Азии», доклад члена-корреспондента Академии наук СССР В. Ю. Визе о русских исследованиях в Арктике. Старейший советский геоморфолог Я. С. Эдельштейн рассказал съезду об успехах русской физической географии за советское время. Руководитель Института географии Академии наук СССР академик А. А. Григорьев сделал сообщение о современных задачах советской географии. Эти первоочередные задачи, по его словам, заключаются: 1) в углублении теоретических основ географии, всестороннем изучении физико-географических процессов, от которых зависят все формы рельефа и живой природы и явления, протекающие на земной поверхности; 2) в укреплении связи экономической географии с планированием народного хозяйства, — эта связь науки с практикой имеет особое значение в нашем социалистическом обществе, где размещение заводов, фабрик, сельскохозяйственных культур производится в интересах народа, по соображениям наибольшей целесообразности; 3) в развитии прикладных географических знаний, помогающих выполнению планов сталинских пятилеток: строительству каналов, водохранилищ, железнодорожных магистралей, продвижению земледелия в полярные районы и многим другим хозяйственным мероприятиям.

Советским географам предстоит широко использовать в своей работе новейшие методы географических исследований. Помимо испытанного метода экспедиций,

большое значение приобретут постоянно действующие в разных районах страны географические станции — своеобразные «лаборатории природы». Здесь различные ландшафтные зоны будут изучаться подробно в течение круглого года, с применением всех достижений современной техники.

Докладом академика О. Ю. Шмидта «Новая теория происхождения Земли и планет» закончилась работа съезда.

* * *

Второй Всесоюзный географический съезд — историческая веха в развитии советской географической науки. Он собрался в городе Ленина — цитадели Октябрьской социалистической революции, в городе, главным достижением своей научной и технической мысли, не затухавшей здесь даже в самые тяжелые дни и месяцы вражеской блокады.

Необъятные дали научного творчества открыты перед советскими географами, в своей работе опирающимися на опыт таких выдающихся ученых, как Воейков, Шокальский, Вернадский, Обручев, Берг, Григорьев и многие другие.

Вдохновляемые идеями марксистско-ленинского учения, идеями Ленина—Сталина, советские географы с честью выполняют задачи, поставленные перед советской наукой Законом о пятилетнем плане: «не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами СССР».

В президиуме съезда. Справа налево: президент Всесоюзного географического общества академик Л. С. Берг, член-корреспондент Академии наук СССР Н. Н. Баранский, генерал-майор медицинской службы академик Л. А. Орбели, ученый секретарь Всесоюзного географического общества, доктор географических наук С. В. Колесник и начальник Управления военно-морских учебных заведений вице-адмирал Г. А. Степанов.

К берегам Гренландии

Штурман В. АККУРАТОВ

В конце апреля 1946 года экипаж самолета СССР «Н-368» в составе командира корабля М. А. Титлова, бортмеханика Д. П. Шекурова, бортрадиста С. А. Наместникова, второго бортмеханика Е. Харитонов, гидролога А. И. Золотова и штурмана — автора этих записок — совершил впервые глубокую ледовую разведку к берегам Гренландии с целью наблюдения выноса льдов из Центрального бассейна Арктики и изучения их к западу от берегов Земли Франца-Иосифа. Здесь никогда еще не было воздушных ледовых разведчиков.

Льды западного сектора Арктики давно привлекали внимание советских ученых и ледовых разведчиков, но отсутствие близко расположенных к ним баз и метеорологических станций Главсевморпути делало их труднодоступными. Кроме того, полярная авиация была занята разведкой непосредственно на трассе прохода караванов.

26 и 27 апреля, вернувшись с разведок на остров Диксон после 15- и 17-часовых беспосадочных полетов, мы убедились, что на нашем обычном транспортном двухмоторном самолете можно свободно продержаться 21—22 часа. Но главным было то, что в этих полетах мы сделали разведку погоды в секторе, где отсутствуют метеорологические станции, так необходимые нам для полета к берегам Гренландии.

28 апреля, рано утром, самолет был готов к старту. Мы наполнили горючим основные и дополнительные баки, а в пассажирскую кабину вкатили десять бочек бензина — на запас. Этого горючего нам должно было хватить на 22—23 часа полета, то есть вполне обеспечивало выполнение ледовой разведки с возвращением на остров Диксон.

Прошло только двенадцать часов после наших последних полетов. Мы были сильно утомлены, особенно механики, которые после прилета сразу занялись подготовкой самолета и всю ночь провели на аэродроме. Однако погода, которую мы наблюдали на западе и отличный прогноз, данный синоптиками Диксона, заставляли нас торопиться, так как на более благоприятный случай в условиях Арктики рассчитывать было трудно.

В ясное морозное утро мы прибыли на аэродром. Тяжело нагруженный самолет, еще в камуфляжной окраске военного времени, резким диссонансом выделялся на снежной, сверкающей поверхности, залитой потоками весеннего солнца, напоминая о грозных днях победоносной войны. Механики и обслуживающий аэродромный персонал заканчивали последние приготовления и снимали чехлы с уже прогретых моторов.

В 11 часов 49 минут по московскому времени мы вырвали на старт.

Последняя проба моторов — и Титлов выкидывает руку в открытый иллюминатор, спрашивая разрешения на взлет. На фоне искрящегося снега взвизгивает черный флаг — начальник аэродрома тов. Вепров дает разрешение на старт.

Все быстрее и быстрее бежит самолет, вздымая тучи снежной пыли. Надрывно воют моторы, включенные на полный газ.

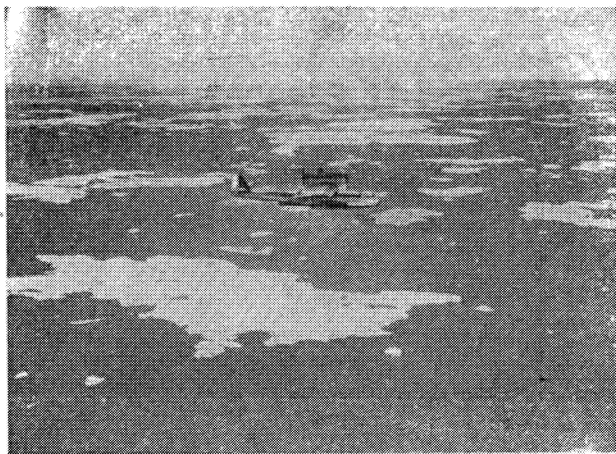
На 32-й секунде наш нагруженный свыше меры самолет тяжело повисает в воздухе и медленно набирая высоту, делает широкий, осторожный круг над проливом, где расположен аэродром.

Спокойно и ритмично гудят моторы. Стрелки многочисленных приборов, контролирующих их работу, четко стоят на нормальных индексах. Шекуров кивает головой: с моторами все в порядке, и я даю курс: мы идем на мыс Желания.

Через минуту под нами уже море. Широкое береговое развозье черной лентой ложится под самолетом. Чтобы не перегреть моторы, мы идем на высоте ста метров. В зеркале воды бежит отражение нашего самолета.

Под нами простираются льды Карского моря, испещренные узкими развозьями открытой воды. Шекуров, отослав спать своего помощника, внимательно следит за приборами моторов.

Минут нашего полета на протяжении 4650 километров проходит на ло льдами Полярного бассейна. Мы должны пересечь моря Карское, Баренцево, Гренландское и часть Ледовитого океана и к тому же дважды, по разным трассам.

Маршрут нашего полета на протяжении 4 650 километров проходит надо льдами Полярного бассейна.

Путь таков: остров Диксон — мыс Желания — бухта Тихая (Земля Франца-Иосифа) — Земля Александра — остров Викторин — остров Белый — мыс Лей-Смит (северо-восточный мыс Шпицбергена) — Семь островов — 81°10' северной широты, 5°30' западной долготы — 81°20' северной широты, 19°30' восточной долготы — остров Фойн — остров Большой — острова короля Оскара — мыс Столбовой (Новая Земля) — мыс Выходной (Новая Земля) — Шарановы Кошки — остров Вилькицкого — остров Диксон.

При самом неблагоприятном встречном ветре мы могли продержаться в воздухе около 21 часа, оставляя навигационный запас горючего на два часа. Соответственно этому нами было взято и смазочное. Таким образом, условия безопасности полета были предусмотрены полностью, и мы уверенно шли к намеченной точке в Гренландском море.

Спустя час после взлета погода стала портиться. Впереди на белесом горизонте появилась низкая облачность. Сильный северо-западный ветер снизил нашу скорость километров на семьдесят—семьдесят пять в час. Самолет сильнее болтало и сносило влево на два-три градуса. Резкие порывы бросали самолет из стороны в сторону. Под нами седые волны дробили ледяные поля на мелкие обломки, поднимая к небу тучи зеленых брызг. Изредка попадались пирамидальные айсберги. Почти синие сверху и ярко-изумрудные в подводной части, они, как корабли, неслись среди хаоса льда и волн, ломая все на своем пути.

Целое море чистой воды... Должно быть... ветвь теплого атлантического течения, идущего вдоль западных берегов Шпицбергена, образовала эту гигантскую полынь.

* * *

Мы подходили к мысу Желания. Теперь ветер дул не с северо-запада, а прямо от берегов Новой Земли. Появилось много открытой воды и мелкого, словно дробленого, льда. Бешеные порывы штормового ветра, неожиданно, вопреки прогнозу, обрушившегося на нас, неистово вырывали из рук штурвалы, трепля и бросаая машину так, что мы с трудом удерживались в сидениях, с опасением поглядывая на гнущиеся крылья самолета.

— Новоземельская бора! — кричит мне Михаил Алексеевич.

Я киваю головой, настороженно всматриваясь вперед, на вырывающиеся из рваной пелены облачности голубые громады айсбергов.

Все полярные летчики и моряки отлично знают, что такое новоземельская бора. Порывистый ветер достигает страшной силы, доходя до 60 метров в секунду. Горе кораблю, попавшему в его лапы! Море кипит, как в котле. Порывы ветра, ударяясь о воду, поднимают столбы брызг. Щебень, гравий и мелкие камни носятся в воздухе.

Новоземельская бора — ветер местного характера. Уже в море, в 20—25 милях от Новой Земли, сила его

Выйда на траверс Семи островов, меняем курс. Скалистые, высокие острова отчетливо выделяются на фоне льда.

падает до среднего ветра. Происхождение этого ветра обязано влиянию высоких гор Новой Земли на общий поток воздушных масс. Как правило, бора несет повышение температуры воздуха, вызывающее обледенение самолета, пургу и плохую видимость.

Проходим траверс мыса Желания. Ветер постепенно затихает и вскоре падает до трех баллов, переходя на старое направление. Понижилась и температура. Малая высота и туман не позволяют видеть очертаний северной части Новой Земли, но проход мыса Желания отмечается взятыми радиопеленгами. Изменилась и картина льдов. Пошли большие ледяные поля более спокойной формы, чем в широком поясе постоянного торошения, дугой окружавшего мыс Желания.

Выйда из зоны действия боры, мы изменяем курс и идем на бухту Тихую.

Предстояло лететь 520 километров над морем Баренца. Здесь мы были месяц назад, а потому сейчас этот участок снова представлял большой интерес, давая возможность проследить картину изменения льдов.

* * *

Прошло полтора часа. Погода улучшилась. Облачность разорвалась, и в просветы выглянуло солнце. Взяв его пеленги астрокомпасом, я убеждаюсь, что мы идем на пять градусов правее.

Вскоре справа, на фоне голубого неба, появляется высокое кучевое облако, формы которого по мере нашего приближения не изменяются.

— Земля? — всматриваясь, спрашивает Михаил Алексеевич.

— Остров Сальм. Один из самых юго-восточных островов Земли Франца-Иосифа.

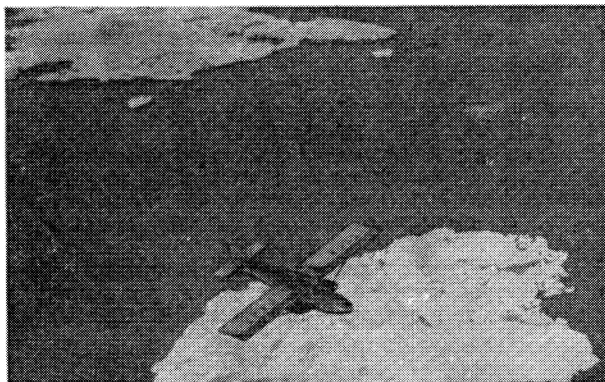
— Что-то уж очень маленькая скорость. Этак все горючее сожжем еще до Шницбергена, — разочарованно качая головой, отвечает он.

— Скорость постепенно нарастает, машина стала легче, а за фронтом должен измениться ветер, — успокаиваю его я, внутренне проклиная этот встречный ветер, который, не переставая, дует уже свыше четырех часов.

Ледовая обстановка в связи с близостью земли также меняется. Появляется много чистой воды и молодого, вновь образовавшегося за последнюю неделю льда. Изредка встречаются небольшие группы айсбергов, вмержших в поля, очевидно оторванные от берегового припая.

Бухта Тихая сообщает, что погода хорошая, но впереди лежащие острова закрыты низкой сплошной облачностью, которая по мере приближения к архипелагу опустилась до 50—80 метров.

Чтобы не потерять из виду поверхность моря и не столкнуться с отвесными ледяными берегами островов,

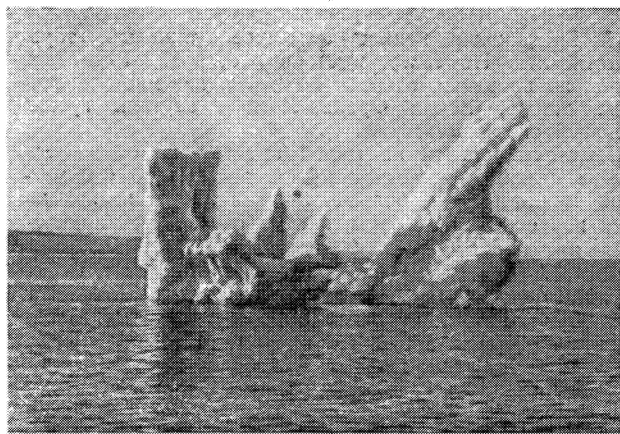

Под нами простираются льды Карского моря, испещренные узкими разводами открытой воды.

сливающихся в один тон с облачностью, принимаем решение пробиваться на Тихую с юга, в обход островов.

Облачность все ниже и ниже прижимает нас к поверхности моря, и странно: несмотря на довольно высокие широты, здесь больше открытой воды, чем льда.

Но вот под нами мелькнул береговой припай (сплошной, не дрейфующий лед, опоясывающий обычно острова), и мы, «оседлав» его кромку, идем вдоль западного берега острова Гукера.

Мы увидели большой, вычурной формы айсберг. Его подводная часть подтаила, и айсберг перевернулся.

Неожиданно облачность обрывается, и перед нами открывается величественная картина Земли Франца-Иосифа. Залитые солнечным светом, гордо высятся заснеженные в своем ледяном молчании заснеженные острова. Только кое-где из-под ледяного панциря вырываются бурые скалы базальта, несмело напоминая в этом белом безмолвии, что есть еще земля, жизнь.

У самого входа в бухту Тихую, как одинокий страж в царстве холода, стоит грозная скала Рубини-Рок. Сейчас, в это время года, она мертва и молчалива, но в мае ее головокружительно отвесные стены заселяются десятками тысяч прилетных птиц, и тогда воздух вокруг нее звенит неумолкаемой разноголосой музыкой.

За Рубини-Рок, на самом берегу, под обрывом плато острова Гукер, приютилась зимовка бухты Тихой.

С самолета отчетливо видны несколько домиков, старый ангар, весело махающий крыльями ветряк. В стороне стоит крест на могиле Зандера, механика трагической экспедиции лейтенанта Георгия Седова, а недалеко обелиск, установленный в 1937 году летчику Эске, старейшему русскому пилоту, сподвижнику Россинского и Блерио, сложившему свою голову в штурме Арктики.

Все здесь до боли знакомо. За двенадцать лет полетов надо льдами много хороших воспоминаний связано с этой зимовкой. Сюда ровно десять лет назад, впервые в истории, прилетели мы с М. В. Водопьяновым на одномоторном самолете «Р-5» из Москвы. Сколько мучений и какого напряжения нам стоил тогда перелет! Но сейчас не время для воспоминаний. Коротко отвечаю на вопросы экипажа, сбрасываем почту выбежавшим зимовщикам и с ходу ложимся на новый курс, к Земле Александра.

За Рубини-Рок, на самом берегу, под обрывом плато острова Гукер, приютилась зимовка бухты Тихой.

* * *

В Британском канале сплошной, тяжелый, торосистый лед. На север, в сторону острова Рудольфа, ясно, но на запад, впереди по курсу, все многочисленные острова Земли Франца-Иосифа окутаны густой пеленой облачности.

Пытаемся пройти на малой высоте, но облачность очень низкая, а высота островов доходит до 600 метров, может быть и больше, так как многие из них до сих пор еще не измерены, как не изучен весь архипелаг, насчитывающий до 90 островов.

В 1937 году мы не нашли островов Эдуарда и Гармсуорта, отмеченных на английских и советских картах к северу от Земли Георга, в море Королевы Виктории. Проверив наше наблюдение вторично, в ясный, солнечный день, мы окончательно убедились, что этих островов, нанесенных на карту Земли Франца-Иосифа в 1894—1897 годах английской экспедицией Ф. Джексона, в действительности нет и, судя по структуре сложения, всего архипелага, никогда и не было. Очевидно, Ф. Джексон был одной из многочисленных жертв оптического обмана. Сильная рефракция, свойственная арктическим областям, вводила в заблуждение самых опытных исследователей, превращая отдельные предметы в острова и земли. Так впоследствии исчезли нанесенные на карты земли Патермана, Зичи, Андреева и некоторые другие. Бывало и мы в своих полетах над «белыми пятнами» океана «открывали» земли, которые рассеивались, «как дым, как утренний туман», при приближении к ним.

Принимаем решение пересечь архипелаг поверху. Набирая высоту, входим в слепой полет. Машина сразу начинает обледеневать. Куски льда, срываясь с винтов, оглушительно стучат по фюзеляжу. Сильные струи спирта с трудом смывают матовую корку льда со стекла пилотской кабины. Механический антиобледенитель «гудряч», вздуваясь, еле успевает сбрасывать лед, нарастающий на передней кромке крыла. Самолет начинает медленно вздрагивать: это признак сильного обледенения. Но вот на высоте 900 метров выходим из облачно-

сти. Разорвав облачность, появляются ледяные кулола островных вершин. Они помогают ориентировке. Мы очень жалеем, что архипелага не видно, но наша главная цель — наблюдение за льдами.

Уже около часа идем над облаками, скоро и море. Острова кончились. Осторожно идем вниз. Мы опять в облаках и снова проходим стадию обледенения. Все ниже и ниже падает стрелка радиоальтиметра (радиовысотер); только на высоте 200 метров выныриваем из облачности.

Под нами картина бесконечных просторов моря. Видимость отличная. Справа, милях в пяти, виден самый западный мыс Земли Александра. Это подтверждает правильность нашего курса. Вскоре облачность резко обрывается. Солнце до боли режет глаза, хотя мы и в светофильтровых очках. Льды к западу от Земли Франца-Иосифа совсем не похожи на льды восточной части моря Баренца. Мощные, очень торосистые, с узкими разводьями чистой воды, в которых большими стаями плавают чайки, кайры и чистики. Странно видеть в этом безжизненном хаосе весело летающих птиц. Очевидно, море в изобилии дает им пищу, и наступающая весна предъявляет свои права.

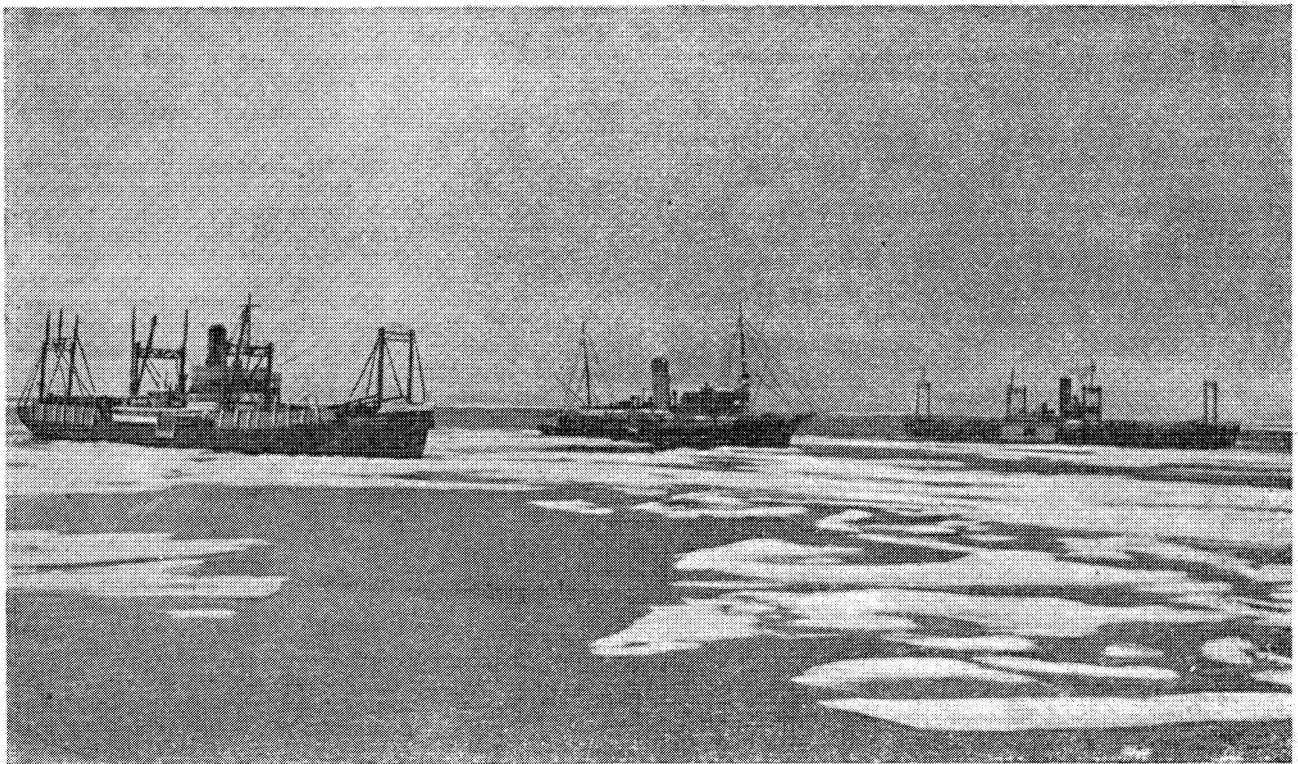
На снегу во всех направлениях причудливым узором разбегаются петли медвежьих следов. Никогда, ни в одном море Арктики мы не видели их в таком количестве. Недаром до войны это место так любили посещать норвежские зверобой.

Следя за одной из стезек отчетливо выделяющихся следов, мы неожиданно замечаем какой-то желтоватый торос, который при нашем приближении быстро откатывается в сторону.

Медведь! А вон еще два, четыре...

Напуганные ревом моторов, смешно подкидывая жирные зады, они неуклюже разбегаются и, на ходу поворачиваясь всем корпусом, с недоумением озираются на самолет, со страхом ожидают нападения невиданной птицы.

Начиная от Земли Александра, на протяжении 160—170 километров, медведи не исчезают из поля зрения, мы видим их то в одиночку, то парами. Иногда появля-

Лето в море Лаптевых. Ледокол «Литке» ведет караван.

Стоит крест на могиле Зандера, механика трагической экспедиции Г. Седова на «Св. Фокс» в 1912 году.

лась медведица с медвежатами. Заслышав самолет, самоотверженная мамаша начала торопливо подгонять свое потомство, награждая его шлепками, а затем бросалась на спину и грозно отбивалась от нас, размахивая в воздухе лапами. Мы улыбались невольно. Трудно вообразить, каким чудовищем, кошмаром представлялся в примитивном медвежьем мозгу наш самолет, но материнская любовь, проявляемая животным, вызвала у нас чувство глубокого уважения.

Часто, параллельно со следами медведей, тонкой нитью тянулись следы песка. Шустрый зверек всегда сопутствует в этих местах медведям, пользуясь остатками их добычи.

Чем и как песец отглаживает медведям, пока неизвестно. Помогает ли он им выслеживать добычу, или предупреждает об опасности — пусть на это ответят биологи. Во всяком случае, такое содружество песка с медведем очевидно. Даже в районе Полюса недоступности, когда к нашему самолету пришел медведь, параллельно с его следами были обнаружены и следы песка. Такой симбиоз (союз), несомненно, облегчает животным борьбу за существование.

У мелких разводий большими стаями лежали на льду нерпы, морские зайцы, гренландские тюлечи. Ничуть не пугаясь самолета, они с любопытством вытягивали шею, подолгу следили за нами. Такое обилие животных здесь, несомненно, объясняется прекращением зверобойного промысла в период войны.

* * *

В 17 часов 20 минут мы подходим к государственной границе. Она проходит вдоль меридиана между островами Виктория и Белый. Всюду простирается тяжелый торосистый лед. Изредка попадаются айсберги. Под нами лежит норвежский сектор Арктики.

Справа, горя на солнце ледниками, появилась сверкающая вершина острова Белый. Подходим ближе.

Никаких признаков жизни. Мертвая глыба льда в океане.

Здесь нашли себе могилу первые люди, пытавшиеся покорить Арктику с воздуха: С. Андре, Стринберг и Френкель, шведская экспедиция, пытавшаяся в 1897 году достичь Северного полюса на воздушном шаре «Орел». Мы молча склоняем головы перед местом гибели первых полярных летчиков и, покачав самолетом с крыла на крыло, ложимся на новый курс.

...Как далекая облачность, миражит в чистом, прозрачном воздухе Шпицберген, но до него еще далеко — около 60 миль. Мы идем на высоте 600 метров, беспрепятственно зарисовывая формы и виды льда. Близость земли сказывается и на ледовой обстановке. Один за другим идут пояса торосения дробленого льда, появилось много открытой воды, над которой реют стаи птиц, а на льдинах важно возлагают тюлени.

Уже отчетливо виден северо-восточный конец Шпицбергена — мыс Лей-Смит и купол ледяного остроча Большого. Под нами чистая вода. Крупные волны свободно гуляют по изумрудно-зеленой поверхности моря. Стада касаток, резвясь в воде, поблескивают черными спинами, напоминая выпущенные торпеды. Вот и Шпицберген — Грумант, как издавна звали его русские зверобои, неоднократно зимовавшие там. Сейчас Грумант пустынен. Залиты угольные шахты в Баренцбурге: немцы похозяйничали и здесь. Северная часть была пустыня и до войны.

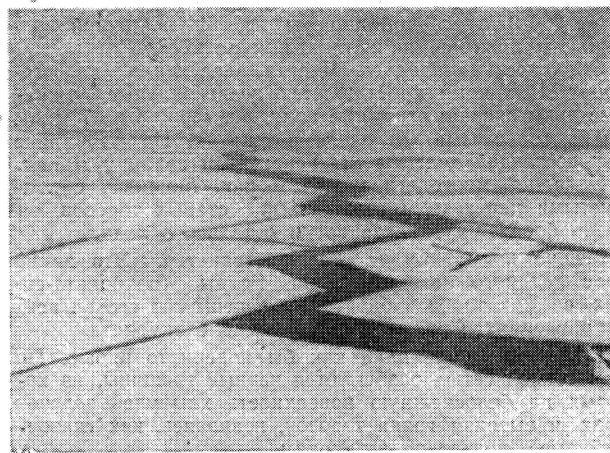
Мы идем параллельно побережью северной части архипелага, держа курс к Семи островам. Отвесные стены могучих ледников, в синих и зеленых изломах, ослепительно горят в лучах низко стоящего солнца. Тяжелый, в десятки миллионов тонн, огромный поток льда языком спускается к океану. Вначале — спокойно, ровным белым массивом. Ближе к морю — на нем появляются узкие поперечные трещины. Они все более и более раскрываются, зияя черной, мрачной пустотой своих бездн, а ниже переходят в отвесные ледяные скалы. Сплывая в океан, эти скалы превращаются в величественные айсберги.

Вот и сейчас около десятка «отелившихся» айсбергов, подчиняясь силе подводного течения, медленно плывут против ветра, ломая на своем пути одиночные поля льда.

Подходим к мысу Платэн; отсюда в 1928 году совершили свой исторический полет прибывшие на ледоколе «Красия» летчики Б. Г. Чухновский и А. Д. Алексеев, нашедшие группу Мальгрема из экспедиции Нobile.

Мы внимательно следим за берегом. Никаких признаков пребывания человека. Молчаливые льды мертвой земли и бескрайные просторы оледенелого океана.

Видимость отличная, но впереди какая-то черная, зловещая облачность. Она охватывает весь горизонт, перегораживая нам путь.

Ближе к морю на льду появляются поперечные трещины.

Караван судов входит в бухту.

— Водяное небо! Там целое море чистой воды, — показываю я на облачность, отражающую в себе темную поверхность открытой воды.

— Какое странное место! Смотри, и температура поднялась до минус два градуса! — отвечает Титлов, пытливо всматриваясь вперед.

Вскоре мы идем под нижней границей облачности, над бурным, клубящимся густыми испарениями морем, на высоте 30—50 метров. Должно быть, ветвь теплого атлантического течения, идущего вдоль западных берегов Шпицбергена, образовала эту полыню.

Где-то здесь этот могучий теплый поток опускался в глубины холодного океана, уходя в Центральный бассейн Арктики, где на глубинах он обнаруживался экспедициями И. Д. Папанина, «Седова» и «Н-169». Благодаря этой «арктической теплоцентрали» климат Шпицбергена значительно мягче Земли Франца-Иосифа, а Мурманский порт не замерзает даже зимой.

От 80° 45' северной широты, 20° 60' восточной долготы мы ложимся на истинный курс 277°.

Облачность кончилась. Чистая вода ушла на юго-запад. Под нами простираются десятибальные, тяжелые льды океана: огромные поля, размером 5 на 7 миль, очень торосистые, со следами сжатия. На меридиане 10° восточной долготы мы пересекаем границу Дании.

Начались многолетние льды — пак. Мощный, с холмистыми перекатами сглаженных, старых торосов, он резко бросается в глаза среди остального льда.

Вскоре пак занимает все пространство. Это дикий хаос ледяного нагромождения. Гряды голубовато-синих, свежих торосов барьерами испещряют его во всех направлениях. Сжатие хорошо видно с самолета.

Гигантское поле пача как бы подернуто рябью. По нем тонкой сетью разбегаются черные трещины, из которых на белоснежную поверхность хлынула зеленая вода, и высокая гряда торосов, извиваясь, как сказочный змей, ползет по его краям.

Шум моторов глушит канонаду этой дикой силы, но иногда, как нам кажется, и до нас доходит отдаленный

гул разъяренной стихии. Изредка встречаются айсберги. Обветренные, причудливые, они пришли издалека, от берегов Северной Земли, Земли Франца-Иосифа, а может быть, это посланцы неизвестных островов.

Пересекаем меридиан Гринвича. Всюду пак и редкие, но большие разводья воды. Ежечасно даем погоду на Диксон. Наши синоптики впервые получают метеосводки из этого района; теперь у них будет материал для точного прогноза.

В воздухе мы уже больше девяти часов. Диксон сообщает, что погода на обратном пути будет портиться. Принимаем решение еще сорок минут идти курсом 277°, а потом разворачиваться на восток-северо-восток.

Наше внимание привлекает большой, вычурной формы айсберг. Его подводная часть, изъеденная водой, подтаяла, стала легче, и айсберг перевернулся. Десятки тонких игл, обелисков и башенок, созданных, казалось, чудесным архитектором, вздымались в небо, искрсясь всеми цветами радуги. Как завороченные, смотрели мы на это чудо. Но и дворец-сказка остался позади, а впереди все то же дикое однообразие тяжелого льда, дрейфующего из Центрального бассейна Арктики в теплые воды Атлантики.

* * *

Все время следя за расходом горючего, Шекуров сообщает, что бензина осталось на одиннадцать часов. На всем обратном пути ожидается плохая погода. Туман может закрыть Амдерму и Диксон. Запаса топлива нам хватит до Дудинки, где хорошая погода. Но нам хочется вернуться на Диксон, чтобы завтра снова пойти в разведку.

До Гренландии остается 80 километров. Если бы не облачность, мы уже увидели бы берега этой «Зеленой Земли», как ее назвал в X веке Эрик Рыжий, норвежский викинг.

Но с точки зрения ледовой разведки берег Грен-

ландии не представлял для нас интереса. Исследование потока льда, выходящего Арктикой, — вот что было нашей целью. В 20 часов 47 минут даю новый курс, и мы идем обратно, но более северным маршрутом, чтобы выйти к 81°10' северной широты 19°30' восточной долготы.

Конечно, нам очень хотелось посмотреть на берега «Зеленой Земли», но горючего оставалось в обрез, и рисковать только для того, чтобы полюбоваться дикими красотами Гренландии, мы не могли. Помахав рукой, мы попрощались с вызвавшей наше любопытство землей в надежде, что в ближайшее время снова посетим этот ледяной остров.

На обратном пути мы не обнаружили новых форм льда. Все тот же пак и редкие разводья воды и айсберги. В самолете рабочая, деловая обстановка. Непрерывно идет запись льда. Усталости пока не чувствуем. Моторы и все приборы работают отлично.

Выйдя на траверс Семи островов, меняем курс. Скалистые высокие острова отчетливо выделяются на фоне льда темнокоричневым цветом базальта. У отвесных стен над водой целая туча чаек, кайр, чистиков и люриков. Очевидно, птичьи базары здесь «открываются» раньше, чем на Земле Франца-Иосифа. Сказывается благодатное влияние «арктической теплоцентрали». От Семи островов идем мимо острова Карла XII, взяв курс на Новую Землю.

Отлично ведут себя магнитные компасы, а ведь отсюда до магнитного полюса Росса значительно ближе, чем до Карского моря. Это еще раз убеждает нас, что где-то на широте 86° и долготе 165° восточной существует второй магнитный полюс — «полюс Седова», как его назвал советский ученый К. Б. Вейнберг, первый теоретически определивший его существование. Он расположен значительно ближе к районам нашей основной работы по ледовой разведке — морям Карскому, Лаптевых и другим. Вот почему там так плохо ведут себя магнитные компасы, подчиняясь законам земного магнетизма.

* * *

29 апреля. Начинаем чувствовать усталость. Ритмичное гудение моторов клонит ко сну. Боремся с ним крепким, черным кофе и завидуем механикам, которые спят поочередно.

В 00 часов 58 минут лед кончается, и мы летим над морем Баренца. Над водой мрачные, низкие тучи.

На льдинах важно возлегают тюлени.

Идем бреющим полетом. Кругом, куда ни помотришь, седые, холодные волны бурного моря. Невольно прислушиваемся к ритму моторов. Бреющий полет над открытым морем не представляет приятного ощущения, но наша задача — следить за поверхностью воды: может всегда появиться лед.

Около двух часов мы идем над чистой водой, пока туман и сильное обледенение не загоняют нас на высоту.

Дойдя до Маточкина Шара, мы пересекаем горы Новой Земли и, снизившись до высоты в двести метров, снова летим над сплошными льдами Карского моря.

В 6 часов 45 минут впереди появляются знакомые контуры острова Диксон, а через пятнадцать минут колеса самолета мягко касаются укатанной снежной дорожки аэродрома.

Разведка выполнена. Мы были в ней девятнадцать с половиной часов. Получая поздравительные радиogramмы от моряков и ученых, мы чувствуем себя счастливыми: мы также внесли в науку свою маленькую лепту.

Назавтра нас ждет большая разведка — к 85° северной широты. Арктика отступает перед человеком.

У ОХОТНИКОВ КАМЧАТКИ

За зимний сезон камчатские охотники добывают много пушнины. Но Камчатка богата не только пушным зверем. Каждый сезон охоты на заготовительные пункты Камчатки

поступают сотни тонн превосходного медвежьего мяса и тысячи пушистых медвежьих шкур. Не меньше 5 000 медведей добывают за сезон камчатские охотники.

С осени медведь ложится в берлогу на зимнюю спячку. До весны его никто не тронет, разве что случайно собаки наткнутся на берлогу и приведут охотника к зимней квартире медведя. Зато в апреле, когда зазвенят первые весенние ручьи, медведь выйдет из своей берлоги. Ослепленный солнцем, он будет медленно бродить среди сопос, не видя опасности. Тогда его достигнет верная пуля охотника. В эту пору охотники Тагильского и Большеберезовского районов нередко добывают по 30—40 медведей за дни весеннего промысла.

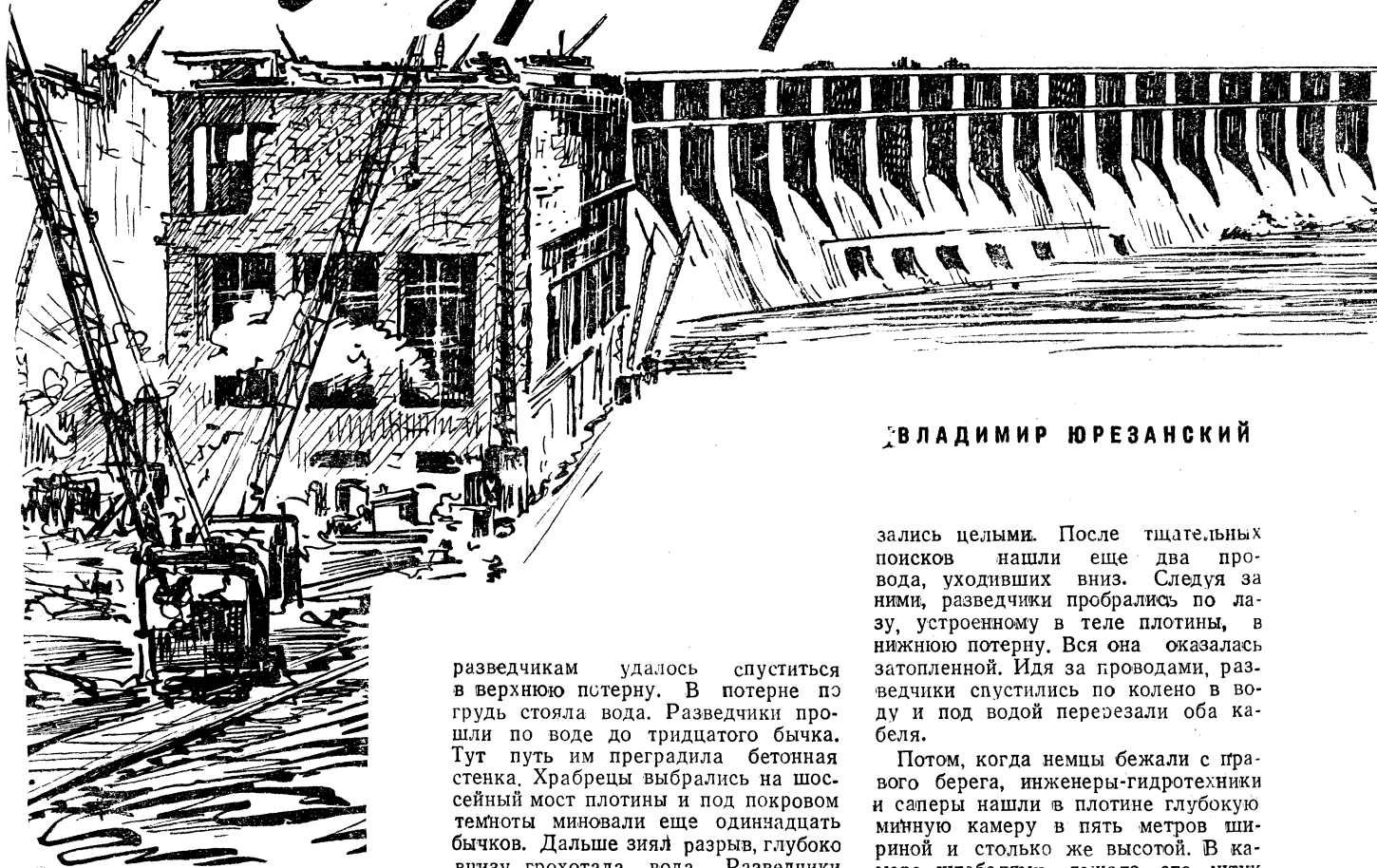
Знаменитые медвежатники живут в Карагинском районе Корякского национального округа. Старый, опытный охотник Михаил Попов ежегодно добывает десятки медведей. За годы охотничьего промысла он убил 500 медведей.

Михаил Попов — бесстрашный медвежатник. Он охотится на медведя старинным способом, давно уже оставленным коряками с тех пор, как охотникам Севера стали доступны ружья. Отважный охотник идет на медведя с громадной металлической пикой. Он подходит совсем близко к громадному зверю и ловким броском всаживает в его тело острие пик. Но пика не убивает медведя, а только ранит его. Охотник добывает зверя искусным ударом охотничьего ножа. Нужно много ловкости, силы и бесстрашия, чтобы таким способом промыслить медведя. Эту ловкость и сноровку воспитывают с детства у своих сыновей потомственные корякские охотники.

Камчатские охотники добывают медведя не только весной, когда его легче промыслить, но и осенью, когда косопалый мишка нагуливает жир, вдоволь поевши рыбы, изобилующей в реках Камчатки. Осенью охота на медведя более трудная, но зато охотникам часто достаются крупные медведи, весом до 350 килограммов.

Н. М.

Возрождение

ВЛАДИМИР ЮРЕЗАНСКИЙ

Разведчикам удалось спуститься в верхнюю потерну. В потерне по грудь стояла вода. Разведчики прошли по воде до тридцатого бычка. Тут путь им преградила бетонная стенка. Храбрецы выбрались на шоссейный мост плотины и под покровом темноты миновали еще одиннадцать бычков. Дальше зиял разрыв, глубоко внизу грохотала вода. Разведчики стали ползком пробираться над бездной по служебному подкрановому мосту. По обрывкам тросов они взобрались на вершину следующего за разрывом бычка и снова поползли к самому краю плотины, где сидели немцы. Руки и ноги на высоте стыли. Зеленые, ослепительно яркие ракеты взвивались в небо, и, пока трепетал их зловещий свет, разведчики замирали неподвижно. Наконец они доползли до нулевого бычка, которым плотина кончалась. В нулевом бычке была бетонная камера. Из камеры разведчики слышали лающий голос немецкого корректировщика, который угнездился где-то под ними и поминутно кричал, очевидно, в телефонную трубку:

— Файер! Файер!..

Разведчики проникли в потерну со стороны немцев. Здесь они обнаружили два черных кабеля, ползших высоко по стене, подобно змеям.

— К минам! — сразу поняли разведчики.

Они поднялись к потолку и в том месте, где кабели уходили в бетси, перерезали их с таким мастерством, что на первый взгляд провода ка-

зались целыми. После тщательных поисков нашли еще два провода, уходивших вниз. Следуя за ними, разведчики пробрались по ладу, устроенному в теле плотины, в нижнюю потерну. Вся она оказалась затопленной. Идя за проводами, разведчики спустились по колено в воду и под водой перерезали оба кабеля.

Потом, когда немцы бежали с правого берега, инженеры-гидротехники и саперы нашли в плотине глубокую минную камеру в пять метров шириной и столько же высотой. В камере штабелями лежало сто штук полутонных авиационных бомб и свыше трех с половиною тонн тола. Если бы советские разведчики не перерезали своевременно проводов, на воздух взлетела бы вся плотина.

Но других сооружений спасти не удалось.

Днепровская гидроэлектрическая станция была взорвана немцами с дьявольской злобой бессилия и с чисто немецкой пунктуальностью. В каждую турбину, под каждый генератор ошалевшие от поражений гитлеровцы заложили фантастические по уничтожающей силе заряды. Свыше четырехсот тонн взрывчатых веществ забили они в недра гидростанции. В результате адского взрыва турбины рухнули в гигантские подводные кратеры, тяжелые генераторы были снесены со своих мест; шестой генератор, как шапкой, накрыл седьмой, остальные разлетелись страшными, изуродованными кусками. От прекрасного здания гидростанции осталось искалеченный, погнутой, чудовищно покореженный железный скелет, голый и черный, торчавший безобразно спутанными переплетениями. Глыбы бетона, туфа, гранита, песча-

По ночам за Днепром взлетали в небо феерически яркие, зеленые немецкие ракеты. «Языки» на допросах показывали, что плотина, щитовая стенка, сопрягающий устой и гидростанция минированы, что все эти сооружения будут взорваны, как только германские войска почувствуют, что им у Днепра не удержаться, и тронутся на запад, в безнадежность своего дальнейшего отступления.

Инженеры-гидротехники, присланные в помощь советскому командованию, предложили послать разведчиков не по открытому пространству через Днепр, а по строительным ходам внутри сооружений. В теле плотины на большой глубине имелись две глухие смотровые галереи, так называемые потерны — верхняя и нижняя. Это были довольно обширные тоннели, предназначенные для наблюдений за состоянием бетона.

В ночь на 27 октября 1943 года черз вентиляционный ход в бычке

ника, речных валунов, узлы арматуры, конструкций и толстых стальных балок громоздились по всему правому берегу, точно это был не Днепр-гэс, а какая-то неведомая планета, подвергшаяся неспостижимой катастрофе и погасшая навсегда.

II

Еще шла война, еще гремели кровопролитные бои, еще в смертной схватке с врагом была напряжена страна, а товарищ Сталин уже отдал распоряжение начать работы по восстановлению днепровского гиганта. Это решение было в те дни вестью о скором избавлении советского народа от бед варварского нашествия, оно вселяло надежду на быстрое возрождение жизни.

Начальником восстановительных работ правительство назначило одного из виднейших молодых гидротехников Советского Союза — Федора Георгиевича Логинова, умелого руководителя и организатора целого ряда электроэнергетических строителств.

Логинов с группой инженеров приехал на Днепрострой в начале марта 1944 года. Хаос разрушения, представший его глазам, был потрясающим. У него похолодело сердце, остановилось дыхание, когда он увидел мертвые, циклопические руины. Насколько легче и проще было бы начать строительство на голых берегах! Как освободить от страшных завалов подступы к погибшим сооружениям, как убрать изверженные взрывами непомерные груды каменного лома, как дойти до живой земли, на которую можно было бы опереться?..

— Ой, лишенько! — в ужасе восклицали бригады девушек, посланные на расчистку. Они невольно останавливались. — Люди добрые! Да нам же

и в десять лет горы этой не убрать!..

Но под руководством коммунистов девушки все же начали работать. Комсомольские бригады увлекали за собой другие. Бетонные и каменные глыбы разбивали кирками и кувалдами, разбуривали перфораторными молотками, уносили на носилках, увозили на тачках. Металл разрезали автогенными аппаратами на куски, куски связывали тросами, тяжелые связки поднимали кранами. Работа на правом берегу безостановочно кипела не только днем, но при свете электрических фонарей и по ночам. Восстановление плотины и гидростанции стало общенародным делом всего нижнего Приднепровья. Из Мелитополя, из Николаева, из Знаменки, из Каховки, из херсонских степей приезжали тысячи молодых женщин и девушек: рабочей силы не хватало, мужчины сражались на фронте.

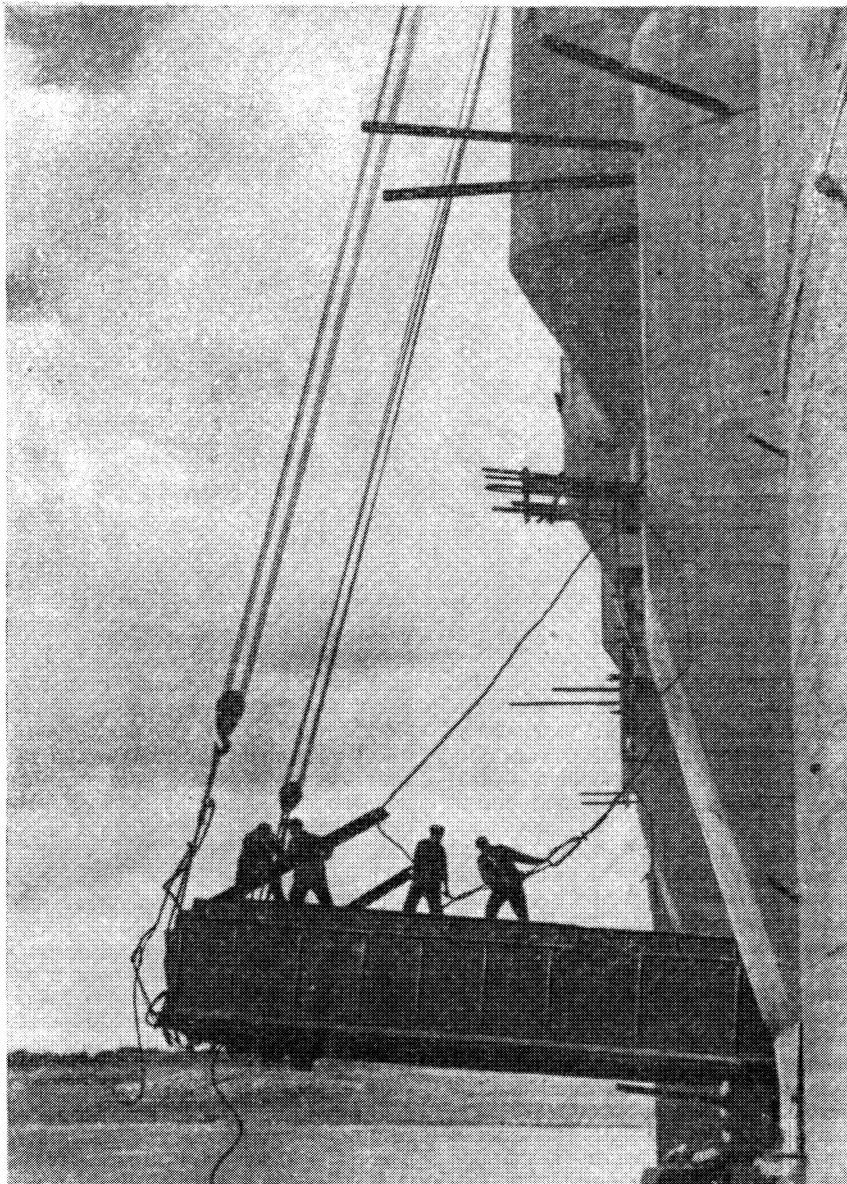
Девушки осваивали самые разнообразные специальности: они были и плотниками, и бетонщиками, и арматурщиками, и мастерами бетонных заводов, и автогенными сварщиками, и электриками, и строителями домов — каменщиками, штукатурами, кровельщиками, малярами, стекольщиками, — и шоферами в большом, непрерывно работавшем автомобильном парке. И всюду впереди шли комсомолки. Тут проявились такие дарования и характеры, что без волнения нельзя о них ни слушать, ни думать. В своем героическом труде они стали ровень с прославленным комсомолом первого Днепростроя, с тем воспетым поэтами и писателями комсомолом, который в 1932 году был награжден орденом Ленина и получил всесоюзную известность.

Связи между берегами не существовало. Установили паром, переправлялись с одной стороны на другую в наскоро сделанных лодках. Но это была крайне медленная и несовершенная переправа. Приходилось по-

неволе терять много времени, а время было дорого, время заставляло каждый день безостановочно идти вперед, спешить к неотложной цели. Логинов рассчитал, что над взорванными участками плотины можно натянуть тысячи пешеходные мостики, подобно подвесным путям для вагонов при рудных разработках в горах.

Осуществление этой задачи он поручил комсомольской бригаде монтажников Андрея Евграфова. Евграфов обладал смелостью, ловкостью, умелой сноровкой и упорством в работе. Он приобрел трудовую закладку еще на судоремонтном заводе Главсевморпути, а затем в монтаже на Урале. В бригаду Евграфова входили юные комсомольцы, почти мальчики по возрасту, которые с увлечением взялись за устройство воздушных мостов. Отважный бригадир, с двумя помощниками, взяв стальные канаты, поплыл в лодке к крайнему бычку, откуда предстояло начать первый мост. Лодка, как струной, была привязана длинным тросом к лебедке. Половодье делало Днепр стремительным, грозным.

Течение с бешеной силой понесло лодку в водопад разороченного взрывом пролома в плотине. Весла не помогали, руль не оказывал действия. Лодку тащило далеко мимо бычка. С берега ее оттянули за трос назад и запустили снова, но уже значительно левее. Однако лодка опять помчалась, точно в трубу, в сторону от бычка, на стрележь водопадного потока. Ее запустили шесть раз — и всё не могли подвести на нужное место. Инженеры опасались, что от чрезмерного натяжения лопнет трос. Тогда водопад кинул бы монтажников в клокочущую пучину нижнего бефа, на гибель.. Наконец, в седьмой раз, лодку закружило у бычка. Евграфов ухватился за обрывок кабеля.

Перед закрытием донного отверстия.

Он отделился от лодки, повис над водой. Однако долезть до верха бычка было невероятно тяжело. Евграфов цепко карабкался, продвигаясь все выше и выше. Он подтягивался из последних сил. Раненная на войне рука немела. За спиной у него был канатный трос, который он должен был прочно, с искусством монтажника, закрепить на верхушке бычка. У Евграфова уже темнело в глазах. Он взобрался только после отчаянных усилий. Затем спустил товарищам веревочную лестницу. Те поднялись, и втроем они выдолбили в бетоне глубокие дыры, вделали в них стальные стойки, к стойкам привязали канат. Так Евграфов прошел из пролета в пролет над тремя взорванными участками плотины и над каждым участком натянул по два каната. К ним он повесил короткие верти-

кальные тросики, к которым прикрепил снизу два новых толстых каната. На нижние канаты был уложен деревянный настил, а верхние стали как бы перилами. Открылся новый вид переправы. 1 мая 1944 года бригада Андрея Евграфова, при огромном стечении народа, с красным флагом в руках прошла по висячим мостам с правого берега на левый.

— Вот они, чортовы мосты! Истинно слово, чортовы!.. — восхищенно гудели люди на берегу. — Волшебное дело устроили ребята. Ну, хват Андрюшка! Доказал!..

Вслед за бригадой, ойкая и боязливо вскрикивая, пошли девушки. Мостики висели над пучинами грохочущих пенистых бурунов. Водяные горы, сшибаясь друг с другом, кипели внизу. В ветреные дни мостики зыбко качались. У тех, кто шел по

ним, кружилась голова, слабели, отнимались ноги. Но непрерывное сообщение между берегами было осуществлено. Подвесные мосты были событием, изумившим работавших на Днепре людей. Слава Андрея Евграфова прогремела тогда по обоим берегам.

Но сколько тяжелых задач, полных опасности и почти невыполнимых трудностей, оставалось еще впереди!.. Открытие автомобильного сообщения в теле плотины через верхнюю потерну; пробивка в плотине донных отверстий, чтобы снизить уровень воды в Днепре и обнажить разрушенные пролеты для бетонировки; сооружение набросной дамбы для защиты площадки гидростанции от весеннего паводка 1945 года; возведение щитовой стенки и сопрягающего устоя между плотиной и гидростанцией — лихорадочная работа под позгоянной угрозой стихийно напорающей воды. И, наконец, самое трудное, самое героическое дело — закрытие донных отверстий.

III

Каждое донное отверстие представляло собою высокий и широкий тоннель, по которому рядом, бок о бок, могли бы проехать два грузовика.

Когда отверстия пробивались, последняя перегородка бетонной кладки перед толщей воды колоссального бассейна, образуемого плотиной, выносилась взрывом. Поэтому никто не мог высчитать и точно представить очертаний отверстий в сторону реки. Обследовать очертания при помощи водолазов было невозможно: вода мгновенно втянула бы водолаза в бетонную пасть, и выручить, спасти его потом не могли бы никакие человеческие силы. Незнание выходных форм проломов делало работу по закрытию донных отверстий мучительной. Инженеры сконструировали тяжелый металлический щит, так называемую хлопушку. Это была огромная плита, размером около сорока квадратных метров. На двух стальных канатах, вделанных в проушины щита, в приподнятом под прямым углом виде, она опускалась в реку над местом, где было донное отверстие. Затем приподнимающий трос скидывался с крючка, и силою воды в мгновение секунды щит наплотно прихлопывало к отверстию. Отверстие закрывалось как бы заслонкой. После этого начиналась лихорадочная заделка щелей, сквозь которые пробивалась вода. Тут надо было спешить, творить, угадывать, придумывать самые смелые способы, игнорировать на риск. При закрытии донных отверстий каждый день, каждый шаг требовал смелости, находчивости, живой, быстрой изобретательности. Мало было во что бы то ни стало справиться с напором реки, справиться не только благодаря технике, но и благодаря искусству. Погнать во-

Бригадир комсомольской бригады монтажников «Гидромонтажа» Андрей Евграфов.

ду, как зверя на охоте, туда, куда надо; для этого необходимы были и глаз, и опыт, и талант.

Особенно много тяжелых затруднений причинило второе донное отверстие. Когда стали опускать щит, один стальной канат выскочил из проушины, и щит пришлось косо, не закрыв донного отверстия полностью. Инженер Орел предложил опустить поверх щита громадную железную раму с частыми переплетениями. К раме привалили с высоты плотины пятьсот мешков с песком. И все же ток воды оставался очень сильным. Заместитель начальника работ левого берега, инженер Данилович, снова приказал валить в Днепр мешки с песком. Ток воды несколько уменьшился. Но все же он был на-

столько грозен, что никто не решился проникнуть в донное отверстие. Тогда Данилович надел на себя водолазную рубашку и сам пошел в хлещущую воду. К Даниловичу присоединились молодые бригадиры Хохлов и Петцер. Они тоже оделись в водолазные рубашки, снабженные кислородными баллонами для дыхания в клокочущей водяной буре. Им удалось вдвинуть в донное отверстие четыре спаянных одна с другой трубы, чтобы пустить по ним воду.

Теперь задача заключалась в том, чтобы закрыть трубы, запереть воду. На помощь Даниловичу пришли старший прораб Поляков и бригадир Нестеренко. Общими усилиями они ухитрились надеть на трубы железные хомутки. Каждый хомутик имел на конце двойную раму, в которую можно было вдвинуть массивную металлическую заглушку. Вода била с таким диким напором, что всунуть заглушку руками нечего было и думать. Данилович велел втащить в донное отверстие домкрат. Под давлением домкрата начали вжимать в раму первую заглушку. Прорезываемая стальной плитой вода хлестала лучеобразно во все стороны, словно водяное солнце. Белое марево непрерывно извергающихся брызг слепило глаза. В водолазных рубашках, дыша через особый сосок кислородом, мокрые до последней нитки, люди тридцать шесть часов не выходили из донного отверстия. Шипенье и свист воды оглушали. Человеческого голоса не было слышно. Люди переговаривались только знаками. Данилович кидался в хлещущие потоки все с новыми и новыми приспособлениями. Его находчивость была неиссякаемой. Пример Даниловича

Инженер-конструктор М. И. Орел.

действовал окрыляюще. Его помощники наперерыв друг перед другом спешили одолеть, обуздать, укротить воду.

Наконец первая заглушка была вдвинута.

Начали вжимать вторую. Внезапно бригадира Нестеренко сбило с ног и потоком воды швырнуло на подпорки металлической эстакады, которую установили для укрепления труб. Сердце у Даниловича замерло: ему показалось, что бригадира разбило о железо. Но Нестеренко успел ухватиться за стальные козлы, на которых стояли трубы, и, захлестываемый водой, уже поднимался, вставал из пенистой мглы.

Четверо суток закрывали две последние трубы. Данилович работал с горячей неутомимостью, с таким самозабвением, словно вся его жизнь зависела от исхода борьбы в этом страшном тоннеле. Он был первым, самым удачливым мастером среди своих героических помощников. Все вместе они трудились, как братья, попавшие в губительный шквал; из которого надо было вырваться. Последняя труба была закрыта.

Теперь надо было скорей укладывать мешки с цементом, чтобы загородить стальной щит и наглухо завалить запертые трубы. Однако вода под колоссальным давлением еще врывалась в камеру донного отверстия сильными, горизонтальными, острыми, как сабли, струями. Данилович, Поляков, Нестеренко, Петцер, Хохлов из последних сил укладывали мешки. Цемент в мешках под действием воды должен был окаменеть. Люди возвели стену до потолка. Их труд увенчался успехом. Мокрые от воды и от пота, они торжествовали, с радостью глядя на счастливое завершение своих усилий. Но вдруг мешки, точно в кошмарном сне, поползли.

Перед глазами произошло невероятное—стена обрушилась. И снова превозмогая усталость, люди кинулись в битву с водой. Они еще раз

Восстановленный причал порта.

Бригадир бетонщиков левого берега комсомолка Полина Шило.

возвели стену, более толстую, чем прежде.

Кран подал на трос бадью с теплым бетоном. Знаменитая на строительстве комсомольская бригада Полины Шило начала бетонировку. Вода в любую секунду могла повалить мешки, сорвать трубы. Данилович не покидал бетонщиц ни на мгновение. Своим присутствием он вселял мужество и смелость.

В новую смену после Полины Шило заступила не менее славная комсомольская бригада Паши Коробовой. Бетон с каждым часом схватывался все крепче и несокрушимей. Стенка росла, утолщалась. Вода была побеждена. Второе донное отверстие, причинившее столько тревог и волнений, комсомолки забетонировали с самоотверженной старательностью. Девушек встречали на берегу, как победительниц.

— Молодцы, девчата! Честь вам и слава! — приветствовал их начальник строительства Логинов.

Он распорядился выдать девушкам крупные премии.

У человеческой воли могут быть крылья. Это ясно чувствовали комсомолки и комсомолки в дни своих успехов. Они знали, как велико значение Днепровской гидроэлектростанции в развитии хозяйственной мощи Украины, в расцвете благосостояния всего Советского Союза. Они создавали своими руками животворящее энергетическое солнце страны. Часто в теплые летние ночи, возвращаясь после работы в общежития, комсомолки говорили о том, какие чудесные здания будут стоять по берегам Днепра, какие дома, театры, кино, техникумы, институты, дворцы культуры вырастут здесь, или по-молодому задорно спорили о металлах, какие будут выплавлять заводы на дешевом днепровском электрическом токе. В конференц-зале управления и в клубе инженерно-технических работни-

ков уже развешаны проекты архитекторов. Проекты полны влекущего очарования. Величавые здания из бело-желтого камня приковывают глаза. Перед ними можно стоять часами. Мир близкого будущего вставал в стройной гармонии и красоте! Хотелось добиться его осуществления как можно скорее. Труд делал будущее вполне осязаемой реальностью...

И вдруг, в порыве взволнованных чувств, девушки начинали петь. Их чистые, прозрачные голоса звенели манящей силой жизни. Голоса уходили в горячую мглу степи, как бы навстречу звездам.

К половине декабря 1946 года были закрыты все донные отверстия, за исключением одного, сквозь которое из верхнего бьефа пропускаться вода, чтобы Днепр ниже плотины не обмелел; уровень реки за гидроэлектростанцией необходимо было держать на определенной высоте.

* * *

Выдающуюся роль в восстановительных работах играет начальник строительства Логинов. Недаром многотысячный коллектив днепростроевцев выдвинул его кандидатуру в депутаты Верховного Совета УССР.

Логинов — сын советской власти, воспитанник большевистской партии. Ему не было и двадцати лет, когда он добровольцем пошел биться против Колчака и Врангеля за великие идеи, провозглашенные Лениным. В жестокой борьбе, в трудных походах завоевывал молодой Логинов новую жизнь, с винтовкой в руках учился

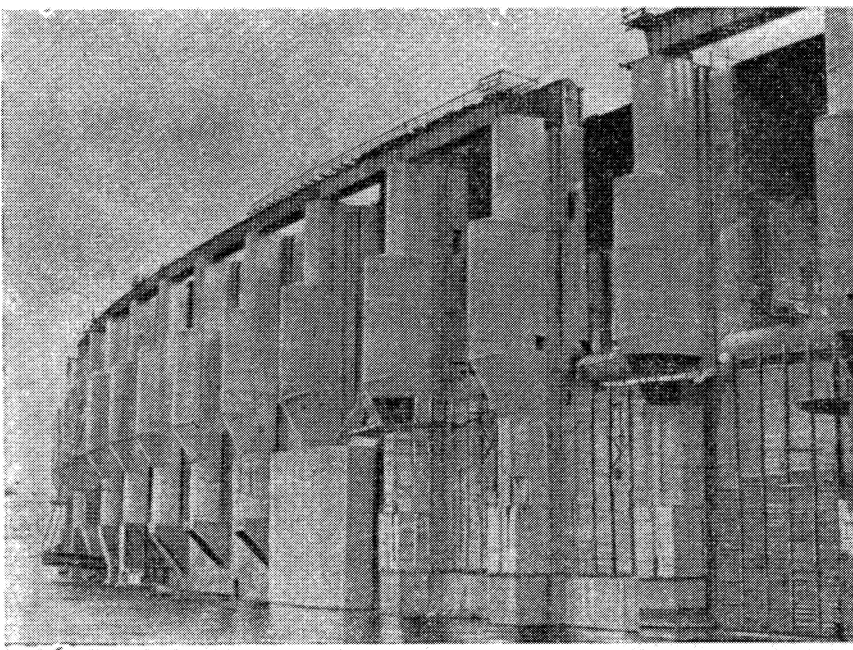

Старший прораб левого берега, начальник бетонно-дробильного завода, карьера и строймеханизации А. В. Поляков. Им был обнаружен оставленный немцами в плотине заряд из ста пятидесятиграммовых бомб.

по-большевистски мыслить и чувствовать. Гражданская война закалила, высветлила его сердце.

В 1928 году Логинов поступил учиться на строительное отделение Ленинградского политехнического института. Яркая природная одаренность помогла ему в короткий срок овладеть и средним и высшим образованием. Родившийся в семье бедного новгородского бондаря, Логинов стал инженером.

Открылась широкая творческая дорога. Год проработал Логинов на Баксанстрое, на Северном Кавказе, три года на Среднем Волгострое,

Плотина. Вид со стороны верхнего бьефа.

У берегов Камчатки

Фото проф. В. П. Зенковича

Изображенные на фото скалы „оторожа“ расположены в километре от тихоокеанского берега Камчатки. Они сложены вулканическим туфом и достигают 40 метров высоты. Такие скалы нередки там, где море интенсивно ведет свою вековую работу по разрушению берега. Наиболее прочные участки породы остаются среди воды на месте исчезнувшего берега и являются свидетельством значительного отступления суши. В науке они называются „абразионными останцами“, а местные жители называют их кекурами или дают им меткое название „сторожей“.

шесть с половиною лет в Средней Азии.

Умелый руководитель, незаурядный, смелый организатор, строгий хозяйственник, чуткий и отзывчивый к нуждам рабочих начальник, большевик сталинской выучки, Логинов всегда пользуется всеобщим уважением.

Он установил на Днепрострое так называемые диспетчерские совещания, на которые раз в неделю, по понедельникам, собираются все инженеры, все прорабы, весь руководящий состав стройки. С каким блеском ведет Логинов эти совещания! Сюда, на общий суд, выносятся вопросы о слабых местах работ, здесь говорят об ошибках и промахах отдельных руководителей. Конференц-зал полон. Люди с напряженным

вниманием слушают. Ничто и нигде не укрылось от зорких глаз начальника. Он все заметил и запомнил — и хорошее и плохое. Тут, в общественном обсуждении результатов работ по участкам, виден весь человек, определяется его удельный вес, его калибр. Диспетчерские совещания стали школой строительного искусства, проверкой качества инженерного руководства.

Дед Логинова был монастырским крепостным Юрьеза монастыря, что стоял у истоков Волхова, у Ильмена, близ Новгорода. Был он изумительным плотником. Мастерство манило и звало его к чему-то необыкновенному. Мастерство не давало ему покоя. Он не мог втиснуть себя в тесные рамки бесконечных монастырских повинностей. Дед отпрашивал

ся у игумена на оброк, уходил в леса и строил на речушках плотины, а при плотинах — мукомольные мельницы. Плотины Ивана Логинова нескрушимо стояли десятилетиями, некоторые из них уцелели до сих пор, а мельницы изумляли своей аккуратной, ловкой красотой и безупречной работой. Внук этого новгородского самородка, искусника деревенских мельниц, стал строителем гигантских железобетонных плотин и мощных гидростанций, сделался искусным мастером, повелевающим реками.

...Над темными днепровскими берегами чуть брезжит зимний рассвет. Резкий, пронзительный ветер дует в лицо. В небе остро сверкают морозные звезды, и среди них алмазно гереливается большая, яркая утренняя звезда на востоке. И вдруг из невидимых в темноте радиорепродукторов, раздается знакомый мелодичный звук курантов кремлевской башни. Куранты после музыкального вступления бьют шесть часов утра. Сейчас же вслед за последним ударом слышится стройное, радостное, окрыляющее пение — исполняется Гимн.

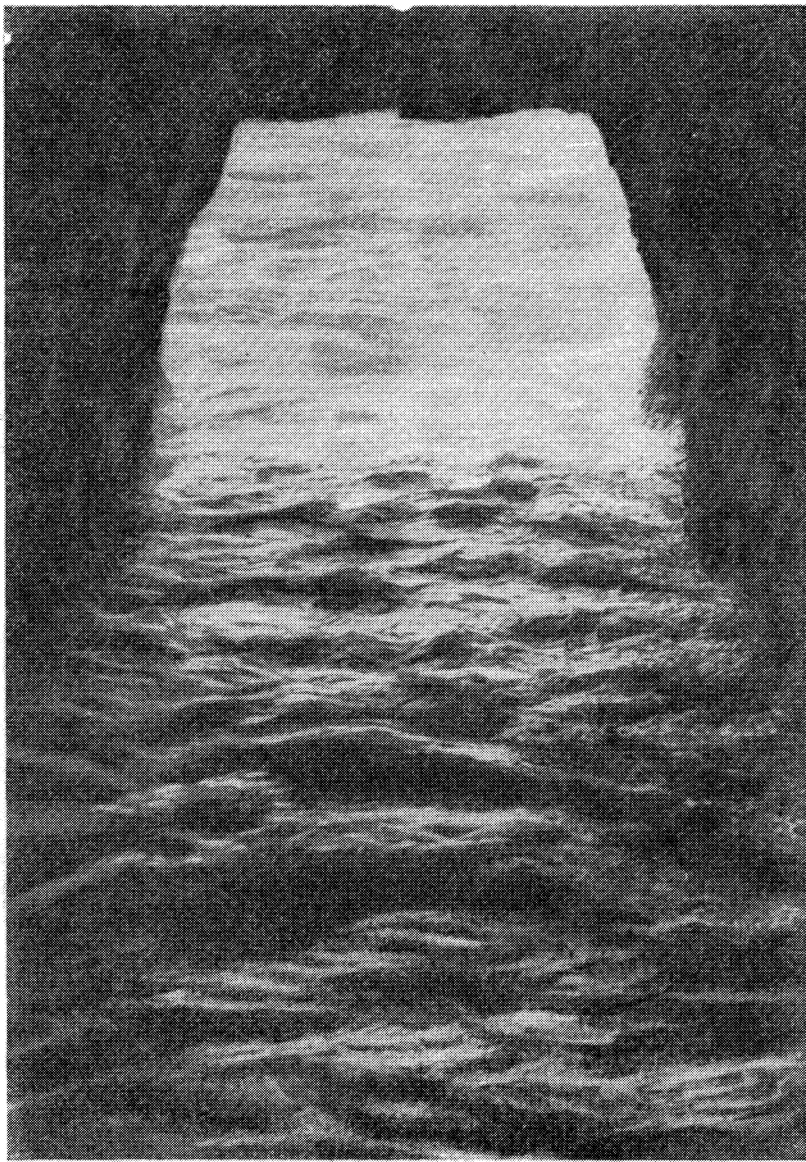
Трудовой день в Советском Союзе начинается.

И так каждое утро над Днепростроем раздаются призывные, вселяющие бодрость звуки Гимна. Люди преодолевают невероятные трудности. Люди идут в стужу, в мороз, в лютый ветер на плотину, в гавань, на шлюз, к берегам аванкамеры, на площадку гидростанции, чтобы возродить грандиозные сооружения.

И каждое утро, как только начинаются работы, по строительству проходит богатырская фигура Логинова. Он все должен осмотреть своими глазами, все охватить, взвесить, обдумать, чтобы никакие помехи не нарушили стройности восстановительных усилий. Он разговаривает с инженерами, с прорабами, с бригадирами, с машинистами, с бетонщицами — работу каждого из них оценивает и мысленно отмечает в своей изумительной, всеобъемлющей памяти. У него тысячи людей, а он почти всех помнит в лицо. В короткой военной куртке с воротником из искусственного меха, в круглой шапке из желтой цыгейки он неутомимо ходит с участка на участок и знает до мельчайших подробностей, как растет стройка.

Исполненное дело возрождения Днепровской гидроэлектрической станции идет с героическим успехом. Третьего марта 1947 года, в 21 ч. 15 м. вновь вступила в строй Днепровская гидростанция имени Ленина. Первый агрегат, мощностью в 72 тысячи квт, дал промышленный ток.

Еще много труда предстоит вложить советскому человеку, чтобы завершить полное восстановление Днепровской гидростанции. Но, оно уже недалеко.

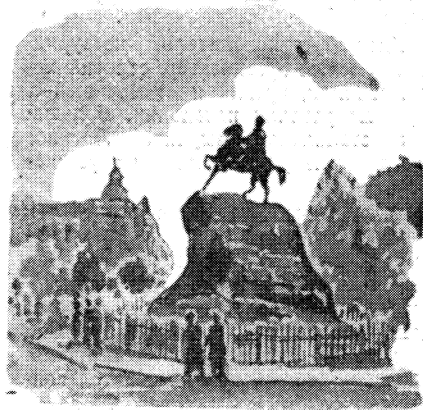
В донном отверстии.

ВСТРЕЧА на КРЕЩАТИКЕ

Ф. КРАВЧЕНКО

Рассказ

Рис. Б. Винокурова

Двое из моих спутников еще ни разу не были в Киеве после освобождения его от оккупантов. Третий — безбородый старик с грустным, сосредоточенным лицом — ничего не рассказывал о себе: я мог лишь догадываться, что и его волнует это путешествие. Он сидел в затененном углу вагона, поблескивая стеклами очков. Только нервные сухие губы, которые старик изредка облизывал, выдавали его состояние. Однако он умело держал себя и казался спокойным даже в те минуты, когда остальные особенно горячо спорили.

Сидевшая рядом со мной артистка не была в Киеве с июня 1941 года. Она все время говорила о Днепре, о Крещатике, о детстве, проведенном в красивом городе. Узнав, что молодой человек, занявший место напротив, — архитектор, артистка воскликнула с горячностью, присущей искренним людям:

— И вы до сих пор не могли собраться! Вы — человек, который мог бы так много сделать для восстановления Киева... Если бы я была архитектором, я бы не медлила ни минуты.

— Ваше нетерпение мне понятно, — сдержанно ответил архитектор, поглаживая маленькие черные усы, — но, право, только на сцене можно так быстро разрешать сложные проблемы... Я не так стремителен. Кроме того, я... только что демобилизовался.

— Вы были на фронте? — спросила артистка, покраснев.

Старик неожиданно сказал, пожат плечами:

— Я думал, что артисты наблюдательнее.

Мы переглянулись, стараясь понять, к чему клонит наш не очень разговорчивый сосед. Вдруг артистка рассмеялась и шутливо указала пальцем на грудь архитектора.

— Я и не заметила ваших ленточек... Позвольте, да ведь это, кажется, медаль за взятие Берлина!

— Шрам на шее еще убедительнее говорит, что товарищ побывал на фронте, — сказал старик.

Архитектор удивленно посмотрел на него и как-то нерешительно возразил:

— Нет, вы ошиблись. Это как раз след от раны, которую я получил в тылу.

— В тылу?

— Да, в немецком тылу, — спокойно ответил архитектор. — В 1943 году, накануне изгнания немцев из Киева.

— Вы были в Киеве во время оккупации? — спросил старик, внимательно поглядев на архитектора.

Тот молча кивнул головой.

— Мне кажется, что мы с вами где-то встречались, — сказал старик. — Не приходилось ли вам бывать в Межигорье?

— Бывал.

— Я помню только черты лица. На этот счет у меня память отличная... Но... но мы с вами не были знакомы.

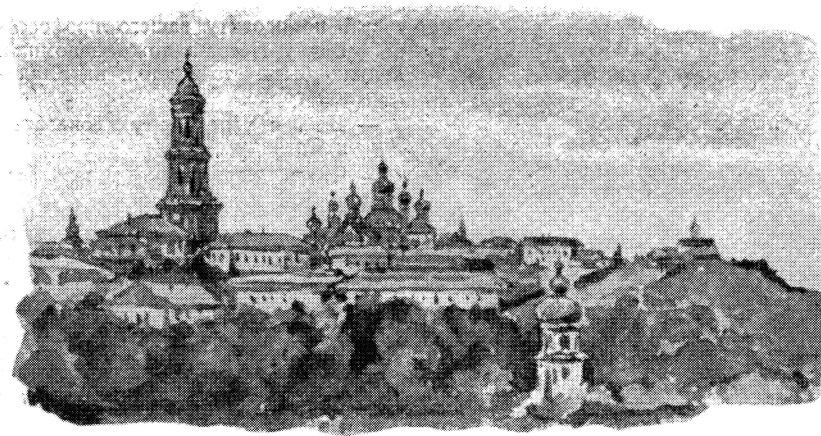
Архитектор улыбнулся:

— Это вероятнее всего... Иначе бы я вас запомнил...

Несколько часов мы ехали мимо снежных полей, затем показался зеленый бархат озими, тут и там запырели золотые и огненные березы; в синем небе плыли белые пухлые облака. От Конотопа началась полоса, в которой была еще настоя-

Несколько часов мы ехали мимо снежных полей...

...Показались очертания горы со знакомым силуэтом Киево-Печерской лавры.

щая осень. За железнодорожной сторожкой пары в военных ватниках пахали землю. Один из них остановился, посмотрел на поезд. Быть может, он вспомнил в эту минуту о своих собственных странствованиях.

На какой-то маленькой станции, на запасных путях, стояли платформы с белой, хорошо очищенной свеклой. «Значит, поблизости сахарный завод действует», подумал я, заметив, что свеклу выгружают. В поле паслись рыжие и рябые коровы.

На берегу речушки красовались бронзовые дубы. За ними хаты — старые, новые и еще строящиеся. Показалась землянка — желтый горб, из которого торчала железная труба. Она дымилась, в ней еще жили. Но рядом уже лежали доски и кучи розового кирпича.

— Смотрите, какой сад! — воскликнула артистка, хватая меня за рукав.

Мы долго любовались огромным колхозным садом, раскинувшимся в степи. Он был хорошо распланирован. Среди больших деревьев, посаженных в шахматном порядке, заметны были совсем молоденькие, недавно посаженные. Вдали, за садом, мелькали крылья ветряной мельницы. Село пряталось в овраге — над кустами торчали только дымовые трубы.

— Вы были партизаном? — спросила артистка, обращаясь к архитектору, который глядел в окно поверх ее плеча.

— Вы, однако, любопытны!

— Ведь я артистка. Я должна все знать.

— Я и мои товарищи попали в окружение. Вырвались. И, естественно, примкнули к партизанам.

Архитектор отошел от окна и сел у дверей. Он был взволнован. Чем ближе становился Киев, тем заметнее было беспокойство в его глазах. Он назвал улицу и дом, в

котором жил до войны. Старик покосился в его сторону и сказал:

— Нет этого дома и в помине.

— Построим новый, — сказал архитектор и с неожиданной грустью прибавил: — А тех, кто в нем жил, не воскресить.

— Не все погибли, — возразил старик. — Многие, я думаю, остались.

— Возможно, — сказал архитектор. — Но никогда я не увижу своих друзей. И тем ужаснее, что я в какой-то степени повинен в их гибели.

— Расскажите, наконец, что произошло с вами и вашими друзьями, — попросила артистка. — Если... если это не военная тайна.

— Нет, это не тайна, — серьезно ответил архитектор. — Я вам уже говорил, что из окружения мы пробивались в лес к партизанам. И вот, находясь в партизанском отряде, мы получили задание произвести разведку в Святошино. Немцы разливали и вешали ни в чем не повинных людей. Партизанский отряд намеревался произвести налет, чтобы освободить группу арестованных немцами рабочих. В разведку по-

слали меня, бывшего слесаря Сотника и моего друга Петраша..

— Петраша? — воскликнул старик, отодвигаясь от окна, чтобы лучше разглядеть соседа. — А вы... вы его друг? Я знал даже вашу фамилию... Тар... Тарасов, кажется.

— Таранов.

— Да, да, Таранов. Я видел вашу карточку у Петраша..

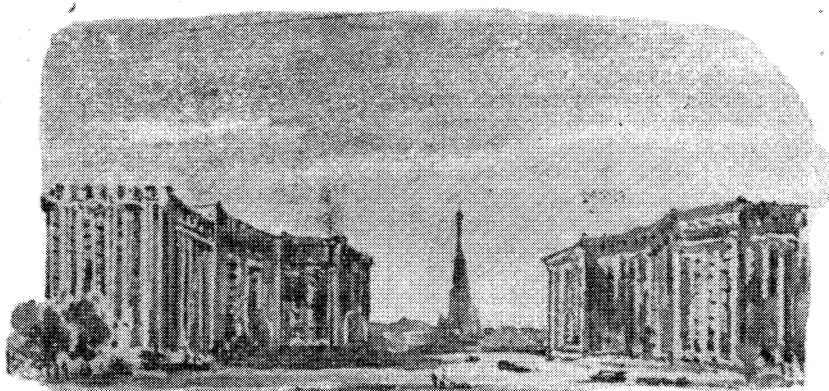
— Значит, он жив?

— Этого я не знаю, — со вздохом ответил старик. — Когда пришли советские войска, он попал в госпиталь. Оттуда, должно быть, уехал на фронт... А что было дальше — не знаю.

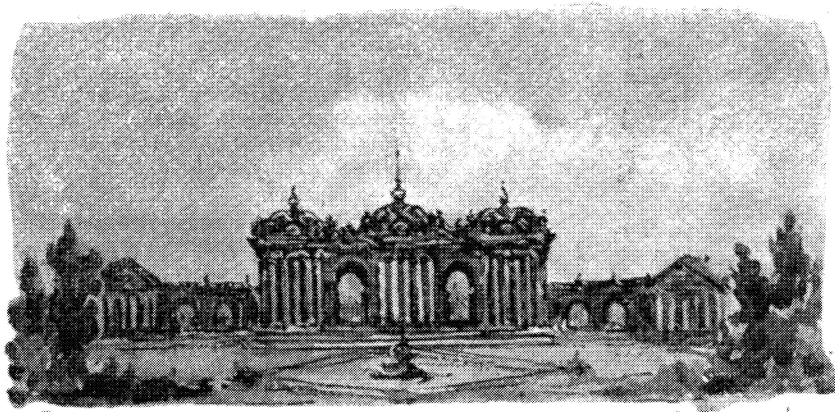
— Как же он спасся? — допытывался Таранов.

— Сначала расскажите, как вы попали на Владимирскую горку. Тогда я ничего не мог узнать: это была ваша партизанская тайна. Я знал только, что вы справились со своей задачей в Святошино, бросили гранату в окно — прямо на стол, за которым пировали немецкие офицеры. Но что за нечестная сила понесла вас к Владимирской горке?

— Вот в этом и заключается моя вина, — сказал Таранов, взволнованно глядя на старика. — Мы должны были немедленно вернуться в лес. Но меня тянуло на Владимирскую горку потому, что там... там были зарыты проекты одного нашего профессора. Представляете себе, несколько лет он работал над проектами новых домов. Это могли быть прекрасные здания. Мы помогли ему и, став архитекторами, готовы были включиться в стройку. И вдруг — война, превратившая нашу работу в самое начало. Мы уезжали на фронт, когда немцы уже приоткрылись к Киеву. Петраш поручил мне и нашему другу Колоскову спрятать проекты. Мы вдвоем ночью зарыли их в земле... на Владимирской горке... между двух деревьев. Колосков вскоре погиб. Я был единственным человеком, который знал место временного «погре-

К концу пятилетия в Киеве не останется руин или поврежденных зданий. На их месте вырастут новые дома.

Красивые, легкие арки украсят площади Киева.

бения» важных проектов. Представляете себе, как трудно было удержаться после удачного похода в Святошино от нового шага. Мы были в крестьянских свитках, в подкладку которых спрятали на всякий случай гранаты. Встретив немецкий патруль, мы прикинулись такими пьяными, что немцы готовы были поскорее от нас избавиться. С огромным трудом пробрались мы на Владимирскую горку. Там я должен был показать Петрашу и Сотнику то место, где были спрятаны работы профессора... В конце концов кто-нибудь из нас возвратится в освобожденный Киев и передаст проекты по назначению. «Мы все вернемся, — уверенно говорил Сотник, — и примемся за наш Киев. Я буду помогать вам строить дома по этим проектам». Мы нервничали, так как я сам долго не мог найти заветное место. Должно быть, за нами уже начали следить немецкие полицаи. Когда мы спускались вниз, от памятника Владимиру отделилось несколько фигур. Немцы устремились нам наперерез. «Спасайтесь!» закричал Сотник, упав на землю, как только раздались первые выстрелы. Я бросился к Днепру... Потом, почувствовав, что ранен в шею, я упал, поднялся и снова свалился. Уж и не помню, как мне удалось забраться в холодную воду Днепра. Когда все затихло, я отправился в лес... Спустя несколько дней выяснилось, что Сотник взорвал себя и окруживших его немцев гранатами. Что случилось с Петрашом — никто не знал. Но он не вернулся в партизанский отряд...

— А с Петрашом вот что случилось, — сказал старик. — Его, раненного, нашел один рыбак. В бреду ваш друг все время говорил о каких-то проектах. Но, очнувшись, он не сказал ни слова о них. Рыбак и не настаивал. Мало ли какие задания могут быть у партизан...

— Рыбак — это вы... сами?

Старик смутился:

— Что вы!.. Куда мне в мои годы рыбачить...

Чем больше мы приближались к Киеву, тем яснее становился пейзаж. Зелень озимых полей и золотое берез ласкали глаз. Под Дарницей на песчаных склонах зеленели сосны. Вдали показались очертания горы с знакомым синим силуэтом Киев-Печерской лавры.

Артистка шумно вздохнула.

— Я думала, что весь город разрушен. Но ведь он жив... Жив наш Киев! Смогите, почти не видно руин.

— Интересно, что вы скажете, посмотрев на Крещатик, — сказал старик и прибавил, обращаясь к Таранову: — Между прочим, я думаю, что если ваш друг жив, он уже что-нибудь строит... Вы можете приехать в Киев и... увидеть дом, постро-

енный по проекту вашего профессора. Ведь Петраш тоже запомнил, должно быть, то место... на Владимирской горке.

— Да... я успел ему показать... Ему и Сотнику...

— Что ж, хорошенько теперь рассматривайте новые дома.

Поезд замедлил ход, наши руки невольно потянулись к чемоданам. Старик тоже начал собираться. Прощаясь с Тарановым, он вдруг сказал:

— Если вам встретится Петраш, вы ему все-таки передайте привет от... от днепровского капитана. Быть может, он помнит меня.

Старик вышел из вагона и уверенно направился к трамвайной остановке. Архитектор долго смотрел ему вслед, держа в руке чемодан. Он машинально пожал руку артистке, потом посмотрел на меня, как бы удивляясь, что я все еще стою на перроне.

— Вам на какую улицу?

— На любую... где есть гостиница.

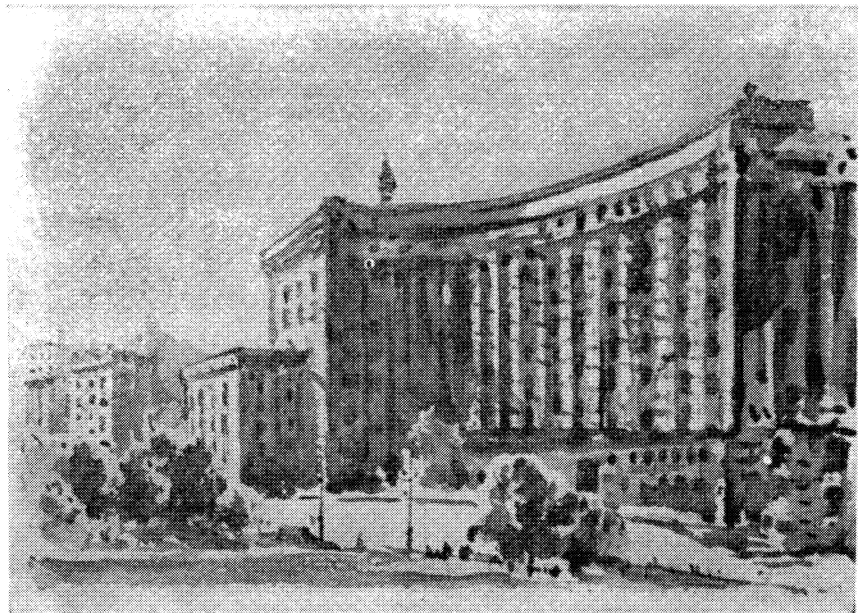
— Поедте вместе — мне тоже негде больше остановиться.

* * *

Войдя в номер, отведенный нам в гостинице, Таранов сказал со вздохом:

— Даже не представляю себе, как все это восстановить за пять лет. Крещатик почти весь разрушен. А сколько руин на других улицах!

— И все же к концу этой пятилетки Киев должен быть восстановлен, — сказал я, вспомнив то, что мне

Это центральная магистраль столицы, улица правительственных дворцов.

было известно из газет. — Здесь построят новые дома... заводы. Вам, архитекторам, будет где развернуться.

Таранов пожал плечами.

— Здесь все еще нужны не архитекторы, а чернорабочие... для уборки мусора и кирпича. — Он молча постоял у окна, глядя на улицу, и неожиданно спросил, ни к кому не обращаясь: — А что если Петраш действительно жив? Что если он жив?

— Знаете что, давайте побродим по улицам, посмотрим... новостройки. Ведь нам пока все равно нечего делать. Кстати, забредем в какой-нибудь ресторан, я что-то проголодался, — добавил он, спустя несколько минут.

Мы вышли на улицу. Таранов не сразу решил, куда пойти. Направо — Крещатик со страшными руинами, налево — залитый солнцем бульвар Шевченко. На молодых тополях еще были заметны вялые листья. Окна чистых, опрятных домов сверкали. Здесь почти не было руин. Тротуары были заполнены прохожими. На углу приветливая старушка продавала свежие яблоки. Я был уверен, что Таранов предложит прогуляться по бульвару. Но он решительно сказал:

— Пойдемте на Крещатик!

Мы любовались двумя линиями огня, уходящих вверх, к центру города.

И сейчас попрежнему это была самая оживленная улица. Мы влились в людской поток, устремившийся вперед, вдоль уцелевших домов, в которых помещались магазины и учреждения. На противоположной стороне улицы фантастическими громадами стояли многоэтажные дома с пустыми окнами, разрушенными углами или фасадами, с кучами щебня и черными спиралями стальных конструкций. На некоторых разрушенных фасадах сохранились лепные украшения. Когда-то, проходя по Крещатику, я и мысли не допускал, что следующий ряд домов возвышается над обрывом; теперь все обнажилось. Желтая глина виднелась там, где до войны красовались наполненные веселой жизнью дома.

Таранов остановился, отошел в сторону, чтобы не мешать шагающим мимо нас киевлянам, и с тоской посмотрел на руины.

— Пока вы здесь размышляете, Петраш где-нибудь уже строит, — пошутил я.

Архитектор вздрогнул, окинул меня быстрым взглядом и улыбнулся.

— Пойдемте искать его.

Мы долго прогуливались по городу. И всюду видели людей, занятых восстановлением разрушенных или строительством новых домов и заводов. Ночью, остановившись на Брест-литовском шоссе, мы долго любовались двумя линиями огня на бульваре Шевченко, уходящих вверх, к центру города. Посредине мелькали живые огоньки; порой они пересекали огненную дорогу, вспыхивали и гасли в стороне. Это двигались в разных направлениях автомобили. Таранов воскликнул:

— Все, все, как было!

Я спросил, обращаясь к молодому архитектору:

— Неужели у вас не осталось здесь родственников?

— Если бы у меня были родственники, я бы не жил в гостинице. — Я — не настоящий киевлянин.

— А мне казалось...

— Нет, Петраш — тот настоящий, а я приехал из Воронежской области. Только студенческие годы я провел в этом городе. Но полюбил его на всю жизнь. Я и Петраш дали друг другу слово, что будем всю жизнь трудиться, чтобы превратить Киев в самый красивый город мира.

Архитектор помолчал и неожиданно прибавил:

— Я был знаком с одним механиком, работающим на маленьком заводе. Он знал все винтики большого механизма, и не только знал — он постоянно что-нибудь придумывал, усовершенствовал, реконструировал. И так увлек инженеров и рабочих за-

В центре магистрали — памятник Ленину.

водика, что в течение одной пятилетки получился завод-великан...

На следующий день Таранов возвратился в гостиницу чрезвычайно возбужденный. Он успел уже познакомиться с городом и теми организациями, которым поручено восстановление разрушенных и строительство новых зданий. Не успев раздеться, архитектор закричал:

— А ведь дом по проекту нашего профессора сооружают. Значит, Петраш жив... Никто, кроме него, не мог вырыть клад.

Он сошел вниз, долго звонил по телефону; наконец влетел в комнату с таким видом, словно за ним гнались. Несколько секунд Таранов смотрел на меня с открытым ртом и вдруг по-мальчишески выкрикнул:

— Жив! Жив! Что вы на меня так смотрите? Я говорю про Митю Петраша. Он руководит строительством дома. Как вам это нравится? — Таранов засмеялся от радости. — Говорит, что сам сделал несколько проектов. Такой важный стал...

— Значит, те проекты он действительно нашел... или...

— Я так обалдел от радости, — сказал Таранов, — что забыл обо всем на свете. Знаете, у меня было такое впечатление, что я слышу голос с того света. Ведь я был убеж-

ден, что он погиб. Меня трясло все-го, когда я слушал глухой знакомый голос. Завтра мы увидимся, и я обо всем расскажу ему.

Тараноз разделся, присел на стул и закурил. Несколько минут он сидел молча, что-то обдумывая. Быть может, он вспоминал ту ночь, когда с такими же молодыми смельчаками, как сам, пробрался в город, занятый врагом. Внезапно он встал, взвонно-важно прошелся по комнате и громко произнес:

— Итак, архитектор Иван Кириллович Таранов включается в стройку. Это замечательно. За-ме-ча-тель-но! Почти пять лет я мечтал об этом. Бедь война ворвалась в мою жизнь как раз в ту минуту, когда я, защитив диплом, собирался блеснуть своими талантами...

Архитектор засмеялся.

— Вы удичите меня в самоуверенности? Да? Но это не то. Я глупости говорю оттого, что грудь распирает радость. Понимаете — радость!

— Что же вы будете строить?

— Я еще не знаю. Объектов вероятно много. Вы представляете себе, как должен выглядеть Киев в 1950 году? Это не фантастика—это реальные планы, разработанные в мельчайших деталях. Вы видели руины Крещатика. В 1950 году от них и следа не останется. Новый Крещатик будет начинаться от площади Льва Толстого. На этой маленькой, но красивой площади будет красоваться памятник — монумент великому писателю. Это будет центральная магистраль столицы, улица правительственных дворцов. Здесь будут учреждения, театры, музеи, магазины. Там, где мы сегодня еще видим кучи мусора и коробки разрушенных домов, возникнут здания чудесной архитектуры. Вы представляете себе новый Крещатик?

— Представляю.

— Нет, вы не можете себе представить красоту этой улицы! Не можете потому, что я не умею выразить словами то, что так ясно выражено в проектах. На Крещатике будет кинотеатр, рассчитанный на две тысячи зрителей, немного дальше — детский театр на тысячу двести человек. В центре магистрали — памятник Ленину, вокруг которого раскинутся роскошные цветники. В районе площади Калинина будет здание с прекрасной колоннадой. Это Городской совет. В этот район вы попадете, пройдя под величественной аркой Победы, украшенной украинским орнаментом, — аркой стремительной и цветистой, как радуга.

Таранов смотрел в окно, словно он уже видел то, о чем говорил с таким увлечением.

— Вы пройдете еще немного, и перед вами откроется грандиозная

С радостным криком бросился он к Таранову.

панорама площади Сталина с видом на Днепр. Эта площадь будет симметризовать гигантский размах сталинских планов. Такой площади нет ни в одном городе мира. Величественная фигура нашего вождя будет возвышаться над площадью.

— Вы стали поэтом, Иван Кириллович, — сказал я, воспользовавшись паузой.

— Я не поэт, — я рассказываю вам о том, что спроектировано другими. Вот архитекторы Таций и Чуприна — поэты. Они создали прекрасный проект нового Крещатика и площади Сталина, включив в общий архитектурный план наш любимый Днепр. Вы увидите его с Крещатика, с этой чудесной улицы, которая будет спускаться к самому Днепру.

— Значит, можно будет купаться «с хода».

— Купаться? Пожалуйста. До войны вы могли попасть на пляж только с помощью катера или лодки. В 1950 году Труханов остров будет соединен с городом прекрасным мостом. На острове возникнет гидропарк. Там будут деревья, фонтаны, десятки водных станций и клубов. Вы искупались, вам нужно возвратиться домой. Пожалуйста, вам не надо идти по гористой улице Кирова. Вы становитесь на тротуар-эскалатор, и он поднимает вас в район Печерска. Эскалаторы станут обычным явлением в гористом Киеве. С помощью эскалаторов вы будете передвигаться с Подола и на Подол, с Печерска на Крещатик и обратно. Так будет выглядеть центр нашей столицы. Но вообще весь город изменит свой облик. К концу этой пятилетки не останется ни одного разрушенного или полуразрушенного дома. Вы сами знаете, насколько

увеличится жилая площадь города. Он будет газифицирован. Газопровод Дашава — Киев будет работать на полную мощность. Газом будут обеспечены все предприятия и пятьдесят тысяч квартир. В Киеве появится тринадцать новых заводов и фабрик...

В дверь постучали, и Таранов с недовольным видом обернулся, — он, кажется, не все сказал. Но не успели мы ответить, как дверь раскрылась, и на пороге появился широколицый, среднего роста человек в черном демисезонном пальто и темносерой шляпе. Он посмотрел с некоторым удивлением сначала на меня, потом на Таранова и вдруг с радостным криком: «Ваня, дорогой ты мой!» бросился к нему и обнял, болтая за его спиной большим желтым портфелем. Я отошел к окну, чтобы не мешать встрече друзей.

— Не выдержал, понимаешь — не выдержал! — оправдывался наш гость, шумно усаживаясь на стул. — А ты тоже — ты, ты, поленился зайти ко мне на стройку. И даже свой номер не назвал. Я думал, что у меня сердце лопнет, пока здесь в гостинице разыскивали твою фамилию в реестре...

— Прошу познакомиться, — сказал Таранов, обращаясь ко мне: — это и есть «бывший покойник» — Дмитрий Петраш.

Спустя некоторое время, за чаем, который мы устроили сообща, друзья вспоминали прошлое. Наконец-то Таранов мог вспомнить и о «днепровском капитане»!

— Днепровский капитан... — взволнованно произнес Петраш. — Откуда ты его знаешь?

— Мы ехали в одном вагоне.

— А где он живет? Где он живет? — допытывался Петраш.

— Мне в голову не пришло спросить его об этом... Он очень спешил.

— Спешил... — проворчал Петраш, передразнивая товарища: — Да ведь это... это, понимаешь, спаситель мой!

— Он сказал, что тебя спас рыба.

— Рыбак. Да, он занимался тогда рыболовством, этот старый капитан. И в то же время спасал советских людей. Надо его обязательно разыскать. Ведь он спас меня, рискуя собственной жизнью!

— Найдем старика, найдем, — успокаивающим тоном проговорил Таранов. — Телерь, пожалуй, и он будет нас искать.

Сии долго молчали, глядя друг на друга. Потом как-то одновременно улыбнулись, все еще переживая радость встречи.

Петраш сказал:

— Завтра же приступай к работе! Слышишь, Ваня? Работы у нас... работы!.. Наконец-то мы дорвались...

Люди страны гор

МАКС ЗИНГЕР.

Фото и подписи и иллюстрациям Романа Фатуева

В дагестанские горы мы поднимались вместе с депутатом Буйнакского горсовета депутатом трудящихся Муртазали Гаджиевым на маленькой вертлявой машине. Ее вел совсем юный шофер, почти мальчик. Он то лихо задерживал машину на частых и крутых поворотах, то вел ее по узкой дороге, вдруг обрывающейся перед самой пропастью и сворачивавшей под прямым углом куда-то в камни, откуда, казалось, не было никакого выхода. Одно неверное движение руля — и машина вместе с седоками могла свалиться с кручи в несколько сот метров высотой.

— У нас горы такие высокие, смотришь вверх — папаха падает, — говорил не без гордости старый горец.

Внизу, в мгlistой глубине, паслись малорослые коровы. Горный орел, словно отлитый из бронзы, недвижно сидел на самой вершине скалы и казался неживым. Шум машины ничуть не тревожил его. Белая пыль, клубившаяся за нами, оседала на высокой траве, торпливо меняя ее цвет. Встречные тяжело нагруженные ишаки, слышав пронзительные гудки, жались ближе к скалам, уступая дорогу. Перекинув через плечо хурджины — переметные сумы, путники шли не спеша, ровным горским шагом, покачиваясь ритмично то вправо, то влево. Недаром у аварцев есть поговорка: «Пходка, как у дикой курочки» (лакцы говорят о человеке, которого считают красивым: «У него грудь белая, как сыр и серебро», «оленья шея», «щеки, как яблоки», «пальцы, как перья»). Пешеходы сберегали свои силы для далекого и нелегкого перехода по горам.

Местами из скал сочилась студеная, родниковая вода. Утомленные жарой, горцы уголяли здесь свою жажду.

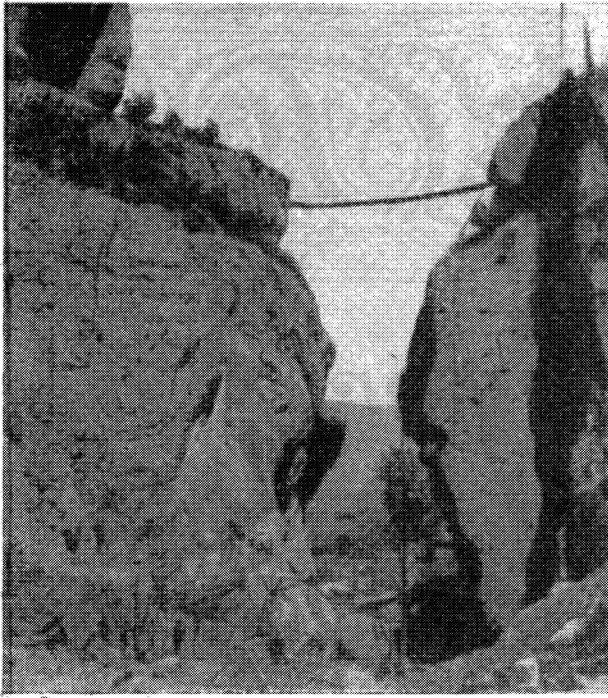
За подъемом следовал крутой спуск, и снова начинался подъем. Мотор надсаживался, машина кряхтела, и мы ехали, запрокинув вверх головы.

Тянулись встречные арбы, запряженные буйволами или быками. Горцы пели свои протяжные песни, похожие на молитвы. Попадались встречные машины. Они везли шерсть, урюк, орехи, яблоки, груши, баранину — все то, чем богат Дагестан. Ишаки старательно тащили свою поклажу. По аулам пастухи с кавказскими овчарками перегоняли в долины большие стада баранов. На гудеканах¹, перебирая четки, сидели старики-горцы, курили длинные трубки, обменивались последними новостями, прислушивались к радиопередачам на кумыкском языке или вспоминали о прошлом, когда они были молодыми и ловкими джигитами. Тогда в аулах средних школ не было и в помине. Учились с малолетства в мечети у муллы трудному арабскому, незнакомому языку, на котором написан коран. Тогда не было радио в аулах, и о новостях узнавали у проезжих.

Дорога становилась все круче и круче. Вырубленная некогда русскими солдатами, сражавшимися в этих скалах с Шамилем, она напоминала карниз, высоко прилепленный к скале. Глядя на эту узкую и опасную дорогу, на эти пропасти, зиявшие под нами, я начинал понимать характер горца, его бесстрашие, волю и равнодушие к смерти. Сами горы воспитывали характер местного человека, закаляли, делали его привычным к лишениям и опасностям.

Ночь опустилась на горы. Анатолий — наш молодой шофер — вдруг остановил машину и объявил нам неприятную новость:

¹ Гудекан — площадь для собраний.

Через весь Нагорный Дагестан несет свои стремительные воды Кара-Койсу — Черная река, берущая свое начало от ледников Главного Кавказского хребта. Только в одном месте Кара-Койсу замедляет свой бег — около аварского селения Гергебиль, в темном Хартти-Куинском ущелье. Это ущелье настолько узко, что невольно рождается мысль преградить его, чтобы остановить воды Черной реки. Советские инженеры так и сделали: они построили на этом месте 59-метровую железобетонную плотину и гидроэлектростанцию. Постройка станции была закончена незадолго до начала Великой отечественной войны. На месте глубокой долины, около аула Хартти-Куни, образовалось красивое озеро. Гергебильгэс дала ток ближайшим аулам и городам Буйнаксу и Махач-Кале. Это первая по высоте в Советском Союзе плотина.

Постройка Гергебильгэс дала возможность, рационально эксплуатируя природные богатства, использовать добываемую электроэнергию для улучшения горского быта и развития промышленности в горах.
На снимке: Хартти-Куинское ущелье, место постройки Гергебильской гидроэлектростанции.

Фруктовые консервы — гордость Дагестана. На Парижской выставке в 1928 году они получили наивысшую оценку. В Дагестане много больших и мелких консервных заводов, на которых перерабатываются в компоты и варенье сливы, ренглед, черешня, абрикосы, персики, яблоки. Один из лучших горных консервных заводов — Гергебильский. Он оборудован по последнему слову техники. Его механизмы обслуживаются энергией Гергебильгэс. На заводе работают преимущественно женщины-горянки. На снимке: бригада сортировщиц отбирает лучшие персики для консервирования.

— До Чоха сегодня не доехать! Заночуем здесь. Дороги не видать совсем. Можно скатиться в пропасть.

Мы заночевали посреди дороги. Но какой это был ночлег!

Мы тщетно искали тепла в машине. Холод сковывал нас. Часа через два, не вытерпев стужи, мы запросились в путь.

Шофер оказался сговорчивым: видно, и ему было не жарко.

Мы тихо тронулись и скоро въехали в просторный колхозный двор. Наутро мы уже были в Чохе, что в переводе на русский язык означает «много». Чох славится на весь Дагестан многочисленными бараньими стадами.

Аул гнездится на скале и спускается к ее подножью амфитеатром. Слово ласточкины гнезда, прилепились к камням хижины горцев.

Аул давно проснулся. Ученики с книжками и тетрадками потянулись в школу-десятилетку. Женщины, сидя на корточках, раздували огонь в печурках, выложенных на плоских крышах. По этим крышам, не сходя на землю, можно было обойти кругом весь аул.

Нас встретил старый аварец, доктор Дебиров, почтеннейший человек в округе.

Горцы гурьбой обступили меня и моего спутника: старика Муртазали знали всюду.

От Чоха до Мегеба можно было пробраться либо пешком, либо верхом по узкой тропе. Мы оставили в Чохе машину и пересели на коней. Мне дали высокого коня.

Прощаясь, с гостеприимным доктором, я сказал ему шутя:

— Салам! Кажется, я с вами больше не увижусь.

— Почему? — удивился доктор. — Разве вы поедете обратно другой дорогой? Такой здесь нет!

— Я думаю, что вместе с этим конем я свалюсь где-нибудь с кручи.

Доктор даже побагровел от досады. Лицо его выразило острое неудовольствие. Я почувствовал, что обидел его.

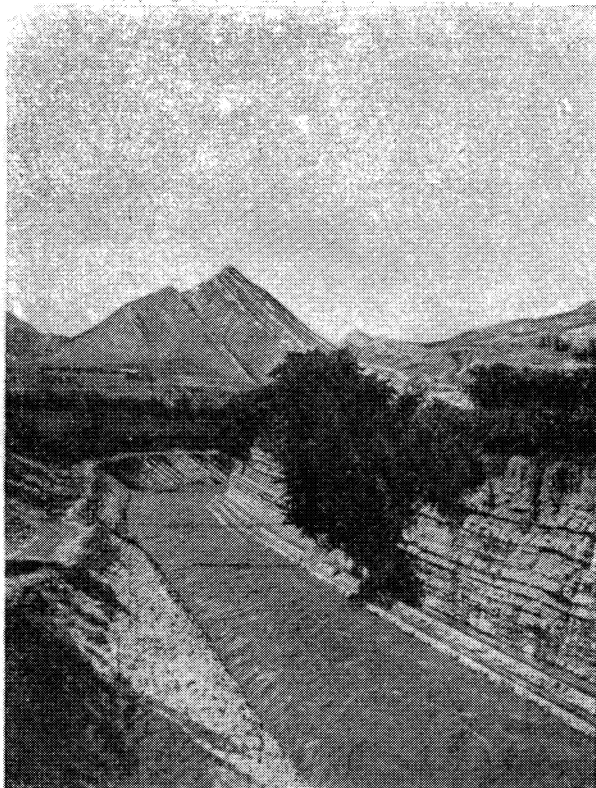
— У нас в горах так не говорят! У нас в горах, трогаясь в путь, всегда верят, что вернутся благополучно, и все обойдется по-хорошему! И вы никогда так не говорите больше! Салам! — сказал Дебиров, и мы тронули коней.

Скалы, выложенные из серого слоистого шифера, осыпались, как ветхие стены заброшенных хозяевами домов.

Мы ехали по огасной дороге, грозившей обвалом. Кони ступали осторожно, рассчитывая каждый свой шаг. Мы приблизились к самому неприятному участку, где слышался шорох гравия, сползшего с высокой горы прямо на нашу тропинку. Слева высилась осыпающаяся, точно живая скала. Справа зияла четырехсотметровая пропасть.

За поворотом мы увидели аул Мегеб, ласточкины гнезда — сакли горцев, притулившиеся к скале. Здесь так тесно на улицах, что, проезжая верхом, можно было коснуться руками стен двух противоположных домов.

Нас пригласили в дом колхозника Алиева, местного почтальона. На своем муле он совершал ежедневные рейсы между Мегебом и Чохом. Его ждали в каждом доме, куда он нередко приносил почту. Не было лишь писем самому почтальону. На войне у него погибли смертью храбрых два сына. Давно прислали из воинских частей, где служили сыновья почтальона, извещения об этом. Но старик надеялся, что сыновья его еще вернутся. Он не мог никак поверить, чтобы такие джигиты, как его сыновья, могли пропасть в битве с немцами...

Большие достижения имеет Дагестан в развитии оросительной системы. От реки Сулак на расстоянии 100 километров тянется канал имени Октябрьской революции. Он несет воды для десятков тысяч гектаров хлопковых полей, огородов и виноградников. С необыкновенным энтузиазмом горцы строили свой канал. В 1923 году ВЦИК наградила Дагестанскую республику орденом Трудового Красного Знамени за это замечательное сооружение. Сейчас вечно бесплодные долины орошаются сотнями вновь вырытых каналов. Только за 1940 год построено 4 больших канала: Купшурский, Дзержинский, Самуро-Дербентский и Ахтынский. Эти каналы тянутся на протяжении 156 километров и орошают 72 тысячи гектаров ранее бесплодных земель.

Стены и полы в сакле почтальона были убраны цветистыми дагестанскими коврами. За день здесь перебыл почти весь аул, а было тут людей без малого тысяча. Каждый торопился сказать Муртазали свое «салам», поведать о том, как живут в ауле, порасспросить, как живут на стороне.

По горскому обычаю, гостей надо было принять как можно лучше, а если нехватало средств, то не грех для такого случая и одолжить у соседа. Директор мегебской школы-семилетки поднял высоко бокал в честь Героев Советского Союза подводника-североморца Магомеда Гаджиева и армейского офицера Магомеда Гамзатова — племянников Муртазали. Когда горцы вспомнили о своих героях, один из старших сказал приподнятым, торжественным голосом:

— Мы умрем, кости наши не забудут того, что сделал своим великим подвигом Магомед Гаджиев для Дагестана! До Магомеда Гаджиева не было слова «подводник» на аварском языке. Теперь оно есть! Он первый из дагестанцев получил орден Ленина! И первым удостоился высокого звания Героя Советского Союза.

В годы войны, чтобы справиться с планом хлебозаготовок, колхозники-мегебцы молотили не только при свете солнца, но и при свете луны. Они послали своих храбрых сынов на фронт, а сами, несмотря на преклонный возраст, самоотверженно трудились и трудом и денежными средствами помогали своей любимой родине. Товарищ Сталин в телеграмме на имя секретаря Гунибского райкома партии просил передать братский

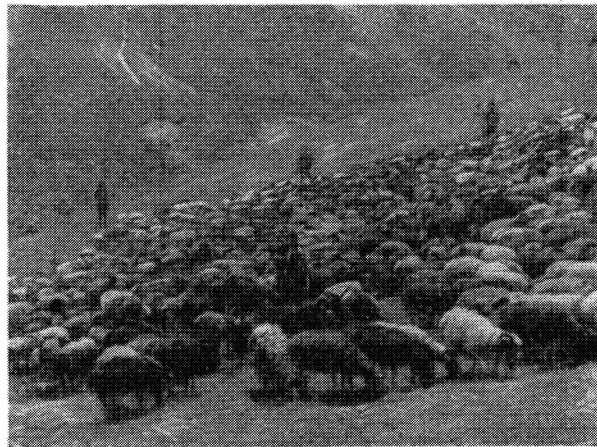
привет и благодарность Красной Армии всем трудящимся Гунибского района, собравшим 1786 877 рублей на строительство танковой колонны «Шамиль» и отправившим продукты рабочим оборонных предприятий. Товарищ Сталин просил также передать привет молодежи района, собравшей 110 000 рублей на строительство бронепоезда имени Магомеда Гаджиева.

* * *

Как далеко было отсюда до Москвы! Как высоко было! Но и здесь, на высоте двух тысяч метров, в высокогорном ауле, она вспоминалась в каждом доме, где со стены смотрел портрет товарища Сталина в форме генералиссимуса. Она вспоминалась при виде московской газеты или глянца, говоривших о том, как дружественные советские народы отстояли свою великую родину от полчищ врага и разбили вдребезги его военную машину.

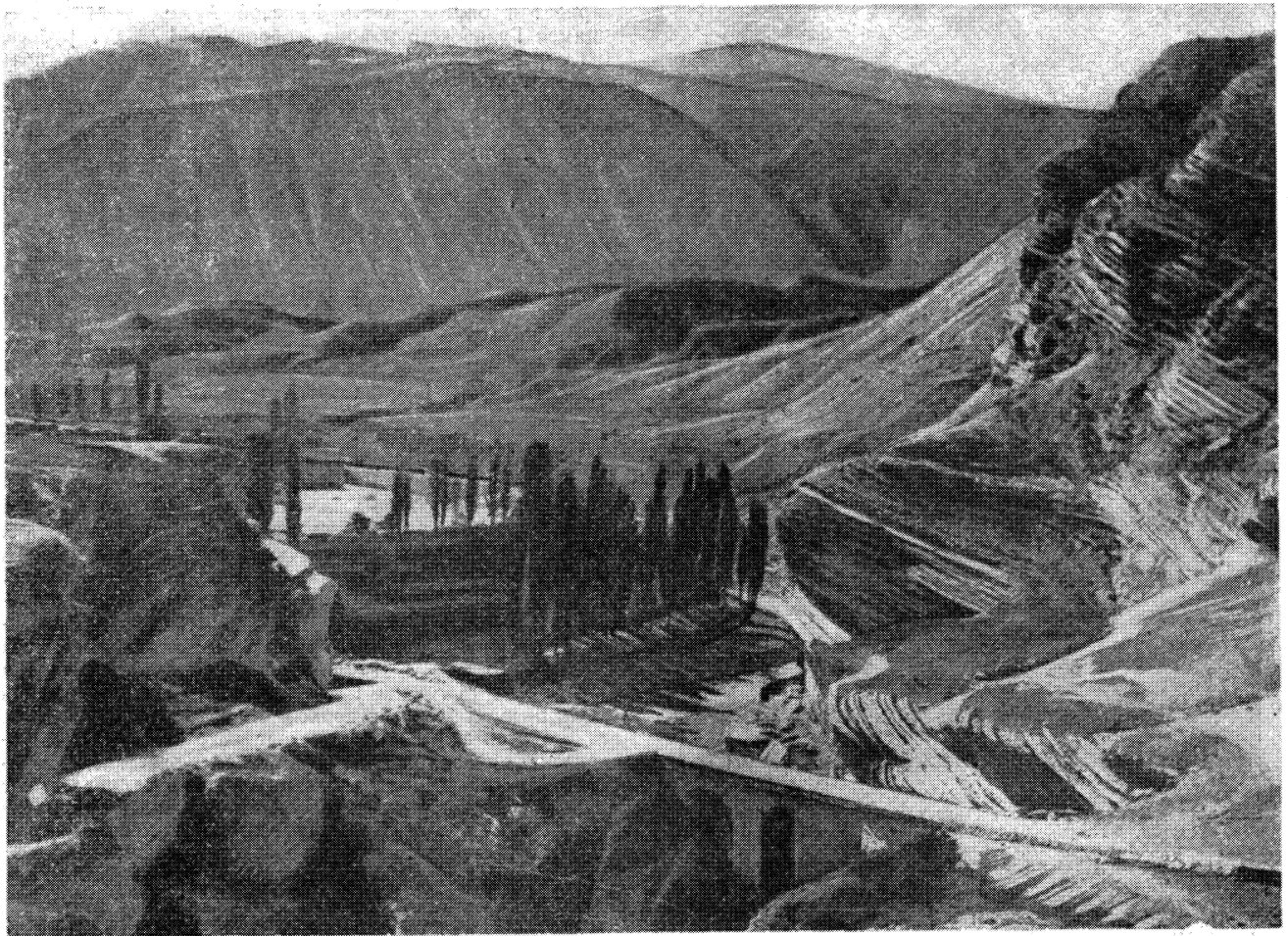
До революции в ауле Мегеб не было ни школы, ни клуба. Мегеб считался беднейшим аулом. Про него ходила дурная слава. Все смешное, что ни случалось в Дагестане, сами горцы валили обычно на Мегеб и его жителей. Этим рассказам давно пришел конец! Мы видели в ауле заканчивавшуюся постройку каменного здания клуба и новостройку мегебской школы-семилетки. Один из местных талантливых каменотесов-скульпторов взялся высечь для украшения этих общественных зданий статую товарища Сталина и бюсты Героев Советского Союза — мегебцев Магомеда Гаджиева и брата его Магомеда Гамзатова. Некогда беднейший аул, превратившись в колхоз, стал знатным и богатым.

Дагестан в переводе означает «Страна гор». Весь горизонт, куда только хватает глаз, заставлен горами. На скалах сидят орлы. По дорогам перебегают испугнутые всадниками зайцы. Хлопотливые куропатки возятся в кустарниках. Пастухи рассказывали нам о больших стадах кабанов, портящих кукурузные поля.

Дагестан славится обширностью своих горных пастбищ. Богатая растительность создает прекрасные условия для развития овцеводства. Животноводство (и особенно овцеводство) является одной из самых важных отраслей сельского хозяйства республики. Правительство Дагестана уделяет ей особое внимание. Жители горных селений получают большую помощь со стороны государства для ведения своего хозяйства. Три четверти всех пастбищ Дагестана находятся в горах. Каждую осень по всем дорогам можно наблюдать, как движутся стада овец с летних горных пастбищ на зимние — в Прикаспийскую низменность. В Верхних Альпах Швейцарии овечьи стада пасутся на высоте в 2700 метров над уровнем океана. В Дагестане же есть пастбища, находящиеся на высоте 3 тысяч метров (около селения Куруп, на грани вечных снегов). В дни Великой отечественной войны овцеводы Дагестана оказали огромную помощь Красной Армии: они вырастили для нужд фронта несколько миллионов голов скота. За это Дагестану было присвоено переходящее красное знамя Комитета Обороны СССР.

На снимке: стадо вюртембергских овец аула Батлаич спускается с гор.

До Октябрьской революции Дагестан был страной сплошного бездорожья. На всей его территории имелось всего 829 километров дорог. На языках многих народностей Дагестана не было слова «колесо». Сейчас здесь проложено 3 000 километров дорог. В Советском Союзе самыми лучшими шоссевыми дорогами считаются дороги в Чувашии. В 1935 году чувашаи, побывав в Дагестане, увидели, какую огромную работу проделали дагестанцы, и решили завоеванное ими за ликвидацию бездорожья в своей республике переходящее красное знамя передать Дагестану. Инициатор и арбитр Всесоюзного дорожного соревнования газета «Известия» согласилась с этим. Знамя Дагестаном было получено по праву. 3 600 000 кубометров земли и скал было взорвано и вырыто дагестанцами. В горах через реки, от обрыва к обрыву перекинулись каменные арки и металлические дермы новых мостов. Они сменили собой ветхие бревенчатые, веревочные и плетеные мосты дореволюционного Дагестана. Всего мостов построено 400, протяжением около 10 тысяч погонных метров.

На снимке: один из новых арочных мостов на дороге из Буйнакса в Гуниб.

Утром мы видели стрижку овец. На большом колхозном дворе мальчишки хватили овец за задние ноги и вслокли по траве к мастерам-колхозникам. Здесь баранам вязали ноги крест-накрест и предлинными ножницами стригли дорожную шерсть. Серая, белая, коричневая, она холмилась облаками на дворе, перекачиваемая ветерком. Ее собирали в корзины и относили в колхозный склад. Стриженные бараны, освобожденные от пут, вприпрыжку радостно бежали к стаду, где толпились уже оголенные и потому зябкие животные, искавшие друг подле друга живительного тепла.

В обратный путь нам дали прекрасных верховых коней. Мегебцы хотели этим засвидетельствовать свое уважение старику Муртазали — дяде и воспитателю любимца Дагестана — Магомеда Гаджиева.

* * *

Через неделю мы вернулись с Муртазали в Буйнакс, где старика дождался его сын Серажутдин, преподаватель Педагогического института, альпинист второй ступени СССР. Он сообщил отцу новость: на очередной спартакиаде народов Дагестана Гаджиевы заняли хорошие места: Абакар отвоевал второе место по нацио-

нальной борьбе, Булач — четвертое место по прыжкам в высоту, сам Серажутдин — второе место по метанию копья. Его жена Лидия первое место по прыжкам в высоту и по барьерному бегу.

Старик внимательно выслушал сына и сказал не сниса:

— Чем крепче крылья, тем выше полет орла! Надо надеяться, дети, что ваши крылья окрепнут и на следующей спартакиаде народов Дагестана вы добьетесь и первых мест!

Серажутдин недавно вернулся в родной Дагестан из Москвы, окончив Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б). Он красочно рассказывал нам о своем рекордном восхождении на самую высокую вершину Дагестана и Азербайджана — Базар-Дюзи (4 489 метров над уровнем моря).

На груди альпиниста скромно голубел высший знак победителя гор. Из присущей ему скромности он лишь в торжественных случаях надевал орден «Знак Почета» и медали «За оборону Закавказья» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Первое советское восхождение на Базар-Дюзи совершил до Серажутдина Абакар Гаджиев еще в 1935 году. Свыше десяти лет оно оставалось неповторенным.

Серажутдин Гаджиев совершил второе советское восхождение — траверс — на Базар-Дюзи. Траверс на языке альпинистов означает переход через группу вершин, соединенных между собой перемычками. Такой способ восхождения сложен и требует продуманной, тщательной подготовки, сноровки и большого опыта.

Третий день траверса был тяжелее первых. Сказались бессонные ночи похода. Внизу, под горами, было лето, ломались под тяжестью плодов ветви яблонь и груш, а здесь, на вершинах гор, стояла зима, мороз сковывал руки и ноги, клонило ко сну и грезилось о далеком тепле. Ноги зябли и в трех парах шерстяных носков. Альпинисты (их было двое) надели «кошки» и «прилепились к фирну», который перешел вскоре в сплошной лед.

Вот, казалось, рукой подать до вершины Базар-Дюзи! Конец походным мучениям! Двухпудовый рюкзак не станет оттягивать плечи! Можно будет и отдохнуть после восхождения. Надо только найти каменный тур, вложить в него записку о своем восхождении взамен той, которую оставил там предшественник — Абакар Гаджиев, подкрепиться консервами и начать спуск.

Но гора обманула альпинистов своей близостью. Вершина, которую они приняли за Базар-Дюзи, оказалась лишь подступом к заветной цели. За вершиной был провал, а за ним высоко в небе, блистая на солнце снегами, маячила другая вершина. Пришлось штурмовать и ее, но и она оказалась лишь подступом к цели. За нею была еще большая высота, которую уже предстояло брать. Шесть вершин штурмовали альпинисты, пока, наконец, не достигли самой большой — Базар-Дюзи. Эта скала напоминала очертаниями подводную лодку, и Серажутдин невольно вспомнил двоюродного брата-героя и поделился воспоминаниями о нем со своим напарником по восхождению, «спартаковцем» Михаилом Фельдгуном.

Изумительный вид открылся смелым альпинистам с вершины Базар-Дюзи. Они увидели перед собой, весь в зелени, Советский Азербайджан. А там, где простерся родной Дагестан, острые заснеженные пики гор уходили в сверкающую голубизну неба.

Три дня, отданные победному восхождению на Базар-Дюзи, сделали альпинистов неузнаваемыми. Их лица почернели от действия высокогорного солнца, губы потрескались, обветрились. Кожа на лице начала шелушиться.

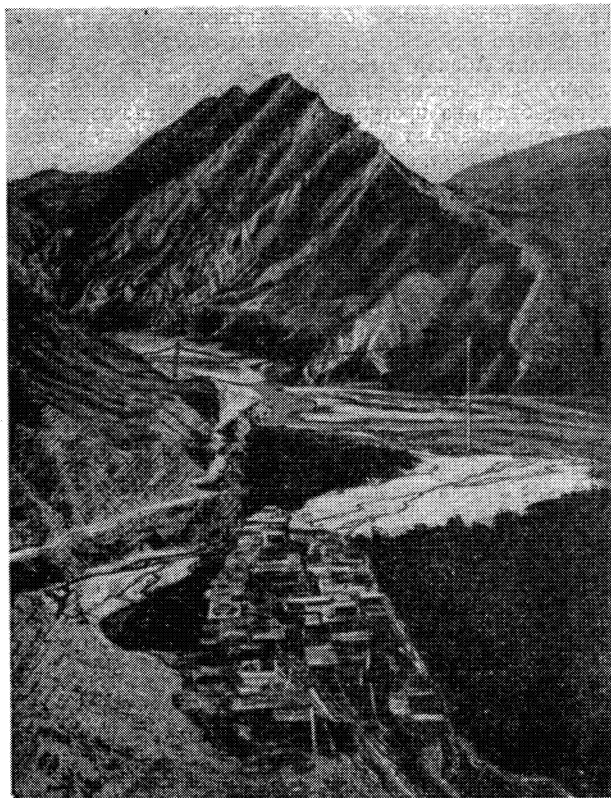
Спуск с вершины Фельдгун начал первым. Несмотря на шестибальный ветер, Фельдгун глассировал вниз почти по отвесной скале к ледникам. Он сразу понесся камнем. У Серажутдина перехватило дыхание. Чтобы спастись, товарищу надо было остановиться у первого выступа, но остановиться не удалось. Лишь удар о следующий выступ скалы задержал падение. Фельдгун пролетел еще метров полтора и остановился.

Спуск Серажутдина вызвал, несмотря на все предосторожности, сухую, снежную лавину. Она неслась слева и справа, огибая альпиниста, минут десять кряду. Альпинист стоял и смотрел зачарованно на этот снежный поток, огибавший его с двух сторон. Наконец, лавина пронеслась, а вместе с ней миновала и опасность. Траверс Базар-Дюзи был завершен благополучно.

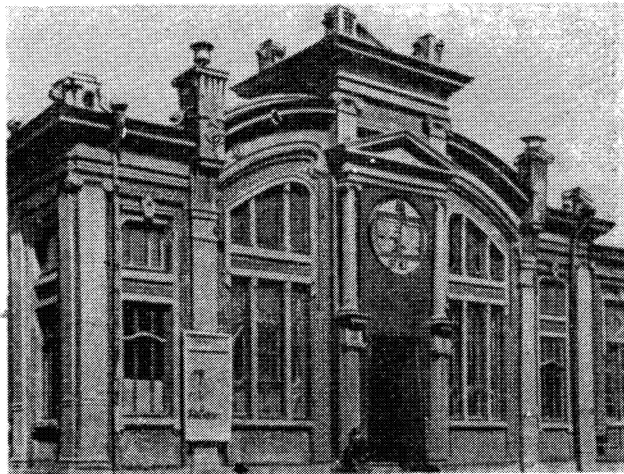
— У нас в горах говорят так: «Аманат га болма хэянат!» — взятое на себя поручение выполняй стойко, честно, хотя бы тебе грозила смерть, — сказал старик Муртазали, выслушав рассказ сына о восхождении.

Я невольно вспомнил Магомеда Гаджиева. Он учил своих подводников-североморцев священной войне с врагом. Он говорил им: «У нас, горцев, принято так: если обнажил кинжал, то обязательно вонзи его, хотя бы в землю!»

В дверь постучались. Это пришел к своему дяде Абакар Гаджиев. Альпинист первой ступени, Абакар

Гергебильгас расположена близ аула Харты-Куни. Сакли аула летят по краю высокой горы, над пропастью. К нему ведет трудная крутая дорога. Харты-Куни — типичный дагестанский аул. Острым треугольником возвышается над ним Гергебильский хребет, суровый, без покрова, без травинки, в глубоких и крупных трещинах. Он резко и отчетливо выступает на фоне синее-лилового неба. Через этот хребет переброшена линия, идущая от Гергебильгас и несущая свет в горные аулы.

Городской театр в Буйнакске. Здесь 13 ноября 1920 года, в 8 часов вечера, открылся Первый чрезвычайный съезд народов Дагестана. Зал театра не вместил всех желающих попасть на съезд. Сюда пришли старые чабаны, сменившие свои пастушеские посохи на винтовки, рабочие Буйнакского консервного завода, бедняки-крестьяне из ближайших аулов: Кафьыр-Кумуха, Муслим-аула, Левашей. На маленькой сцене театра, украшенной портретом В. И. Ленина и красным знаменем ВЦИК, с трудом разместился многолюдный президиум. Затаив дыхание, горцы слушали из уст И. В. Сталина декларацию об автономии Дагестана. С этого дня Дагестан стал автономной советской социалистической республикой.

некогда спас жизнь брату-альпинисту Серажутдину. Любо было и опытным альпинистам смотреть, как шагал лейтенант Абакар высоко в горах, ведя за собой колонну альпинистов-армейцев. Он шел размашисто и резко, будто на прогулке, легко и незаметно перемещал свое стройное тело на выдвинутую вперед ногу, красиво и легко заносил свой ледоруб и свободно дышал, как птица в полете. Щеки его алели. Шалку-ушанку серебрил иней...

В дневнике Серажутдина я нашел такую запись, которая характеризует Абакара:

«Впереди — крутой ледяной жолоб, слева — фирновое поле. Абакар достигает скального выступа. Применяя самоохранение, он, вырубая ступени, медленно переходит на фирн.

У меня и Гамзата очень неустойчивое положение. Стоим на гладком льду с охранением на крючьях. Гамзат добирается до скального выступа и в полувисячем положении берет меня на охранение. Но я знаю, что он сам еле держится, и потому надеюсь только на себя. У меня ненадежна «кошка» на левой ноге. Я делаю попытку сменить Гамзата, чтобы взять себя и его на охранение. Для этого пришлось приподняться на обмороженных пальцах ног. Не выдерживая острой боли и теряю равновесие. «Кошки» скользнули, и с огромной скоростью я полетел вниз.

От сильного и резкого рывка крюк выскочил из скалы, и я увлек охранявшего меня Гамзата...

Впереди небольшой снежный перепад, зияющая трещина и ледяной стометровый обрыв в нижнее ледяное поле.

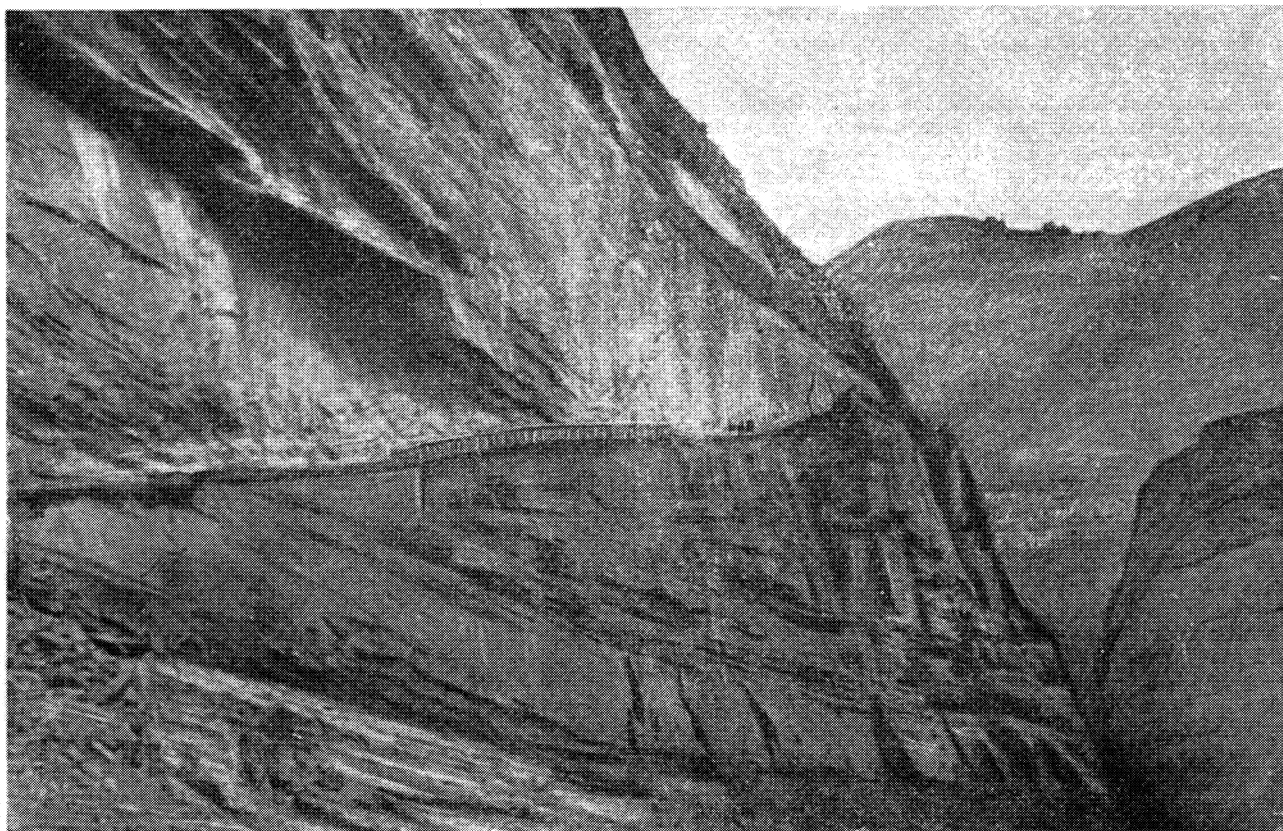
Стараюсь повернуться лицом к склону, изо всех сил торможу ледорубом, но не могу удержаться на гладком ледяном склоне. «Кошки» уже царапают лед трещины... Я стремительно падаю... Вдруг веревка натянулась, больно врезалась подмышки, и я повис над зияющей пастью поперечной трещины.

Это с нечеловеческим напряжением сил нас удержал Абакар. Я пролетел метров тридцать, на пятнадцать метров выше повис Гамзат. Счастливо отделались ушибами и легкими царапинами. У Гамзата скатился в трещину шлем.

Мы молча жмем руку Абакара. Это было выражением крепкой, на всю жизнь обязывающей нас благодарности...»

* * *

В Буйнакске я встречаюсь с лейтенантом Советской Армии Абакаром Гаджиевым. Я иду по улицам Буйнакска, названного так в честь дагестанского большевика Уллубия Буйнакского, отдавшего жизнь за завоевания Октября. На площади имени Уллубия Абакар Гаджиев, ученый садовод по специальности, посадил на месте бывшего пустыря и мусорной свалки многолетние акации, американские клены, тутовник, гледичию, конский каштан, катальпу и другие деревья. Это было одиннадцать лет назад, вскоре по окончании Абакаром Ленинградского садово-огородного техникума. Юноша Абакар ходил по окружавшим Буйнакск садам и выбирал многолетние деревья. Он сажал их на лучших улицах и на городской площади. Люди дивились ему

Дагестан — Горная страна, так назвали древние арабы этот радостный и суровый край Кавказа. «Горы — наши крепости и наши жилища», говорили населяющие их с неведомых времен разноязычные народы. Эта маленькая страна, закованная каменным кольцом гор, имеет один свободный выход — к водам Каспийского моря. Проедешь два-три километра в глубь гор и сразу попадаешь в окружение каменных нагромождений. Дорога вьется по отвесным скалам, над пропастями. По сторонам, в синем тумане, узкими ступенями уходят вверх террасы полей. Внизу, то появляясь, то исчезая, сверкают горные потоки. Альпийские пастбища сменяются голыми слоистыми скалами, в которых дорога прорублена не самому их краю и часто укреплена железными упорами.

и предрекали неудачу. Прошло одиннадцать лет. Разрослись деревья, посаженные некогда Абакаром в Буйнакске. Он украсил свой город, и ныне в знойные летние дни эти деревья дают тень и прохладу горцам, спускающимся с высоких гор на буйнакские улицы.

На месте нынешнего города до 1834 года находился аул Темир-Хан-Шура, что означает «Озеро хана Темира» (от даргинского слова «шура» — озеро). Отряд царских войск овладел аулом, обосновался в нем и сильно укрепил его. Укрепление Темир-Хан-Шура было возведено затем в степень города под тем же названием. До первой мировой войны Темир-Хан-Шура был областным городом Дагестана.

На Комсомольской улице в городе Буйнакске вам каждый покажет одноэтажный дом, ставший музеем, куда приходят узнать о жизни самого большого человека, который дал свободу Дагестану и включил его в советскую семью народов. Этот дом находится на главной улице города под № 32. В нем останавливался товарищ Сталин вместе со своим соратником и другом Серго Орджоникидзе. Это было 12 ноября 1920 года. Народный комиссар по делам национальностей товарищ Сталин и Серго Орджоникидзе прибыли в главный город Дагестана — Темир-Хан-Шуру. Красногвардейские и партизанские части, отправлявшиеся на фронт, восторженно встречали на вокзале соратников Ленина.

Дом, в котором остановился товарищ Сталин, стал штабом боевых революционных сил Дагестана. Горские партизаны, красногвардейцы, делегаты Чрезвычайного съезда народов Дагестана стекались в этот дом к товарищу Сталину за советом. Здесь, в этом доме, можно было видеть горцев, одетых в широкоплечие бурки, бешметы, черкески и вооруженных старинными кинжалами, отделанными искусными кубачинскими мастерами. Рядом с серебрябородыми стариками, приходившими к товарищу Сталину, здесь были и совсем еще молодые горцы, чьи спины, как у старших, тоже были перекрещены пулеметными лентами, а сбоку у них болтались в деревянных кобурах предлинныя маузеры.

13 ноября, в 8 часов вечера, театральнй зал в Темир-Хан-Шуре был уже переполнен собравшимися делегатами Чрезвычайного съезда народов Дагестана.

Салтинский мост, теперь названный Красным. Он вошел в историю гражданской войны, как место ожесточенных боев красных партизан с белогвардейскими бандами лжеимамы Нажмудина Гоцинского. Тяжелые металлические фермы моста висят над бурными водами Кара-Койсу.

Плечо к плечу с великим русским народом сражались воины-дагестанцы на всех фронтах Великой отечественной войны. И они не посрамили своей былой славы. Дагестан дал 36 Героев Советского Союза. Среди славных сынов Дагестана — прославленный Герой Советского Союза, капитан 2-го ранга Магомед Гаджиев. Он провел неслыханный в истории морской войны артиллерийский бой с тремя кораблями противника. Из этого неравного боя его подводная лодка вышла победительницей. В первые дни войны был сформирован Отдельный Дагестанский кавалерийский эскадрон. Этот эскадрон с боями прошел через весь Северный Кавказ, Украину и вошел вместе с доблестной Советской Армией в Берлин. Командир эскадрона — участник гражданской войны, прославленный партизан Кара Караев. Весь эскадрон сформирован из добровольцев, лучших дагестанских джигитов.

На снимке: эскадрон перед выступлением на фронт.

Красные, бархатные, золотом расшитые знамена скрестились на стене, перед которой разместился за столом президиум съезда во главе с товарищем Сталиным.

Пробил исторический, торжественный час. Народный комиссар по делам национальностей товарищ Сталин объявил декларацию о советской автономии Дагестана. Он призвал горцев изгнать банду Гоцинского и других врагов трудящихся из Дагестана, оправдать доверие, которое оказывает советская власть народам Дагестана, давая автономию стране гор.

Кумыки, аварцы, лакцы, даргинцы, лезгины и представители других народов многонационального Дагестана, каждый на своем родном языке, поклялись здесь в вечной неразрывной дружбе с великим русским народом, с которым спаяла Дагестан кровь, пролитая в совместной борьбе за свободу.

Объявление советской автономии Дагестана и самый приезд товарища Сталина в Темир-Хан-Шуру послужили призывным сигналом к полному разгрому контрреволюционных сил, еще гнездившихся в Дагестане. К весне 1921 года Дагестан был полностью очищен от контрреволюционных банд Гоцинского и Деникина. Темир-Хан-Шура превратилась в советский Буйнакск — жемчужина в Нагорный Дагестан. Шоссеиные дороги, связывающие нагорный район с остальной частью страны, проходят через Буйнакск. Там, где до первой мировой войны было всего два врача, четыре фельдшера да одна повивальная бабка (в областном городе!), через тридцать лет, в 1943 году, работало уже 36 врачей и 86 человек среднего медперсонала. За то же время количество учащихся в школах возросло более чем в три с половиной раза. Много руководящих дагестанских работников жило и училось в Буйнакске. Среди жителей Буйнакска хорошо известен земляк-кумык, Герой Советского Союза, морской летчик Юсуф Акаев, кавалер многих орденов, соратник знаменитого Н. Степаняна — дважды Героя Советского Союза.

Трудящиеся города Буйнакска и всего Дагестана с чувством глубокой радости избрали Иосифа Виссарионовича Сталина депутатом Верховного Совета

Аул Гергебиль. В старину его фруктовые сады горцы называли «садами аллаха». Он весь утопает в зелени. Здесь растут персики, сливы, абрикосы, яблони. Жители этого аула — прекрасные садоводы. Не редкость, когда с одного дерева снимается тонна фруктов. В Калифорнии, славящаяся, как известно, своими фруктами, число абрикосовых деревьев на один квадратный километр равно десяти. В Дагестане же на каждый квадратный километр приходится 17 деревьев.

Дагестанской АССР. В день, когда была получена телеграмма товарища Сталина о согласии баллотироваться по Сталинскому избирательному округу Буйнакск, в городе состоялся митинг. В том театре, где товарищем Сталиным были произнесены исторические

Гора Гуниб — самое величественное и красивое место Нагорного Дагестана. Сердце Страны гор — так называют эту гору жители Дагестана — Гуниб находится на расстоянии 180 километров от Махач-Калы. С вершины Гуниба виден весь Дагестан. На северо-западе — альпийские луга, на юге — далекие хребты Курушских гор, на северо-востоке — горное селение Хиндаг, на севере — платановые рощи, пастбища, террасы полей. На вершине горы Гуниб стоит большое белое здание. Это бывший великокняжеский дворец. Теперь здесь помещается районная больница. Гуниб — это последнее прибежище Шамиля. В знаменитой гунибской березовой роще находится «Беседа Шамиля», построенная на месте сдачи его в плен генералу Барятинскому.

слова об автономии Дагестана, слышались взволнованные речи трудящихся Буйнакск, охваченных чувством огромной радости, преданности и любви к вождю народов.

* * *

На митинг приехали люди с гор. Дороги были занесены снегом. Зима выдалась морозная. По одной из этих горных дорог мне вновь привелось ехать вместе с Муртазали Гаджиевым, ныне избранным депутатом Верховного Совета Дагестанской АССР.

Весь Буйнакск знает этого старого горца. Когда артель «Красная звезда», вырабатывающая трикотаж, завоевала в конце 1946 года переходящее знамя района ВКП(б) и горисполкома, то в Буйнакске говорили:

— Трудно будет кому-нибудь отнять у Муртазали Гаджиева переходящее знамя, если он его держит в своих крепких руках. Без боя он его не отдаст никакой другой артели! Настойчивый старик! Старик, да лучше семерых молодых!

Муртазали вызывали телеграммой в Махач-Кала. Старик надел свой военно-морской китель — подарок героя-племянника. Только ясные пуговицы были заменены черными. На груди старика сверкали медали «За трудовое отличие», «За оборону Закавказья», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», а рядом — два знака отличника промкооперации РСФСР и СССР.

Я впервые видел Муртазали в полном параде. Он надел свои регалии потому, что ехал в столицу Дагестанской АССР на Всedaгестанский съезд работников промкооперации.

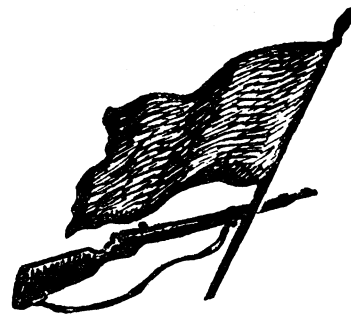
Артель, руководимая Муртазали Гаджиевым много лет кряду, систематически перевыполняла план и крепко держала в своих руках первенство. Старик сменил в молодые свои годы немало профессий. Он был и шпачником, и тартальщиком нефти в Баку, и милиционером в Буйнакске, и председателем посевкома, и председателем промыслового кооперативного товарищества. Как многие старые горцы, с кумыками он говорил по-кумыкски, с даргинцами по-даргински, с аварцами по-аварски, с лакцами по-лакски. Он знал великолепно тонкости чокского и мегебского произношений. Кумыки считали его кумыком, лакцы — лакцем, даргинцы — даргинцем. В горах и повсюду в Дагестане Муртазали — свой человек. Этот небольшого роста, сухоощий горец с лицом, изрытым глубокими морщинами, следами пережитых трудных лет, становился и выше ростом и как-то моложавей, когда разговор заходил о дагестанских героях-воинах. Среди Героев Советского Союза нашлись представители всего многонационального Дагестана: русские, аварцы, лакцы, лезгины, кумыки, горский еврей. Лакец Ахмедхан Султанов дважды заслужил высокое звание Героя Советского Союза.

Дагестанцы выказали себя патриотами на полях сражений, на просторах морей и в воздушных сражениях над полями и морями. В тревожные дни, переживавшиеся родиной, Буйнакск собрал свыше миллиона рублей и послал их в фонд Обороны, чем заслужил благодарность товарища Сталина.

Я прощался с Буйнакском — вратами в Нагорный Дагестан. Глядя на горы, высившиеся перед городом, я вспоминал храбрых сынов Дагестана — Героев Советского Союза и его самоотверженных тружеников. Я смотрел на пышно разросшиеся деревья, посаженные в городе горцем-садоводом. Я вспомнил о замечательных альпинистах, совершавших смелые восхождения.

В солнечном Дагестане я видел большую семью воинов и тружеников, советскую семью горцев, которым сам товарищ Сталин начертал путь к счастью.

В СВОБОДОЛЮБИВОЙ АЛБАНИИ

ГЕОРГИЙ МДИВАНИ

На Балканском полуострове, одной стороной при-
мыкая к морю, а с суши — к Греции и Югославии, ле-
жит клочок земли, в течение тысячелетий принадлежа-
щий маленькому, но свободолюбивому и героическому
албанскому народу.

Кто только не пытался проглотить этот лакомый
кусочек на берегу теплого Адриатического моря! На-
падали на Албанию турецкие тираны, столетиями
стонала она под игом чужеземцев, и тысячи лучших
сынов народа погибали в борьбе с ними. Но Албания
расправляла свои плечи, восставала против захватчиков
и возвращала себе свободу и независимость. Много
имен народных героев сохранили и седая история и
легенды Албании.

Через грозные, кровавые века пронесла Албания
свою национальную культуру, свой родной язык.

* * *

В этой стране не чувствуется переходов от одного
времени года к другому, и зима здесь мало отличает-
ся от осени и весны.

Адриатическое побережье покрыто оливковыми ро-
щами. Серебристые деревья резко выделяются на
фоне изумрудных холмов. А море такое здесь глад-
кое и спокойное, что кажется неподвижным — похоже
на зеркало.

За оливковыми рощами раскинулись равнины, а за
равнинами высятся горы, поросшие лесами. Они сде-
лают Албанию от ее соседей.

Мы проезжаем по дорогам Албании. Навстречу нам,
на ослах или мулах, едут крестьяне, оживленные, всег-

да приветливые. Они в высоких белых фесках, белых
домотканных шароварах и черных безрукавках. Так
же, вероятно одевались и предки их много веков
назад.

На холмах разбросаны деревни. Маленькие живо-
писные домики. Вся земля разбита на мелкие участ-
ки. Албанцы сеют кукурузу, пшеницу, разводят вино-
град. Много фруктовых садов и огородов. Лук —
почти в метр высотой.

Среди земледельческих балканских стран Албания
была раньше самой глухой. Во всей Европе только
здесь не было ни одного километра железнодорожно-
го полотна. Между тем природа щедро одарила Алба-
нию. Ее недра богаты нефтью, железной рудой, хро-
мом и многими другими ценными ископаемыми.

Народ Албании жил всегда в тревоге. Его теснили
и внешние и внутренние враги. Вся албанская земля
принадлежала до последней войны нескольким десят-
кам помещиков и в числе их — предателю албанского
народа, бывшему королю Ахмеду Зогу. Землевладель-
цы, как пиявки, сосали кровь народа.

Человеческий труд здесь был обесценен. С крестья-
нами обращались, как со скотом, продавали и поку-
пали. До войны почти полностью сохранился фео-
дальный строй. Ахмед Зогу и его верные псы сделали
страну в политическом и экономическом отношениях
наиболее отсталым уголком на Балканах. Людей,

Ожидают советскую молодежную делегацию, прибывшую
на II конгресс антифашистской албанской молодежи.

Тирана. Албанская молодежь встречает делегацию советской молодежи.

осмеливавшихся поднять против них голос, расстреливали, вешали, заточали в тюрьмы.

Народ албанский не знал радостных дней. Он не принимал никакого участия в управлении государством.

* * *

Но героический дух в албанцах не умирал.

Албания разделена на десять префектур: Скутарская, Элбасанская, Кукеская, Пенкоги, Дураццо, Тирана, Валолла, Берат, Корча и Аргирокастро.

В стране пять прекрасных портов. Самый большой из них — Дураццо. Огромные океанские пароходы вывозили из него во все страны мира богатства Албании. В Дураццо и другие порты — Валолу, Саранду (Сантекоранто), Химару, Олесио — стекались отовсюду предприниматели, желавшие разбогатеть. Они брали концессии и хищнически разрабатывали недра Албании. Вывозили ароматный албанский табак, прославленный албанский крупный и мелкий рогатый скот, дешевое оливковое масло, чудесные цитрусы, фрукты и лес. Албанским асфальтом были покрыты улицы Парижа, Берлина, Лондона и других столичных городов Европы.

Албания первой из стран Европы стала жертвой фашизма. Еще в 1939 году она была оккупирована итальянцами. Захватив Албанию, Муссолини мечтал распространить отсюда свою власть на Грецию, Болгарию, Югославию и Румынию. Захват албанских портов прекращал доступ в Средиземное море большин-

ству балканских стран. Так фашистская Италия превращала Адриатическое море в собственный бассейн. Столица Албании Тирана — это город, состоящий из двух, резко отличающихся одна от другой частей. В старой части города — узкие улочки, множество магазинов, мечетей и церквей, широкие площади шумных восточных базаров, на которых ремесленники-кустари продают всевозможные изделия своего производства. Сюда же крестьяне пригоняют на продажу свой крупный и мелкий рогатый скот. Здесь навалены горы фруктов и цитрусов.

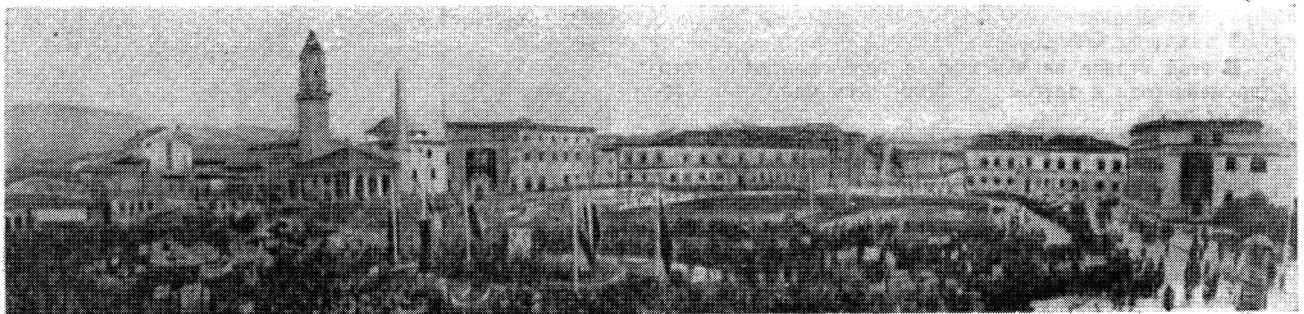
Вторая, новая часть города — европейская, с широкими асфальтированными улицами.

В самой высокой части города находится новый дворец бывшего албанского короля Ахмеда Зогу. Строили его лучшие мастера Италии. Бывший властелин страны заботился только о собственном богатстве и очень мало думал о нуждах своего народа.

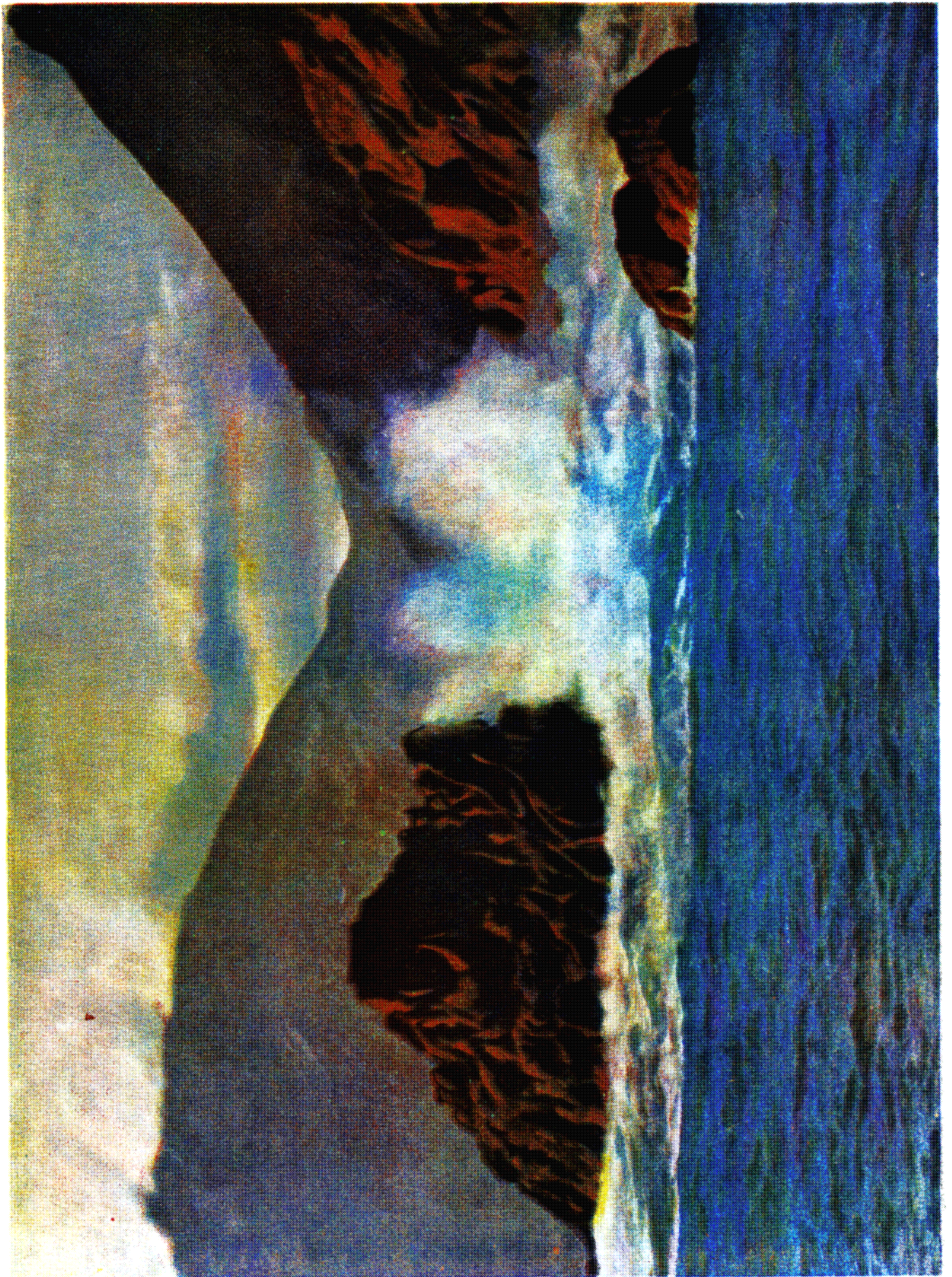
У этого незадачливого короля, казалось, не было другой страсти, как только строить дворцы. Они у Ахмеда Зогу были почти во всех уголках Албании. Один из его роскошных дворцов стоит на холме, господствуя над Дураццо. С балкона этого дворца в ясные дни можно видеть и всю Албанию и берега Италии. Сейчас дворцы Зогу превращены в дворцы культуры, в которых трудящиеся Албании проводят часы своего досуга.

С первых же дней оккупации албанский народ, во главе со славным своим сыном Энвер Ходжа, восстал против проработителей. Целыми деревнями уходили свободолюбивые крестьяне Албании в партизанские отряды. Леса и горы родной страны стали их убежищем. Партизаны налетали на вражеские гарнизоны и уничтожали их. Города, деревни и целые районы переходили из рук в руки. Итальянские и немецкие армии никогда не знали покоя от албанских партизан: ни днем, ни ночью. Горели деревни, взлетали на воздух мосты. Озверевшие оккупанты уничтожали все на своем пути, но албанский народ не сдавался. Партизаны крепили в борьбе. Взоры их, как на спасительный маяк, были обращены на Советский Союз. Победы Советской Армии воодушевляли албанский народ.

В лесах и горах албанские партизаны слушали московское радио, слушали слова товарища Сталина, сказанные 3 июля 1941 года: «В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов, обозов. В захваченных райо-

Тирана. Демонстрация у монумента в память албанцев, погибших от рук фашистских захватчиков.

Камни Лаперуза

Фото проф. В. П. Зенковича

В тихую погоду во время могучей зыби с Тихого океана участники научной экспедиции плыли на катере вдоль восточного берега Камчатки. Этот снимок сделан через телеобъектив. На нем видны скалы „Камни Лаперуза“ больше 10 метров высоты и взмет волны. На заднем плане потухший вулкан — Вилучинский, вершина которого закрыта облаками.

Нах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия». Эти слова вселяли в партизан силу, энергию, надежду, были для них боевым заданием.

Бывшие партизаны показывали мне свои дневники, в которых был записан перевод этих слов великого вождя. И они рассказывали мне, что слова товарища Сталина: «К вам обращаюсь я, друзья мои!» так близко были приняты к сердцу партизанами Албании, как если бы они были адресованы именно им.

Словно незримый мост был переброшен между нашим народом и албанцами, которые упорно дрались, создавая невыносимые условия для врага и его пособников. Партизаны убивали помещиков, помогавших фашистам, сжигали их владения.

Я видел на закопченных стенах многих крестьянских домов итальянские ружья, патронташи, гранаты, а под ними вырезанные из газет портреты Сталина, Энвера Ходжа и руководителей албанского партизанского движения.

Победы Советской Армии, ее стремительный выход на Балканы помогли албанскому народу осилить коварного и во сто крат более сильного врага.

Группа руководителей молодежных партизанских отрядов в Албании.

И потому так велико чувство благодарности, которое испытывает албанский народ по отношению к Советскому Союзу, к великому полководцу современности товарищу Сталину.

Куда я ни приезжал, меня тотчас же окружали толпы народа и засыпали вопросами о Советском Союзе. Меня спрашивали: видел ли я сам Сталина, знают ли об албанцах и их борьбе в Советском Союзе?

* * *

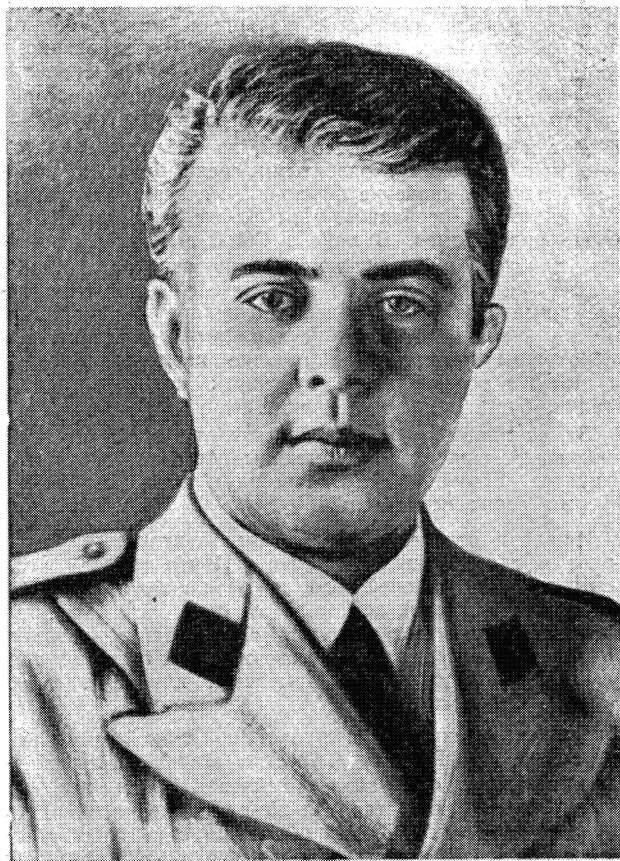
Албанский народ после победы сам выбрал свое правительство и вручил свою судьбу тем, кто в черные дни оккупации, в дни героической борьбы народа был во главе его, был впереди всех. Это Энвер Ходжа и его соратники, народные полководцы. Они восстанавливают взорванные мосты и поднимают разрушенное хозяйство Албании. Уже дымятся трубы фабрик и заводов — первенцев демократической страны.

Снова по холмам и горам Албании тянутся стада мелкого и крупного рогатого скота, но они уже принадлежат народу, а не помещикам. Впервые на албанской земле укладываются железнодорожные рельсы, соединяющие порты с производственными центрами страны.

Демократическое правительство заботится о благе своего народа, уничтожая следы монархии и феодализма.

Я беседовал с членами правительства Албании. Все это люди, вышедшие из разных слоев народа: бывшие рабочие, передовая интеллигенция, представители крестьянства, рабочих, ремесленников.

Нелегко еще сегодня живет Албания. Ее заслуги в борьбе против мирового фашизма часто еще пытаются свести на-нет представители международной реакции. Греческие монархические банды то и дело нарушают албанские границы, проливая невинную кровь, и в водах Албании, нарушая суверенитет страны, еще гуляют иноземные крейсера и миноносцы. Но албанский народ, умудренный опытом, знает цену этим провокациям и не поддается на них. Он завоевал свою свободу и независимость и готов защищать их от любых посягательств.

Энвер Ходжа, герой освободительной борьбы албанского народа, глава албанского демократического правительства.

Япония Сегодня

(Путевые заметки журналиста)

В. ИОРДАНСКИЙ

Итак, мы в Токио... Осенью 1945 года, прекратив бесполезное сопротивление, сложила оружие милитаристская Япония. Какие же изменения произошли с того времени в стране? Как живет, за что борется, к чему стремится сейчас японский народ?

В ТОКИО

Уже смеркается. В быстро сгущающейся темноте южного вечера вереница наших машин пронесется сквозь громадные обгорелые пустыри, заросшие высоким, в рост человека, бурьяном. Деревянное, бумажное Токио — кварталы японской бедноты, рабочие поселки, торговые районы — американскими «зажигалками» выжжено почти дотла.

Но то там, то сям, на пепелищах мелькают электрические огоньки. Ведь японский дом сам по себе

конструкции несложной. Вбитые в землю столбы соединяются тонкой, обмазанной глиной и оштукатуренной перегородкой — это капитальная стена. Остальные простенки заставляются легкими выдвигаемыми бумажными ширмами — это сразу и окна и дверь. В летний зной или в духоту влажного, насыщенного испарениями вечера стенки-ширмы раздвигаются во-всю, и каждый прохожий может видеть, как на цыновках, вокруг низенького полированного стола невозмутимо восседает целое семейство: кто с газетой, кто с какой-нибудь мелкой ручной работой, а кто просто с длинной трубкой во рту.

Вот и сейчас то там, то сям, по обе стороны шоссе, меж огородами, разбитыми среди бурьяна, словно бумажные японские фонарики, мелькают светящиеся насквозь «особнячки». Чем ближе к центру, тем гуще ряды домов. В районе Синагавы они сливаются, наконец, в сплошную пеструю вереницу. Здесь лавка — к лавке; прямо на тротуаре, разложены деревянные «гэта» — японские сандалии — и посуда, яркие веера и игрушки, сухая рыба и водоросли... Прохожим предлагаются горячие каштаны и струганный лед, всевозможные сувениры: ножички, зажигалки, бусы, открытки, марки...

За светящимися рядами лачуг попрежнему безжизненно чернеют раскромсанные бомбами заводские корпуса. Громадный мост свесил к воде обгорелые фермы своих перекрытий...

И вдруг отдаленным заревом электричества ударяет в глаза токийское «сити». Центр города цел. Это скопище европейского типа зданий, резиденций крупных банков и контор. Неоновые огни реклам пылают сейчас над зданиями «Эрни Пайл», «Юрако отеля» и «Даичи отеля», всевозможных гостиниц для американских офицеров, армейских клубов и кино, кабаре и дансинг-холлов.

Японское искусство отступает на задний план перед натиском Голливуда. Театра старинной драмы — традиционного «Кабуки» — сейчас в Токио нет, но для самих японцев (не только для американцев) в крупных театрах ставятся обзоры с участием стандартизованных «герлов». Трудно найти кинотеатр, где демонстрируется какая-либо новая японская картина; зато повсюду на афишах скачут клетчатые ковбои и улыбаются американские кинозвезды.

Угрюмо чернеет на искусственном острове окруженная соснами громада императорского дворца. Высокие стены из дикого камня обрываются в широ-

На Гинзе — главной торговой улице Токио.

Сжатый рис обмолачивается тут же, на поле, при помощи примитивного станка.

ченые рвы. Там полагается цвезги священным лотосам, там должны беззаботно играть красные и золотые «императорские» рыбки.. Увы, лотосы зачахли: их забила тина, не вычищавшаяся уже столько лет, а рыбок давно переловили и сжарили: уважение к ним пропало, голод сильнее.

Тишину императорской площади нарушает только мерный хруст гравия под подошвами часовых. Австралиец в коротких штанишках и зеленой изогнутой шляпе, американский солдат в тяжелых кованых бусах и куртке с изображением лошадиной головы на рукаве несут охрану дворца микадо. В черной воде широких рвов электрической радугой переливаются огни американских вывесок и реклам. Прямо против погруженного во мрак дворца микадо — многоэтажный серый куб. Здесь резиденция Макартура. С другой стороны дворца, на расчищенном пожаре пригорке, смонтированы переносные солдатские бараки из гофрированных жестяных листов.

По гладкому асфальту шуршат сотни машин. «Скорость не свыше двадцати миль в час», предупреждают по-английски громадные плакаты. Со стремительным визгом проносится патрульный «джип» (виллис) полиции. Подкатив к разрушенному зданию центрального вокзала, «джип» остаивается, как вкопанный, и двумя яркими лучами света из фар начинает водить по грудам камня, досок и щебня. Почесываясь, встают и прячутся в тень оборванные фигуры нищих.

Полицейские ждут, не вылезая из автомобиля. Нет, они не собираются арестовывать бедняков, у которых нет на сегодня крова. Половину Токио не арестуешь. Да и к чему? Полицейские просто ждут, пока те не уберутся подальше от глаз — нечего портить вид залитого неоновым блеском «сити».

Глухо шлепая подошвами соломенных сандалий, по разогретой мостовой катит свою тележку рикша. — «человек-лошадь». Развалившись на мягких подушках, в тележке восседает американский матрос.

А на перекрестке, на высокой деревянной подставке невозмутимо высится широкоплечий, белоголовый

полисмен с громадными черными буквами на рукаве: «Военная полиция». Он стоит и жует бесконечную, тягучую резинку. «О-кей» — все благополучно. Могучая фигура полисмана как бы олицетворяет собой прочность нового оккупационного американского порядка в Японии. Нанкосок, в увитой плющом каменной будке, у свечи дремлет его помощник, одетый в черную тужурку, маленький японский жан-дарм. Все «о-кей».

НА ПРОЦЕССЕ В ИЧИГАЯ

Ичигая — это одновременно и станция надземки и целый район. В Токио нет названий улиц, есть районы: например Синагава, Мукодзима, Симбаси.

В районе Ичигая, среди большого парка, возвышается на пригорке мрачное черное здание, обнесенное каменной стеной. По архитектуре оно удивительно смахивает на наш московский крематорий, и первые дни, въезжая за ограду, я ловил себя на том, что невольно ишу глазами трубы.

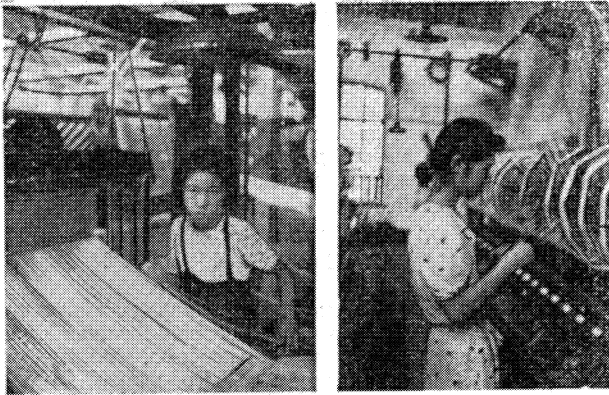
В этом здании помещалось прежде японское военное министерство. Здесь лелеялись и вынашивались бредовые планы захватнических войн. Здесь заседает сейчас Международный военный трибунал. Такова логика истории, ее прекрасная закономерность.

Обширный зал. Спокойные коричневые тона. Много света: большие окна, люстры, прожекторы. Высокая судейская трибуна; за ней укреплены одиннадцать знамен — по счету стран-победительниц. В составе трибунала — представители Индии, Голландии, Канады, Великобритании, Соединенных Штатов, Австралии, Китая, СССР, Франции, Новой Зеландии и Филиппин. Перед судьями, внизу, расположились обвинение и защита. Напротив — скамья подсудимых. Сбоку — места прессы; над ними — балкон для гостей.

9.20 утра. Вводятся подсудимые. Не спеша они занимают свои места. Перед нами те, кто десятки лет мечтал о землях советской Сибири, кто в годы гражданской войны исподтишка уж вцепился было в Приморье... Те, кто затеял Хасан, Халхин-Гол, кто с поднятым штыком стоял у нашего Дальнего Востока в годы тяжелой Отечественной войны.

Осака. В центре города.

На текстильной фабрике в Осака.

Вот Тодзио, премьер военных лет. Его руками была начата последняя война. Потертый зеленый мундир уже без орденов и без генеральских погонов. Очки прячут глаза. Он сидит, съезжаясь, скрестив руки на груди. Вот Араки. Известны антисоветские подвиги храброго генерала. И теперь он сидит, как в строю, словно ему взамен позвоночника вставили штык. В обе стороны острыми пиками торчат длинные усы. Бесперывно поглаживает свою лысину Донжара — король японской разведки, тот, который спровоцировал маньчжурский инцидент. Хирота восседает с закрытыми глазами, как будто спит. Ни один мускул не дрогнет на его желтом, бесстрастном лице. Что-то быстро строчит Сигемицу, бывший посол в Москве, дважды шпион — и для себя и для немцев одновременно. Осима — посол у Гитлера. Судзюки — «экономический мозг» кабинета Тодзио, который стимулировал японцев последние иены на войну...

Сейчас их 25, а было 28. До суда умер Мацуока — бывший делегат Японии в Лиге наций. С обвиняемым Окава произошла забавная история. Вдохновленный примером Гесса, он решил прикинуться дурачком. Благообразную судейскую тишину нарушили однажды два звонких удара. Это Окава, привстав, вдруг ладошками хлопнул по лысине Тодзио, сидевшего как раз перед ним. Полицейские подхватили бывшего генерального директора восточно-азиатского «исследовательского» института подмышки и отправили в сумасшедший дом на исследование.

Снова размеренно, чинно потекли заседания трибунала. Летом, в самую жару, приятным разнообразием была... двухнедельная забастовка суда. Председатель наотрез отказался слушать дело в такой раскаленной атмосфере. Пока устанавливали рефрижераторы, подводили трубы с охлажденным воздухом, трибунал отдыхал. Потом снова пошли документы, а к ним — придирки; заявления очевидцев, свидетелей и придирки защиты к ним.

Монотонный ход заседания прервало яркое, гневное выступление советского обвинителя. Тов. Голунский последовательно и подробно раскрыл перед судом всю систему японской агрессии и ее подготовку к войне с СССР. Конфликты на КЕЖД, Хасан, Халхин-Гол — это звенья единой цепи. В случае успеха немцев японцы готовились нанести нам в спину коварный удар. «Не опоздать бы на автобус», цинично говорили между собой офицеры Квантунской армии в дни нашей Отечественной войны против немцев.

Люди, которые сидят на скамье подсудимых, своим поведением, политикой своей вычеркнули себя из жизни народа. И Араки и Тодзио настолько скомпрометированы, что никто в Японии не захочет ими интересоваться серьезно, как бы ни старались их адвокаты.

Это в Токио ясно всем. Не ясно другое: почему только 25 человек перед лицом человечества отвеча-

ют за многолетние преступления целой Японии? Где же те, кто стоял все годы за их генеральской спиной? Где, например, заправили «дзайбацу»? (В переводе слово «дзайбацу» так и звучит — «богатый род», «богатая династия».) Мицуи, Мицубиси, Ясудо, Сумитомо на деле подготовляли, развязывали и направляли войну. 70 процентов японского финансового капитала, четыре десятых всего национального богатства страны находилось под их контролем.

Тщетно искать их представителей на скамье подсудимых. Лучше взор обратить к другим скамьям — депутатским, в парламенте. Среди 188 директоров различных акционерных компаний, 52 помещиков, 6 рыбопромышленников и всех других представителей крайних правых, реакционных партий, посаженных сюда 10 апреля 1946 года, найдется не один доподлинный преступник.

Как ширмой, прикрылись сейчас реакционные круги процессом в Ичигае.

И вот уже в руки подставных лиц (читай — также и американцев) утлевают акции крупных фирм. 30 процентов акций.

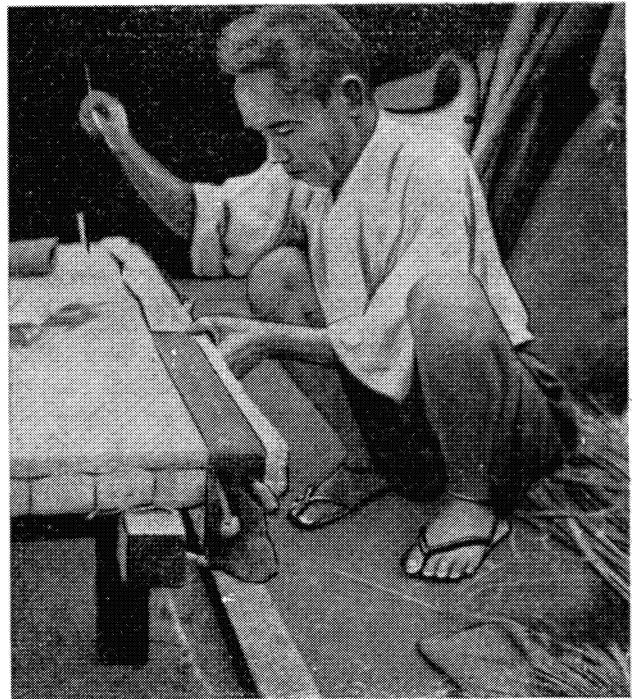
ТЕ, КТО ПРАВИТ СТРАНОЙ

Император Хирохито — весьма любопытная фигура. Древние летописи Японии гласят, что он прямой потомок богини солнца Аматерасу Оми-ками. Те же летописи, впрочем, утверждают, что весь японский народ произошел от богов (почему ему и предписано было в конце концов владеть миром), но только рангом ниже. Император же — это непосредственный сын небес — «тенно».

Когда император, случалось, покидал свой дворец, все подданные на улицах поспешно падали ниц, — его лик не может быть виден простым человеческим взглядом. Если кто в эту минуту оказывался на втором этаже, он спешил сбегать вниз: разве можно быть выше тенно?

...И вот 8 декабря 1941 года император Японии Хирохито объявил войну сразу Англии и Америке.

«Мы, Император Великой Империи Ниппон, с помощью неба заступивший Трон единой в веках Им-

За плетением «татами» — циновки из рисовой соломы.

ператорской Династии, преуказываем тебе, Наш верный и доблестный народ:

Мы объявляем войну США и Великобритании. Офицеры и солдаты Наших Армии и Флота, соберите все ваши силы и приступите к военным действиям», гласил торжественный высочайший манифест.

К слову сказать, как две капли воды, это воззвание Хирохито оказалось похожим на такой же призыв, выпущенный сорок лет назад, после бандитского нападения японской эскадры на наш Порт-Артур. «Милостью Неба Мы, Император Японии, восседающий на престоле, занимаемом одною и тою же династией с незапамятных времен, сим объявляем всем Нашим верным и храбрым годданым: настоящим Мы объявляем войну России и повелеваем Нашим Армии и Флоту вести враждебные действия против этой империи со всей их силою...» — было провозглашено тогда, в феврале 1904 года.

Метод агрессора не изменился — то же внезапное, вероломное нападение (Порт-Артур и Пирл-Харбор), и не меняется императорский слог — та же циничная наглость, самоуверенность. В обоих случаях оба тенно и не пытаются скрыть агрессивность завязанных ими войн.

Известно, как на этот, второй, раз сложилось дело. Не выдержав стремительного удара советских войск, Хирохито был вынужден капитулировать. Впервые в истории японцы услышали по радио голос тенно. Медлить было нельзя, дороги были минуты, и презрев свой божественный сан, император закричал по всем радиостанциям: «Сдавайтесь!»

Потом он увидел — ничего, все в порядке. Как по команде, со страниц американских газет вдруг исчез неприятный титул «военный преступник № 1». Больше того, у дворца появилась американская и английская сгража...

Хирохито понял — подул новый ветер, нужно ставить новые паруса.

В ночь на 1946 год император опять обратился к народу по радио, «Я не сын бога больше, — объявил он. — Я такой же, как вы, человек, японец...»

Тенно срочно демократизировался. Он пошел в народ. Бродил по руинам Токио. Съездил в провинцию. Пообедал там. Погладил по головке встречного ребенка.

Слезы умиления выступили кой у кого на глазах: «Вот он какой наш тенно!»

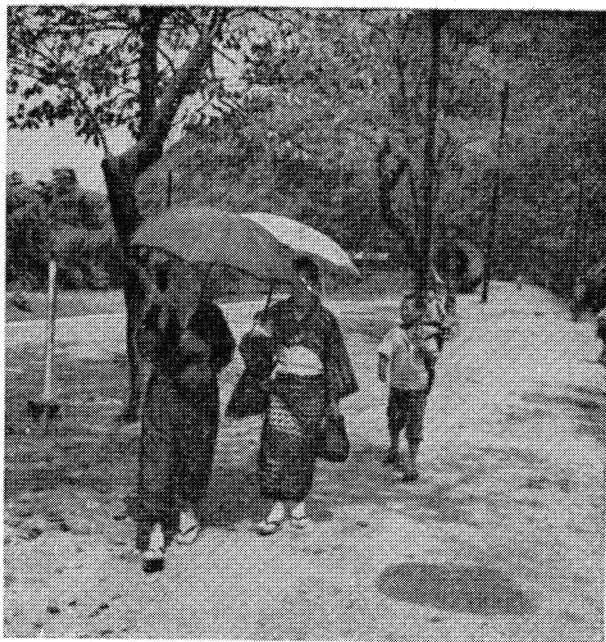
И в новую конституцию, с благословения главнокомандующего союзными войсками генерала Макартура, был торжественно вписан первый пункт: «Император является символом государства и единства народа...»

Чем этот новый «демократический» пункт отличается от параграфа первого прежней конституции, составленной в 1889 году? Там говорилось: «Японская империя должна управляться, и над нею должна царствовать непрерывная во веки веков линия императоров...»

Как и встарь, престол остается наследственным. С новых, «демократических» позиций тенно опять взобрался на шею народа. Он назначает премьер-министра. Утверждает смещения и назначения в кабинете. Утверждает ратификацию договоров. Одним словом, «старых шей, да пожиже влей». Монархия — основа милитаристического режима — сохранена. Дело в том, что через старый, реакционный, пошедший им в услужение аппарат американцам легче проводить свое влияние.

Конституцию принял новый парламент. Скоропальные «выборы» в него проходили в обстановке разнузданного подкупа и шантажа. 98 «прогрессистов» и 142 «либерала», верные слуги реакции, составили в нижней палате подавляющее большинство. К ним открыто льнут правые социаллисты, перебегают «независимые», сразу же после выборов сбросившие ненужные больше маски «беспартийности».

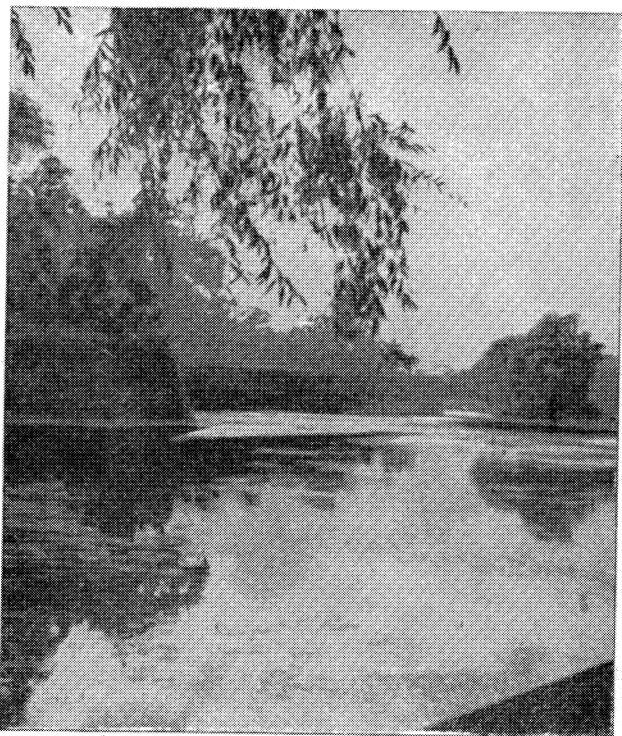
Коммунистическая партия Японии по тому времени только что возродилась, только что начала говорить

В одном из уголков Токио.

с народом. Ее лидеры едва покинули тюремные застенки, где они томились многие годы. Восемнадцать лет, например, провел в заключении генеральный секретарь компартии Токуда. Лишь после капитуляции Японии он был освобожден. И все же на выборах в апреле 1946 года за коммунистов уже было подано свыше двух миллионов голосов. Они послали в парламент шесть своих представителей.

Крайне правые не скрывают звериной злобы против немногих, впервые вошедших в парламент посланцев

Токио. Канал вокруг императорского дворца.

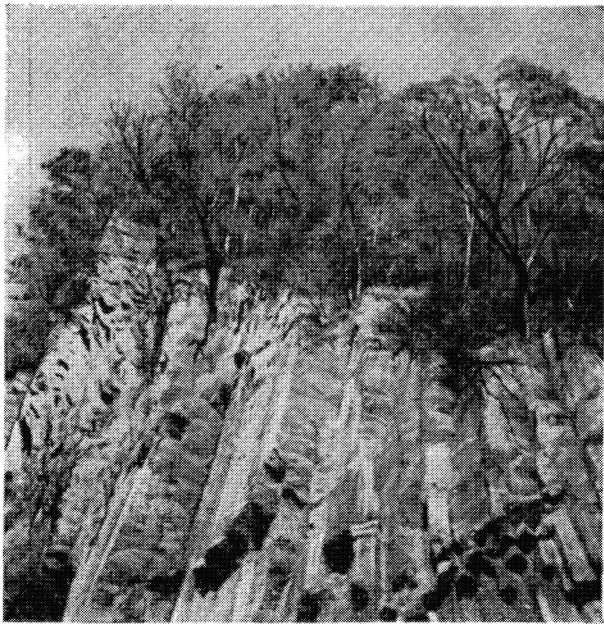

Водопад в горах Никко (Центральная Япония).

народа. Однажды, когда выступал коммунистический депутат, с диким воплем кинулся на него потерявший голову самурай. Поистине с японской невозмутимостью писала затем одна газета: «В свалке приняло участие 50 депутатов нижней палаты и 12 полицейских чинов. Спикер Сендзо Хираи с трудом водворил порядок...»

Так императора Хирохито, бывшего сына богов, снова «демократично» короновали на вечный престол. 3 ноября 1946 года, в день рождения императора Мейдзи, в Токио было объявлено торжество всенародного оглашения конституции.

К зданию парламента — громадной серой пирамиде, видимой почти со всех концов города, — потянулись кавалькады машин. Иосида подкатил на блестящем

В горах Никко (Центральная Япония).

лимузине, депутаты победнее вылезали из трехколесных мотоциклов, переоборудованных под автомобили...

Балконы занимали гости, в основном — офицеры, солдаты оккупационных войск. Ровно в 11.00 кинооператоры прильнули к смотровым лазкам: из боковой двери вышел император.

Почтительно преклонив головы, стояли перед ним бароны и князья, помещики и винокуры, директоры компаний и рыбпромышленники — депутаты верхней и нижней палат.

Маленький, черненький, без своего блестящего одеяния, без эполетов, с одним только орденом хризантемы на боку, Хирохито дребезжащим голосом прочитал ответ на обращение премьера, повернулся и ушел.

Церемония кончилась. Позже вместе с императрицей и принцем он вышел на площадь перед дворцом, куда собрали народ, постоял с минуту за двойной цепью американских и японских полицейских, приподнял шляпу, ничего не сказал и опять ушел.

Вот и все.

«Семидесятиmillionный народ стал любить и уважать императора больше, чем во время действия старой конституции», захлебываясь от восторга, кричали в газетах крайние правые, прогрессивная партия «симпото».

«Наша партия от души желает, чтобы дух новой конституции содействовал бы созданию мира во всем мире через практическую деятельность японского народа...» невнятно мямлили социалисты — партия «сакайто».

И только коммунисты заявили народу прямо: в новой конституции «система императора, как опора капиталистов и помещиков, сохранена, и привилегии правящих классов поддержаны». В новой конституции «отсутствует конкретное обеспечение прав граждан. Именно потому растет борьба народных масс за конфискацию земель помещиков, за создание системы минимальной заработной платы, за приобретение квартир...»

И вот на завтра после «всенародного торжества» ко дворцу императора, к парламенту потекли колонны демонстрантов.

— Долой правительство Иосида!

— Улучшить условия жизни!

Простые, понятные народу лозунги объединили под забастовочными знаменами десятки и сотни тысяч человек.

ГОЛОС ПРОСТЫХ ЛЮДЕЙ

Центральная площадь Токио усыпана мелким хрустящим гравием. Собственно, это даже не площадь, а скорее, парк или гигантский сквер. Перед парадными воротами императорского дворца за первым обводом каналов устроен второй. Между ними высится целый лес. Причудливые японские сосны клонят могучие ветви к земле. С откоса из серого гранита они спускаются чуть ли не до воды, прячут иглы в буйной траве, вырываются на простор самой площади, где автомобили могут проезжать лишь по специальным асфальтовым проездам. Трава и гравий — для людей.

И редко когда пустует теперь императорская площадь. Рано утром где-нибудь на окраине собирается группа бастующих. Рабочие двигаются вперед — к центру города. По пути примыкают к ним женщины, дети. Появляется красный флаг. Над головами всплывают лозунги, поднимаются карикатуры на шестах...

Колонна достигла площади, и все рассыпаются по траве. Еще рано. Молодежь выбирает площадку, где побольше выгоптана трава, в воздух взлетает мяч бейзбола. Подальше, вокруг человека в очках, уселась на корточках группа слушателей. Агитатор читает листовку стачечного комитета и тут же раздает листовки слушателям. Еще дальше, под соснами, в

плотный кружок стала группа девушек. Покачиваясь в такт, ритмично взмахивая правой рукой, они что-то негромко поют.

Между тем из района Канды подходит вторая колонна демонстрантов. Третья движется слева, от Симбаси... Вот уже почти полна площадь. В гущу народа въезжают крытые грузовики. На них — репродукторы.

Оратор, невысокий, бедно одетый японец в неизменных очках, бросает первое призывное слово. Репродукторы вторят ему громогласным эхом.

Еще выше взмывают над головами флаги из кумача. Качаются на ветру рисунки, лозунги, карикатуры. Можно не знать ни одного иероглифа, но смысла карикатур не понять нельзя. Вот короткий, жирный человек, как две капли воды схожий с теперешним премьером Иосидой. Растопырив пятерни, он силится удержаться на груди набитых золотом мешков. Бесчисленные нули изображены на их вздутых боках. А рядом, с белыми дубинками в руках, стоят на страже двое дюжих полицесмен.

Одного оратора сменяет другой, летят в воздух стайки листовок... Черной стеной окружают тогда гудящий митинг японские полицейские. Прямо на «джипах» въезжают на траву наряды «эмпи» — американских блюстителей порядка.

— Спокойствие! — восклицает оратор. — Не дадим спровоцировать нас...

Народ стихает. Полицейских стараются не замечать. Вдруг свинцовые тучи, еще с утра нависшие над Токио, раздражаются над площадью бурным тропическим ливнем. Мгновение — и толпа покрывается сплошной крышей зонтиков. Мокнут непредусмотрительные полицейские, оратор продолжает свою речь.

Не так, однако, давно старая императорская площадь стала свидетельницей таких картин. Из века в век, из года в год, из дня в день японцы падали здесь ниц, ползли и кланялись, хлопали в ладоши, чтобы тенно услышал их, чтобы его божественных ушей достигла их молитва за сына бога. Даже после капитуляции, в сентябре, в октябре 1945 года, сюда текли толпы кающихся. Они становились на колени, бились лбами о жесткий гравий и молили Хирохито простить их за... проигранную войну. Ведь сам тенно — сын бога — непогрешим!

— Дайте рису! Работы! Дайте нам построить жилища! — выкрикивает теперь оратор.

Люди начали думать. Люди начали действовать, требовать, говорить, простые рабочие люди.

Многим в Токио памятна демонстрация 1 мая 1946 года. Полмиллиона человек одновременно вышли тогда на улицы столицы. Напуганная реакция призвала к власти нынешнее правительство Иосиды и поручила ему подавить растущий революционный подъем.

Гневной демонстрацией протеста ответил на эту махинацию народ. С посланцами его отказались говорить и новый премьер и сам император. Срочные меры принял генерал Макартур: оккупационные властями были запрещены уличные демонстрации, как «нарушающие общественное спокойствие».

Но разве можно предотвратить извержение Фуззиями указом о соблюдении тишины? Волна массовых забастовок потрясла Японию. Бастовали угольщики, электрики, железнодорожники, грузчики, моряки. В сентябре бастовало больше, чем в августе; в октябре — больше, чем в сентябре.

«СТРАНА НАОБОРОТ»

Япония — «страна наоборот». Машины едут здесь не правой, а левой стороной; когда свистит регулировщик — полицейский, надо трогаться, а не останавливать автомобиль; книги листаются слева направо...

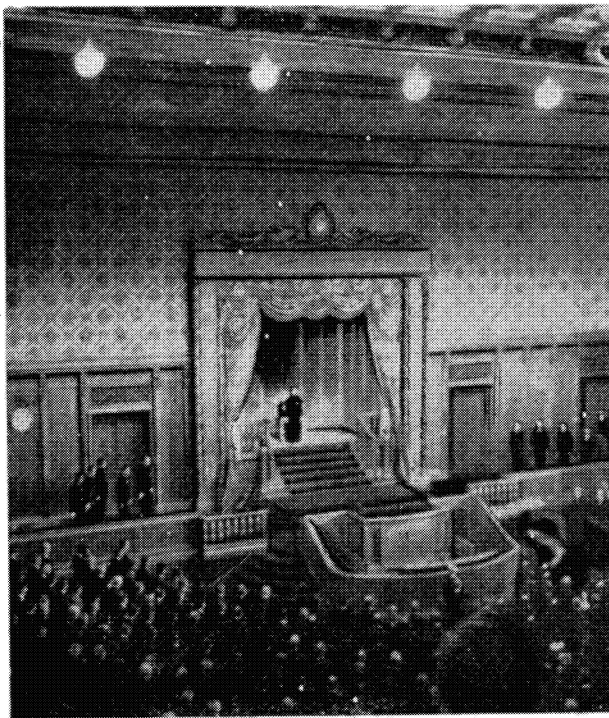
Может быть, в подтверждение этому правилу «все наоборот» японский народ, только что переживший

Фонтан перед дверями храма. Над водой склонился бронзовый дракон.

тяготы многолетней войны, многократные бомбардировки и, наконец, капитуляцию, разруху, голод, пришедшие по пятам позорной войны, — простой японский народ жизнерадостен, жизнелюб и энергичен?

Стоит только побыть в Токио два-три дня, и у вас невольно сложится впечатление, что тут все, от мала и до велика, каждую свободную минуту... играют в бейсбол. Американская лапта с необычайной быстро-

В парламенте. Император Хирохито — без своего блестящего одеяния, без эполет — в день оглашения конституции прочитал тронную речь.

Японская девочка.

той завоевала признание японцев. На просторных газонах императорской площади и утром, и вечером, и днем можно застать студентов или старших школьников, безустали гонящих маленький твердый мяч. И в центре города и ближе к окраинам вы насчитаете не один «стадион» — наскоро расчищенную от остатков пожарища и полуогороженную площадку, где чуть не круглые сутки слышны звонкие удары битой.

Сражается не только молодежь. Не раз я был свидетелем, как в обеденный перерыв солидные чиновники муниципалитета выбегали на соседний пустырь и, сбросив пиджаки, вооружались кожаными перчатками — поразмяться, с полчаса погонять мяч... Мяч летает прямо по улице, прыгает между автомобилями, скачет по плоским крышам домов...

А праздники? Вряд ли где на земле существует столько различных праздников. Новый год (его отмечают целую неделю) и праздник жатвы, день трехлетних и семилетних, день пятилетних и девятилетних, когда маленькие счастливицы, достигшие этого возраста, обряжаются в самое лучшее, расписное платье и мамаша ведет их к храму поклониться духу усопших предков, как того требует религия «шинто».

Всех праздников не перечтешь. В каждой провинции, в каждом городе, в каждом квартале и даже доме — свои специальные дни.

Японцы, и так в основном живущие на улице, в праздник вовсе не покидают ее. Вот толпа мальчишек с расписанными лицами таскает на плечах громоздкий макет — обиталище очередного «духа». Вот юноши, нацепившие маски, водят хоровод. Фонарики, флажки, игрушки, пестрые метелки — все это вертится, горит, сверкает под монотонный барабанный бой...

Не знаю, что здесь от язычества, что от религии более поздней поры, но мне кажется, что не столько религиозный экстаз, сколько просто здоровая радость молодости заставляет тысячи ребят и девочек с утра

до ночи бегать по улицам, забывая про отдых и скудный обед.

Врожденная любознательность, бодрость и жизнерадостность всегда собирают многочисленную толпу у балагана бродячего фокусника, укротителя змей или даже не очень смешного рассказчика.

А «сумо» — традиционная японская борьба? В «Мемориал-холле» — громадном цирке — собирается несколько тысяч человек. Затаив дыхание, наблюдают они за тем, как, став друг против друга на корточки, пытаются знаменитые борцы. Больше всего борцы в эту минуту напоминают взъерошенных петухов, и подобие перьев, торчащих во все стороны от повязки у них на бедрах, лишь дополняет смешное сходство. Но зрители, конечно, не замечают его. Они напряженно следят за каждым движением и восторженным ревом приветствуют того, кому удалось столкнуть своего противника с квадратного помоста или заставить его переступить очерченный на помосте круг. Несколько десятков, а то и сотен человек непременно остановятся на улице у маленького «квадратного» ринга, где свои силы в «сумо» пробуют мальчуганы. Громкими криками одобрения зрители наградят победителя и безжалостным смехом проведут того, кто упадет.

И теперь, в первый же после капитуляции год, толпы японцев вновь осаждают знаменитую Фудзияму. Молодые люди и пожилые в жару и в дождь упорно карабкаются по ее сыпучим склонам. От станции к станции — небольшим домикам, установленным по склонам горы, — бредут японцы с рюкзаками за спиной. Туристы прибыли издалека, и в рюкзаках у них еда: запасы рыбы, сушеных водорослей, немножко дорогого рису...

Со всех концов страны в усыпанные багряным золотом кленов осенние горы Никко едут экскурсионщики школьников и студентов. Нередко люди идут сюда пешком, проделывают десятки километров, неся в рюкзаках за спиной тот же рис и сушеные водоросли.

Япония — «страна наоборот», и демократия тут сейчас частенько тоже бывает наоборот... Но все крепче и крепче задумываются крестьяне о земле — о своей земле, на которой до сих пор сидит помещик. Крестьяне начинают уже понимать, что не все равно, кто говорит с парламентской трибуны — коммунистический депутат Носака или премьер Иосида... Электрики бастуют из пролетарской солидарности, протестуют против незаконных действий по отношению к печатникам, а еще в апреле одним не было никакого дела до других...

Во многом этим и объясняется, пожалуй, жизнерадостность простого народа. Впервые японцы, избавленные от военного бремени, всерьез задумываются о своей судьбе. Впервые японцы пробуют что-то самостоятельно сравнивать, взвешивать, а значит, и выбирать. И вот вновь и вновь выходят на императорскую площадь десятки тысяч человек. И в первых рядах демонстрантов идет молодежь.

ОБЩЕСТВО «ЖУРЧАШАЯ ВОДА»

Чудесны в Токио теплые осенние вечера. Ноябрь на дворе, уже багровеют на улицах пышные клены, по берегам каналов плакучие ивы тянут к воде пожелтевшие ветви, а кажется — это еще наш, московский июль. Умолк, наконец, назойливый треск цикад, спала удушливая летняя испарина, и люди, которые прежде в свободные вечерние часы предпочитали восседать, не двигаясь, за распахнутыми настежь стенками-ширмами своих полуигрушечных домиков, пестрой, шумливой толпой заполняют бульвары столицы, ее магистрали и парки.

Через весь город несет свои воды спокойная, плавающая Сумида. У одной из окраин Токио, вдалеке от порта, от железнодорожных путей, пакгаузов и эстакад, по ее берегам раскинулись широкие бульвары.

Здесь особенно шумно и весело по вечерам. Молодежь Мукодзимы — прилегающей к речке части района Хонго — давно облюбовала бульвары Сумиды. Да и не только молодежь. С неизменными скакалками вертится кучка девочек чуть не в кукольных кимоно, дальше высоко взлетает мяч обязательного бейзбола, а еще дальше на переносной деревянной скамеечке с длинной трубкой в зубах прямо на асфальтированной мостовой сидит древний старик. Редкие автомобили умеряют свой бег и, гудя, осторожно лавируют посреди толпы.

Несутся звуки музыки. В центре бульвара, под громадным электрическим фонарем, на вынесенном из какого-то дома низеньком столике стоит патефон. Вокруг него кружатся пары. Юноши, девушки (больше девушек) танцуют вальс.

Мы хотим подойти поближе, но дорогу преграждает невысокий паренек.

— Обойдите, пожалуйста, — переводит его слова мой спутник.

— Нет, нам как раз хочется подойти сюда...

Паренек смущается. Он просит подождать минутку и возвращается не один — с ним другой, уже более взрослый японец. Бросается в глаза — на лацканах потертых, замасленных пиджаков и у того и у другого поблескивают одинаковые новенькие значки. На черном поле — неровный круг и в нем золотые буквы «Сесераги».

— «Журчащая вода», — переводит мой спутник.

Так во время танцев, устроенных прямо на улице обществом «Журчащая вода», состоялось наше первое знакомство с «Сесераги» — объединением молодежи, живущей в квартале № 3 Мукодзимы, части района Хонго.

Через несколько дней я посетил собрание этого общества. Провожатый повел нас по узкой улочке между жмушихся друг к другу легких японских домов. У входа в один из них он остановился и постучал. Дверь открыли. Пожилой японец, кланяясь, пригласил сбросить обувь и подняться за ним на второй этаж.

Здесь была отодвинута стенка-ширма, две комнаты соединены в одну. На соломенных циновках, вделанных прямо в пол, в импровизированном зале на коротких сидела 15—20 девушек, — кто в кимоно, кто в длинных шароварах, распространившихся в Японии за войну, и 8—12 юношей, — кто в черных гимназических или студенческих курточках, кто в брюках и пиджаках. Поодаль, возле стены, в легких домашних халатах расположились два пожилых японца.

Председательствующий Умехара Кендзо, молодой оркестрант одного из токийских театров, постучал карандашом и объявил открытым очередное собрание звеньевых общества «Сесераги». Первый вопрос — о работе библиотеки, о сборе книг; второй — о занятиях кружка по изучению чайной церемонии; третий — о создании театрального кружка; четвертый — о выполнении плана действия за предыдущий месяц; пятый — о выпуске нового номера журнала «Сесераги».

Пока отчитывается библиотекарь общества — девушка в серой потертой курточке, пока докладывает о пройденном староста кружка по изучению чайной церемонии — напудренная и насурмленная японка в ярком кимоно, пока председатель резюмирует обсуждение каждого вопроса и свое заключительное мнение излагает «советник» или «консультант» — один из пожилых японцев, сидящих у стены, я подробнее расскажу об обществе «Сесераги».

«Общество ставит своей целью самоусовершенствованием каждого члена содействовать государству...» — туманно провозглашает одна из глав устава «Сесераги». «Членами общества являются молодые люди обо-его пола в возрасте от 14 до 30 лет, проживающие в квартале № 3 подрайона Мукодзима...»

В «Сесераги» масса отделов и секций: общий, канцелярский, пропаганды, библиотечный, музыкальный, ораторский, спортивный, садоводческий, театральный, домоводческий, финансовый и, наконец, отдел самоусовершенствования (?). Кружки: чайной церемонии,

раскладки цветов, пения, бейзбола, «сумо» — японской борьбы, японских танцев. Редакция журнала, который печатается на гектографе.

Таким же путем — на гектографе — в количестве 150 экземпляров, по числу членов общества, своими силами размножен устав, список звеньев, правила, различные инструкции. С присущей японцам любовью расписывать все до последних мелочей, там указывается, например, что президент общества назначается на год и что в кино надо ходить не вдвоем, а только втроем — так будет пресекаться возможное безнравственное поведение молодежи, что в случае брака каждый член общества дарит жене и невесте по пяти иен, столько же выдается семье умершего «на помин души».

Финансы общества складываются из ежемесячных взносов (2 иены), доходов от спектаклей, концертов, выставок, специальных сборов на определенные цели и неизвестных «других доходов».

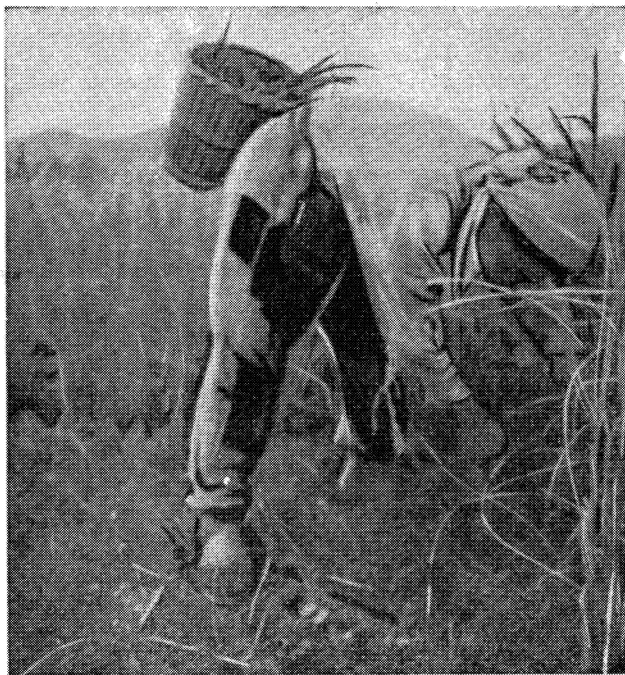
Вся молодежь, живущая в квартале № 3 этого подрайона, объединена «Сесераги». Ее привлекают туда и матчи в бейзбол, которые проводятся на расчищенной самими площадке — пепелище сгоревшего дома, и экскурсии на озеро Хаконэ, к подножью Фудзиямы, и занятия в кружках, и выставка предметов домашнего обихода, сделанных своими руками, и выпуск журнала...

Что же, все это совсем неплохие дела. Но что пишется в журнале, к чему он зовет молодежь? Что пропагандирует «отдел пропаганды», что советуют пожилые «советники», кто они?

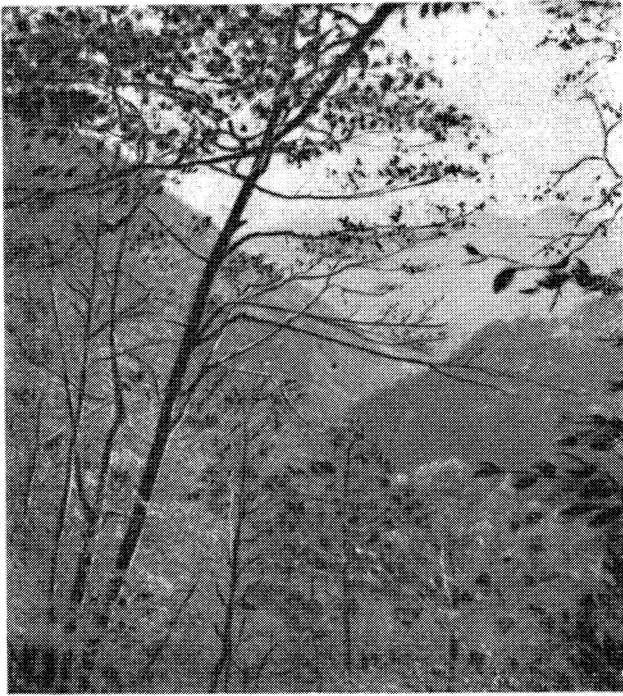
«Мы сейчас находимся в совершенной темноте. — в передовой статье обращается к членам общества заместитель президента, оркестрант Умехара Кендзо. — Но неужели нет света и нет надежды? Неверно, все зависит от состояния нашей души...»

«Война, наверное, по божьей воле, к сожалению, закончилась поражением родины! — восклицает в другой статье президент общества, служащий кинофабрики Имасемидзу Мотодзи. — Прошел уже год в нашей растерянности и отчаянии... Я знаю много случаев, когда молодые люди по слабости характера или по другим причинам стали заниматься делами, не разрешенными моралью и законом...»

Так расцениваются факты. К чему же журнал зовет молодежь?

Жатва риса.

В горах Никко (Центральная Япония).

«Терпите. Подчиняйтесь и, перенося временные невзгоды судьбы (читай — последствия поражения), самоусовершенствуйтесь, копите силы, собирайте их, чтобы потом опять строить традиционную (читай — милитаристскую) Японию...»

По страницам журнала рассыпано также немало поклонов в сторону «демократической Америки, под управлением которой сейчас находится наша страна». Но после столь модной теперь болтовни о демократической революции, которую предстоит совершить, приводятся старые, реакционные мысли: император — глава страны, он думает, а действуем мы, как у человека думает голова, а действуют руки. Автор этой последней статьи — один из «советников» общества, Абе Ёносукэ. Всего в «Сесераги» семь «советников».

Познакомимся поближе с теми из них, что сидят у стены. Первый — Сакэно Куроо — выделен от квартального комитета (административная, правительственная единица) для общего наблюдения и руководства деятельностью общества. Был он членом квартального комитета и в дни войны, призывал тогда всех не щадить живота во славу японского трона. Второй — Мадзуита Такео — приглашен как авторитет по работе среди юношества, шесть лет он руководил буддийской организацией молодежи. Остается сказать, что в дни войны в подрайоне Мукодзима действовала «Молодежная политическая ассоциация помощи трону». На ее развалинах, фактически же на ее базе, и выросло «Сесераги», лирично наименованное обществом молодежи «Журчащая вода».

— Мы стоим вне политики, — после повых поклонов торжественно заверили меня на прощанье «советники», президент и его заместитель. Не случайно опять были пущены в ход эти чрезвычайно модные сейчас в Японии слова.

Может, и не стоило так подробно рассказывать о встречах на берегу Сумиды, но только «Сесераги» вовсе не одиноко. В соседних кварталах существуют чрезвычайно похожие на него объединения молодежи, лишь под другими названиями: скажем, «Цветы сакуры» (японская вишня) или «Лепестки хризантемы».

Не в названиях дело. Более 100 000 молодых людей в Токио входят сейчас в 700 квартальных организаций

молодежи, так называемые «сейнейдан». Они созданы по прямому указанию муниципалитета, им рекомендован примерный устав, их объединяет «созет по связи» при городском управлении. В директиве о создании подобных обществ говорится, между прочим, что нужно избежать «впадения чистой и верной японской молодежи в заблуждения» из-за «наводнения страны демократическими настроениями после окончания войны».

И не только в Токио широко распространены подобные, поддерживаемые правительством реакционные по духу организации и союзы, старающиеся удержать в руках молодежь. В старинном городе Нара намечается всеяпонский конгресс, который должен объединить воедино организации всех префектур.

«Мы вне политики». Этим фиговым листком реакционные «советники» и «консультанты» хотят прикрыть истинную цель групп «сейнейдан». Но сама молодежь современной Японии как раз и не хочет стоять «вне политики». Слишком дорого стоила ей война, слишком многое она уже увидела, гоняла, обдумала. Та японская молодежь, что в первых рядах демонстраций выходит теперь к императорскому дворцу, что свистом и шиканьем встречает кадры кинохроники, посвященные императору, что требует риса, работы, свободы, а вовсе не «впадает в отчаяние и мрак».

И есть уже немало случаев, когда молодые люди, объединенные в «сейнейдан», взрывают изнутри затхлый мирок квартальных организаций, реорганизуют их, прогоняют навязанных им «советников» и «консультантов» из числа «компетентных лиц», берут свою жизнь в свои собственные руки, пробуют действовать по-новому строить ее.

Имя этих людей — японские комсомольцы.

ОНИ ПОВЕДУТ МОЛОДЫХ

В этот день была торжественно приглашена конституция. Император на минуточку показался народу. В этот день отпускали «саке» — рисовую водку, и на улицах балаганчики развлекали толпу.

На одной из окраин Токио, возле наскоро сколоченных подмостков, собрались женщины, дети, мужчины. После укротителя змей выступал рассказчик, смешил людей. Потом лица слушателей посерьезнели — в речи оратора замелькали слова «тенно», «микадо»... Он перешел к вопросу об императоре, очевидно, разъяснял новую конституцию.

Мы миновали балаган, и по скрипячей лестнице поднялись на второй этаж каменного здания. Это не был жилой дом — здесь прежде хозяйничали монархические организации; теперь помещением завладел профсоюз машиностроительного завода акционерного общества Хитаи.

В большой комнате столы составлены кругом. За ними, на стульях, лицом друг к другу сидит десятка три молодых людей — юноши в промасленных рабочих куртках, девушки в вязаных кофточках или блузах. Кое-кто в кино.

Один из присутствующих, очевидно председатель, что-то горячо говорит. Перед каждым на столе — карандаш, бумага. Каждый внимательно слушает его, время от времени схватывает карандаш и покрывает листок быстрыми иероглифами.

То там, то тут, вдруг поднимается рука. «Дозо» (пожалуйста), говорит председатель. Юноша или девушка встает, излагает свое мнение. Возгласами «хантай!» (протестуем) или одобрительными восклицаниями, иногда смехом присутствующие откликаются на возражение. Но вот вопрос решен, все успокаиваются. Председатель переходит к следующим делам.

За окном слышны звуки бубна — наверное, на подмостках сейчас танцует кто-нибудь. Сидящие за столами ничего не замечают. Сосредоточенно сдвинуты брови, зубы нетерпеливо покусывает карандаш...

Мы с вами — на комсомольском собрании ячейки завода Хитаги. Сегодня смогли прийти сюда 28 человек, всего в организации — 34. Повестка дня: «Почему сорвалась забастовка?» Идет речь о том, что в противовес требованиям профсоюза хозяин выставил свои предложения и посулами стал переманивать к себе неустойчивую часть рабочих. Плохо была организована денежная помощь, особенно тому, у кого большое семейство. Комсомольские «бригады действия» слабо вели агитацию среди всей молодежи, всех рабочих, поэтому, между прочим, за время забастовки лишь несколько человек вступило в комсомол. Нечего падать духом — нужно учесть ошибки, сделать вывод на будущее. Борьба не окончена, неизбежна повторная забастовка — рабочие скоро увидят, как хозяин их обманул...

В середине собрания в комнату вошел юноша, одетый в брезентовую куртку солдатского образца, с большой сумкой через плечо. Он достал отсюда пачку свежеепечатанных листовок и положил на стол.

— «Это» — газета районного комитета комсомола, — прочел мой спутник.

Собрание близится к концу. Председатель объявляет, что завтра состоится заседание исполкома профсоюза. Там будет обсуждаться новый коллективный договор, снова будет поставлен вопрос об установлении минимальной заработной платы, об устранении словесной разницы между рабочими и служащими. Комсомольцы записывают самое главное — об этом они расскажут на заводе.

С новой силой взвизгивает бубен под окном. Собрание закончено. Встав со своих мест, упершись в стол кулаками, глядя друг другу в глаза, вполголоса, тихо, но стройно все запевают «Интернационал».

Таков японский комсомол — союз новой, действительно прогрессивной, действительно демократической молодежи страны. Он еще очень молод — ведь только после капитуляции Японии, осенью 1945 года, организаторы трудящихся, коммунисты, вышли из тюрьмы. Все связи были порваны, утеряны. Движение было распято фашиствующей военщиной, все предстояло начинать вновь.

В декабре 1945 года собрался подготовительный комитет по воссозданию комсомола Японии — около 100 человек. В феврале прошлого года в Токио состоялся первый учредительный съезд. 200 делегатов съезда представляли уже 2 300 комсомольцев из тридцати префектур. В эти дни вышли первые номера комсомольской газеты «Сейнен но хата» — «Знамя

молодежи». Тираж ее теперь 15 000 экземпляров, выходит она три раза в месяц.

Съезд обсудил и принял устав союза, план работы газеты, заслушал сообщения о возрождении организаций на местах, наметил пути развития комсомола Японии и избрал его Центральный Комитет.

Позже, в мае и в сентябре прошлого года, на пленумах ЦК был несколько изменен устав и, самое главное, принято решение взять решительный курс на массовую агитационную и культурно-просветительную работу среди широких слоев молодежи.

На этих пленумах раздавались кое-какие голоса о «неподходящих сейчас условиях» для деятельности комсомола, предлагалось даже распустить союз и влиться в какую-нибудь другую организацию, например примкнуть к отделу молодежи социалистической партии — «сякайто». Подобного мнения придерживались представители тех префектур, где наиболее слабо работали комсомольские организации, где их голоса почти не было слышно. Там же, где энергично взялись за дело воссозданные организации комсомола, о нем знала молодежь, число его членов неуклонно росло, и комсомольцы находили пути сотрудничества с другими демократическими организациями: отделами молодежи профессиональных союзов, крестьянских союзов, советом демократической молодежи, тем же отделом молодежи социалистической партии и т. п.

Пленум ЦК решил: только через укрепление комсомола, расширение его связей, усиление его влияния среди широких слоев молодежи можно в будущем прийти к созданию единого союза демократической молодежи, объединить все силы для борьбы с реакцией, с остатками милитаризма и фашизма, для борьбы за действительно свободную и миролюбивую Японию.

* * *

Трудно в кратких заметках достаточно полно и обстоятельно рассказать обо всем, что мы видели и узнали за сто дней пребывания в современной Японии.

Следует еще отметить, что в массе японцев с каждым днем растет интерес к жизни других народов, в том числе и к жизни народов СССР. Повсюду, с кем только ни приходилось вести разговор, — от студентов университета и до простых рабочих, от писателей и до крестьян, — нам задавались десятки, сотни самых разнообразных вопросов о Советском Союзе.

ВЕЛИЧАЙШЕЕ ОЗЕРО СОВЕТСКОЙ АРКТИКИ

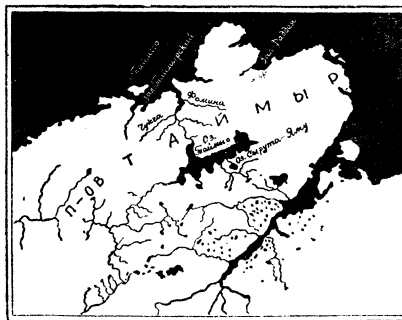
В самой северной части Азии, на Таймырском полуострове, расположено громадное озеро, вытянутое с юго-запада на северо-восток более чем на 200 километров. Это — Таймырское озеро, или Имьра, как его называют тавгийцы, колющие в тундрах Таймыра.

О существовании Таймырского озера было известно уже давно. В 1843 году здесь побывал академик Милдендорф, прошедший на север вдоль западной окраины озера. Восточную часть озера он не посетил, и очертания его изображались на картах приблизительно. В 1928 году озеро изучала Таймырская экспедиция Академии наук СССР, которая и установила истинные его размеры.

Площадь Таймырского озера — около 6 000 квадратных километров. В ряду озер СССР оно занимает по площади следующее место за Онежским. В озеро впадает ряд крупных рек.

Стоком вод озера служит река Нижняя Таймыра, вытекающая из него в Карское море. С первого взгляда эта река производит странное впечатление: она явно меньше крупнейшей из рек,

впадающих в озеро. Куда же девается масса воды, приносимой ею и всеми другими реками? Вопрос решается просто: как и другие реки, вытекающие

из больших озер, Нижняя Таймыра имеет почти постоянные величины стока в течение всего года. Реки же, впадающие в озеро, в начале полярного лета (июнь—июль) несут огромную массу воды, широко разливаясь в своих долинах. Затем уровень их быстро падает, а

в течение всей зимы (от середины сентября до начала июня) приток воды из них совершенно ничтожен; многие из них промерзают до дна. Тогда-то сток через Нижнюю Таймыру и уравновешивает избыток воды, получаемой озером в начале лета.

Глубина Таймырского озера не измерена. Но известно, что у берегов оно очень мелководно. Благодаря этому, а также в связи с неравномерным притоком воды из рек размеры озера значительно меняются в течение года. В середине лета оно заполнено водой до своих обрывистых берегов. В конце июля уровень его начинает понижаться, а в сентябре вдоль берегов обсыхают отмели местами по несколько километров ширины.

Оседлого населения в районе Таймырского озера нет. Летом на берегах его появляются кочевники — тавгийцы. Они приходят сюда в начале июня и остаются не далее конца сентября, занимаясь охотой и рыбным промыслом.

Таймырское озеро очень мало изучено. Вдоль его северных берегов, пожалуй, не проходил еще ни один человек.

Летом 1946 года Таймырское озеро посетила экспедиция Арктического института. Работы экспедиции рассчитаны на несколько лет.

Проф. А. И. Толмачев

Л. ПЛАТОВ

Рис. В. Таубера

Научно-фантастическая киноповесть

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ¹

ЭМБЛЕМА НА ШИТЕ

Таково последнее перевоплощение Маук. Такова разгадка тайны, мучившей Горюнова на протяжении многих лет пребывания на острове.

Сейчас у ног его свалены неуклюжие старинные доспехи: две скомканные кольчуги, стволы пицалей, несколько заржавленных бердышей. Древки, одежда, человеческие кости в жару ущелья превратились в пепел.

Кем же были люди, добравшиеся намного раньше Горюнова до его земли? Когда и как проникли сюда?

Горюнов нагнулся, поднял медную монету, — куча монет рассыпана на земле. По ободку выбита дата — «1682 год». Итак, неизвестные землепроходцы — вернее всего, казаки Сулейского острога — попали на остров в конце XVII столетия, то есть идя почти по пятам онкилонов.

Да, так и должно было быть согласно преданию.

Страшная Птица, известная онкилонам только по описаниям чукчей, изгнав их с Большой земли, догнала беглецов на острове «...в сопровождении мертвых», — было сказано в предании.

Из этого можно было заключить, что казакам, — их было, повидимому, немного, не более десяти человек, — не повезло. Было ли их утлое суденышко раздавлено льдами, и они добирались до видневшейся на горизонте земли пешком, унесло ли их на дрейфующей льдине так же, как Горюнова, — ясно одно: дойти до острова живыми им не удалось.

Горюнову представилось очень ярко, будто он присутствовал при этом и видел все своими глазами:

...Однажды онкилоны, уже обживясь на острове, находят выброшенный на берег корабль или баркас. Мачты его обледенели. Он лежит на боку. Шпангоуты торчат, как ребра какого-то большого морского животного.

Это корабль мертвых. Люди, превратившиеся в ледяные статуи, одеты в странные одежды и странно вооружены.

Но онкилоны почти не смотрят на них. Они охвачены священным трепетом, потому что видят на корабле Маук. Нет сомнений: это та самая Птица, о которой рассказывали пленные чукчи, а покрытые льдом и снегом мертвецы — ее конвой.

В действительности, конечно, это не что иное, как щит, — тот самый круглый щит, который сейчас стоит перед Горюновым, бережно прислоненный к камню. Эмблема российского царизма изображена на нем: двуглавый орел, распластавший хищные крылья, держащий в когтях пучок молний.

Гипотеза, объяснявшая удивительный миф таким образом, доказана.

Отсюда, с появления корабля, начинается удивительный культ онкилонов.

Щит и мертвецов доставляют со всеми подобающими церемониями на дно ущелья. Наверное, вначале там же приносят и жертвы. Потом ущелье — жилище мертвых — и примыкающая к нему часть пещеры объявляются «табу», запретными. Культ делается все сложнее, таинственнее, строже.

Спустя несколько десятков лет, уже, повидимому, во втором или в третьем поколении, три онкилона, охваченные непреодолимым любопытством, нарушают «табу» и проникают на дно ущелья.

В зловещих отвесах пламени, которое выходит из расщелины, предстает перед ними двуглавая Птица, сидящая у подножия скалы. Блеск металла ослепляет смельчаков, повергает ниц.

Предание гласит, что два онкилона умерли в ущелье. Вернулся лишь один из них, который и передал потомству облик Птицы. С первого натуралистического изображения позднейшие художники только снимали копии, упрощая и искажая его.

Как удивительно в этом культе столкнулись две различные эпохи: железный и каменный века.

Для первобытных людей, вытесненных из тундры на лед океана, эмблема царизма стала воплощением всего злого, что окружало и страшило их. Отныне они жили на своем маленьком островке в тени огромного, черного, нависшего над ними крыла. Маук для онкилонов была их судьбой, неумолимой и непонятной.

И отраднo было сознавать, что можно еще исправить эту ошибку.

¹ Окончание. Начало см. «Вокруг света» № 1 и № 2.

В силах Горюнова было по-новому столкнуться на острове железный и каменный века. Ведь то, что он упорно искал много лет и не находил, сейчас было у его ног: железо — целые «залежи» железа!

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ

ПОЕДИНОК

У входа в пещеру сгрудились, шепчутся старики — старейшины племени. Один за другим появляются запылавшиеся гонцы.

- Он разжигает костер.
- Он сделал большой каменный молот.
- Он швырнул в огонь мясо птицы.
- Слушайте!

Слышны удары молота по наковальне — это Горюнов стучится в плотно закрытые двери каменного века, стремясь вырваться наружу.

— Птица Маук не может умереть, — сказал Рау убежденно. — Маук сбросила оперение и улетела. Она вернется.

Старики, сгорбленные, зловещие, растерянно переглядываются.

— Маук вернется, — бормочет один старик.

— Гнев Птицы страшен, — вторит другой.

— Как спастись от гнева Птицы?

Очень долгая пауза. Рау роняет, глядя в сторону:

— Убить Горюна.

Нерхо, сидящий в углу среди своих топоров, луков, костяных гарпунов, поднял голову и снова опустил ее.

Один из стариков, косясь на Нерхо, притворно вздыхает:

— Кому по силам бороться с ним?

Чувствуя на себе взгляды собравшихся, Нерхо медленно сказат:

- Он мой друг.
- Но он нарушил запрет.
- Он подарил нам крылатое копье.

— Но нарушил запрет.

— Он спас Кеюлькана, — слабо возражает Нерхо.

— Он навлек на нас гнев Маук, — резко говорит Рау.

Нерхо опустил голову.

— Кто дороже тебе: сын или племя?

Гонец в дверях:

— Горюнов делает топор из крыльев Маук.

Нерхо решительно поднялся, выбирает из своего арсенала оружие.

— Я готов.

...Пещера, где живет Рау. Из расщелины наверху падает сноп света. Журчит вода, стекая по осклизлым сводам.

На земляном полу старики сосредоточенно перекаладывают чуринги — веретенообразные гальки, помеченные особыми волшебными знаками. Нерхо стоит в стороне, опершись на топор, мрачно наблюдая за церемонией.

Это одна из самых странных особенностей первобытного мышления, — душа человека, по представлению онкилонов, отделена от него и существует самостоятельно. Здесь — святилище племени, тайное тайных, склад душ.

Старики бормочут, перекаладывая чуринги:

— Душа Нерхо... Душа Куа... Душа Нярга... Душа Нуху... Душа Нырши...

Рау замечает пренебрежительно:

— Души обыкновенных людей, онкилонов. Но слушайте, вот тайна, — здесь, в жилище душ, есть душа Горюна.

Старики обернулись к нему. Удивленный Нерхо подступил ближе.

— Ты шутишь, колдун.

— Нет, его душа в моих руках.

Один из стариков недоверчиво смотрит на Рау.

— Где ты взял ее?

— Море выбросило ее на берег. На льду, у самого берега, я увидел это. Оно было, как лед, но круглое. Душа Горюна догнала его, но я нашел ее и спрятал от него. Я стерегу ее ночью и днем. Что он может сделать против меня, если его душа здесь?

Старики расступились. На земле лежит стеклянный шар. Луч света падает на него сверху. Поворачиваемый Рау, шар начинает испускать странное сияние.

Приглушенные возгласы:

— Лед! Белый!

— Какой свет исходит от него.

— Не тает.

Горюнов бьет каменным молотом. Борода его кажется огненной, тень, расклевывающаяся под сводами, — огромный.

В одиночестве колдун кружится, приседает...

— Прозрачен, как вода.

Мерный стук барабана.

Старики раскачиваются в такт, бормоча заклинания. Рау бросает пучок травы в тлеющий костер, кричит приплясывая:

— Пусть его храбрость исчезнет, как дым! Пусть он падет раньше, чем поднимет топор! Пусть его сердце треснет надвое!

Он высоко поднял волшебный шар, с силой бросил паземь, но литое стекло прочно, шар не разбился.

Нерхо попрежнему стоит неподвижно, не сводя глаз с шара, тяжело опираясь на топор.

— Отважный Нерхо встал на тропу мести,—торжественно произносит Рау, распоряжаясь церемонией.— Наденьте на него обувь мстителя.

Нерхо обувают в особые, магические туфли с привязанными к ним перышками, которые будут замечать его следы.

— Он пройдет, не оставляя следов. Духи, оберегающие Горюна, не увидят его.

Рау напутствует Нерхо:

— Убей его сразу. Убей его сразу.

Нерхо обернулся с порога. Сказал гордо:

— Я убиваю, глядя в глаза.

...Закоулочко пещеры, превращенный в кузницу. Блики пламени на стенах. Кеюлькан держит щипцами раскаленное железо. Горюнов бьет каменным молотом. Богота его кажется огненной, тень, раскачивающаяся под сводами,—огромной. Это новый Прометей, похитивший у злых духов их сокровище, чтобы осчастливить людей.

Любопытные сгрудились у входа.

Топор выкован и брошен в лохань с водой. Вода зашипела. Горюнов вынул топор, оттачивает на оселке, попробовал,—хорош! Обвел глазами пещеру. Увидел у входа Нерхо в полном боевом убранстве.

Толпа расступилась.

Они идут навстречу друг другу. У Нерхо в руке каменный топор, у Горюнова—железный. Сошлись. Взглянули друг другу в глаза.

— Вот я сделал топор, Нерхо,—сказал Горюнов.

— Хорошо,—ответил Нерхо.—Значит, ты вооружен.

— Почему ты в боевом уборе, Нерхо?

— Потому, что я пришел сражаться.

— С кем?

— С тобой. Лучше тебе умереть, чем нам всем.

Горюнов понял, постоял в раздумьи.

— Так, Нерхо. У тебя и у меня топоры в руках. Я выбираю место. Там лес. Густая чаща. Пойдем туда и померяемся силой.

Сопровождаемые толпой любопытных, Нерхо и Горюнов вышли к опушке леса, где когда-то опробовали первый лук, сделанный Горюновым.

Горюнов сказал:

— Кто победит, будет властел над жизнью другого.

Из-за спины Нерхо выглянуло гримасничающее лицо Рау:

— Да! Да!

Склон котловины усеян зрителями. Лицом к лесу стоит Горюнов, поодаль Нерхо, за ним ряд отборных воинов с топорами в руках.

Встревоженный Кеюлькан, оценив невыгодное соотношение сил, подошел к Горюнову, стал рядом с ним, воинственно подняв свой каменный топорик.

— Что тебе, Кеюлькан? — обернулся Горюнов. Увидел топорик, усмехнулся.—Я сам...

Рау подал сигнал. Топоры поднялись и опустились. Сверкнуло лезвие горюновского топора.

Шумя ветвями, падают деревья.

Лица зрителей напряжены. Это не только поединок между Нерхо и Горюновым. Это состязание камня и железа.

Верхушки деревьев качаются, как бы раздвигаемые могучим порывом ветра. Падают, образуя просеку. Горюнов ожесточенно рубит.

Разогнул спину, выпрямился, оглянулся. Никого нет. Он один посреди вырубки.

Поляна заполнилась взволнованной толпой.

— Ты победил! Ты!

На опушке леса, где началось состязание, измученный Нерхо и его помощники продолжают махать тупыми каменными топорами. После них лежит несколько деревьев.

Горюнов подошел к Нерхо. Тот стоит, выпрямившись, без страха глядя ему в глаза.

— Ты победил,—коротко говорит Нерхо.—Убей.

Мелькнуло испуганное лицо Рау. Он спрятался за дерево.

Горюнов протянул побежденному противнику железный топор:

— На.

— Твой топор?..

— Я его дарю тебе.

Мне — топор?.. Из крыла Мадк? Но я стану сильнее тебя!..

Горюнов улыбнулся. Нерхо подбросил топор, поймал на лету, захохотал от радости. Оглянулся по сторонам. С силой рубанул по дереву, над которым трудился столько времени попусту. Дерево зашаталось, упало, шумя ветвями. Рау едва успел увернуться и отскочить.

Таков результат этого поединка.

Ведя народ онкилонов на сближение с современностью, оставляя на пути груды тесаного, сколотого и полированного камня, Горюнов, наконец, привел островитян на порог нового века — металлического.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

«ТВОЯ ДУША СПРЯТАНА ЗДЕСЬ»

Сидя на пороге пещеры, Горюнов наблюдает за тем, как шеренга женщин вдали проходит по полю. Они равномерногибаются и разгибаются, будто отвешивая поясной поклон. Над их головами вспыхивает блеск мотыг.

Водяные часы в нише монотонно отсчитывают время.

Да, земля на острове остывает, но, вооруженные железом, онкилоны выжимают из нее теперь больше, чем раньше. Железными топорами врубались в непроходимые до того леса в глубине острова, железными мотыгами стали обрабатывать поля.

Баланс уравновешен. Надолго ли?..

В каждой радостной победе Горюнова неизменно скрыта горечь этого вопроса: «Надолго ли?..» Ни на минуту нельзя забыть о том, что остров — в осаде, что льды год за годом все туже стягивают белую петлю и не в силах Горюнова предотвратить надвигающуюся гибель, — только отсрочить ее.

Рядом с Горюновым опустился на землю Нерхо. Губы его решительно сжаты, брови нахмурены. Оглянулся. Пещера пуста.

— Я хотел предупредить, — проормотал Нерхо. — Остерегайся колдовства, Горюн.

В глубине пещеры из-под медвежьих шкур вынырнула голова Кеюлькана, скрылась.

Нерхо придвинулся к Горюнову, склонился к уху. Кеюлькан лежит, ловя каждое слово.

— Ты подарил мне новый топор, — продолжал Нерхо вполголоса. — Так же щедро я должен отдарить тебя.

Кеюлькан слушает, напряженный, как тетива.

— Твоя душа у Рау, Горюн. Он колдует над ней.

Дрожь начинает бить Кеюлькана.

— Она прозрачна. Это — прозрачный камень. Таких нет на острове. Но если Рау сумеет разбить его, ты умрешь.

Кеюлькан, почти теряя сознание от страха, опустил лицо на раскрытые ладони.

— Он говорит, что высунит твоё тело, но каплям выведет кровь.

Кеюлькан слушает: что же ответит Горюн? Пауза. Потом раздаётся смех Горюнова, негромкий, очень искренний.

Удивительный, непонятный, бесчечно-храбрый человек! Душа его в руках злейшего врага, а он не придал этому значения, засмеялся. Но если так, то обязанность друга — спасти его.

Наступает час сна. Все в пещере, в лабиринте запутанных коридоров, тупичков и закоулков погружается в тишину.

В щель между шкурами виден угол жилища Рау. Странный, круглый, тускло поблескивающий предмет лежит на земле. Колдун ходит взад и вперед, погруженный в задумчивость. Остановился, очертил круг на полу. Положил в центре светящийся предмет.

До Кеюлькана, который окаменел на корточках у входа, донеслись тихие, все нарастающие звуки — рокот бубна. Рау творит заклинания.

Чадающая плюшка бросает двигающиеся ответы на эту сцену. Особенно жутко то, что Рау один. В одиночестве колдун кружится, приседает, жестами и сердитым бормотанием отгоняет кого-то невидимого.

Кеюлькан чувствует, как уже непроизвольно начинают подергиваться его руки и ноги. Вот-вот и он следом за Рау пустится в колдовской пляс. Но, вспомнив, что он пришел за душой Горюна, мальчик заставляет себя остаться неподвижным.

Наконец, утомившись, Рау садится на землю перед таинственным предметом. С бесчисленными предосторожностями он открывает крышку, заглядывает внутрь и вытаскивает оттуда что-то белое, похожее на

Склон готовности усаяи зрителями.

кофу. Что бы это могло быть? Оно испещрено такими же значками, какими Горюн пестрит бивень мамонта.

Рау рассматривает белый предмет, вздыхает. Нет, и на этот раз не помогли заклинания, — он не может разгадать душу Горюна.

В жилище Рау тихо. Кеюлькан чуть отодвигает шкуру, завешивающую вход. Колдун спит, повалившись на охапку листьев.

Кеюлькан вполз в пещеру. Осматривается. Глеют уголья костра в углу. По стенам развешаны маски зверей, рога оленей, крылья птиц, пучки засушенных трав. Жутко!

Мерный храп колдуна.

Кеюлькан лихорадочно роется в куче шкур.

Рау лежит навзничь, разбросав руки. Кеюлькан перешагнул через него.

В углу, среди масок и амулетов что-то матово блестяло. Кеюлькан раскидал маски. Шар! Он схватил его, поднялся. Счастливо улыбается.

Улыбка медленно сползает с лица. Глаза остановились, рот открыт, — Кеюлькан прислушивается: храпа нет, тишина!

Не оглядываясь, Кеюлькан быстро втянул голову в плечи, пригнулся, упал на руки. Кинжал, брошенный Рау, просвистел над головой и впился, дрожа, в стену.

Кеюлькан обернулся. Распрямился, как пружина, прыгнул на колдуна.

Яростная борьба. Рау — сильнее. Кеюлькан — увертливее. Все время при этом он старается держать голову так, чтобы колдун не мог увидеть его лица.

Кеюлькан очутился внизу. Рау старается дотянуться до кинжала. Под Кеюльканом — уголья костра. меховая одежда его тлеет, дымится.

Рау дотянулся до кинжала, торчащего из стены, но, улучив момент, Кеюлькан схватил горсть пепла и бросил в глаза противника.

Рау стоит, качаясь от боли, закрыв лицо ладонями. Кеюлькан схватил волшебный шар. Фигура его мелькнула в дверях, исчезла.

Он мчится через лес. В прорези между листьями призрачно поблескивает шар.

Он переплывает ручей. Пробирается сквозь кустарники. Бережно в вытянутой руке держит драгоценную ношу, будто освещая ею путь.

...Поляна, где в день своего прихода на остров Горюнов впервые увидел охоту на мамонта.

Внимательно, как садовод, совершающий ежедневный обход сада, Горюнов осматривает ветви. Этой весной почки на некоторых деревьях не распустились. Горюнов качает головой.

Взгляд его скользнул вверх ветвей, — вдали холодно, зловеще отсвечивают ледники, спустившиеся почти к самому скату в долину.

Записка дрожит в руках Горюнова...

Хруст валежника, шумное дыхание. Из лесу выбежал Кеюлькан.

Протянул Горюнову шар.

— Смотри, Горюн, — твоя душа.

Горюнов переводит взгляд с Кеюлькана на шар.

— Внутри значки, какими ты пестришь кость. Открой. Твоя душа спрятана здесь.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Г О Н Е Ц

Горюнов берет шар обеими руками, бережно, будто боясь расплескать то, что есть в нем. Всматривается в буквы, выбитые на шаре. Повторяет озадаченно:

— СССР?..

Поворачивает шар. Лучистое мерцание исходит от него. Долина внизу, горы за спиной, — если всмотреться в шар, — предстают сейчас необычными, преображенными.

— Что это?..

Внутри стеклянного шара чернеет капсуль.

— Зачем это?

Кеюлькан недоуменно пожимает плечами.

Непослушными пальцами Горюнов отвинчивает крышку. Вытащил металлический капсуль и вложенную в него записку. Текст на трех языках: русском, английском, норвежском.

Записка дрожит в руках:

«Этот буй спущен на воду сотрудниками гидрометеорологической станции в городе Усть-Порт. Просим нашего сообщать координаты, где поднят буй, что важно для изучения полярных течений и дрейфа льдов. Адрес: СССР, Ленинград, Арктический институт».

Горюнов шепчет, глядя вдаль:

— Ленинград.. Ленин.. град..

Кричит во всю мощь легких:

— Лени-ин!..

Остановился, словно прислушиваясь к чему-то.

— Там — революция! Если город назвали именем Ленина, в России — революция. Понимаешь, Кеюлькан?.. Нет, ты не понимаешь меня, мальчик!

Горюнов сидит на траве в позе мучительного раздумья.

— Революция. Когда же она? Когда была? В шестнадцатом? Мы ушли в шестнадцатом. Могла быть в тот же год, летом, осенью... Или позже?

Кеюлькан смотрит на юг, защищая глаза ладонью от солнца.

— Был мрак, хаос, — говорит Горюнов. — И вот вспыхнуло: Ленин-град. Все осветилось вокруг. Я вижу огромную страну по ту сторону гор, вижу всю, Кеюлькан, сразу всю!

...Просека в лесу заполнена людьми в меховых костюмах: малицы, штаны, торбаса. В центре круга сидят старейшины, за ними стоят воины в парадном убранстве, дальше женщины и дети. Это сход всего племени, призванный разрешать самые важные вопросы.

— Горюн никогда не обманывал нас. Слово его одно.

— Но там Маук. Маук улетела туда. Маук вернулась на Большую землю.

— Маук нет больше, — повторяет Горюнов. — Она мертва. Весть об этом принес светлый шар.

Поднял гидрографический буй высоко над головой.

— Кто же убил ее? — недоверчиво спрашивают из толпы.

— Мои друзья..

— Когда?

— Не знаю.

— Зачем же нам уходить? Здесь хорошо.

— Смерть стережет вас. Вот снег. Сегодня он на горе, завтра будет здесь.

— Как же дойдем по льду?

— Так же, как дошли сюда. Сделаем лодки, нарты. В руках у вас железные топоры.

Все глубже и глубже шест уходит в воду, волны покачивают плот...

— Пусть кто-нибудь пойдет вперед. Пусть узнает, мертва ли Маук? Но кто решится на это?

Горюнов говорит:

— Я. Я приведу помощь.

— Нет, ты должен остаться с нами. Мы боимся: Маук вернется.

Рау, высунувшись из толпы, выкрикивает со злобой готовностью:

— Пусть идет Горюн!

— Нет! Нет! Горюн останется.

Горюнов всматривается в исковерканное мстительной злобой лицо Рау. Любой ценой колдун готов избавиться от человека, отнявшего у него власть. Не сводя с него глаз, Горюнов медленно качает головой. Он переводит взгляд на других онкилонов. Как будто тень крыла снова пала на них: они скорчились, пугливо жмутся друг к другу, испуганы, как дети.

На вытянутых руках женщина протягивает ребенка:

— Не оставляй нас одних, Горюн.

Плечистый воин боязливо смотрит снизу вверх на Горюнова. Бормочет:

— Мы боимся без тебя, Горюн.

Горюнов обескуражен:

— Кто же пойдет?

Молчание.

Горюнов обводит взглядом воинов:

— Ты, Нуху?.. Ты, Куа?.. Ты, Нырша?..

Все прячут глаза. Горюнов с надеждой обращается к Нерхо.

— Друг, ты?

Нерхо поднял опущенную голову.

— Я тоже боюсь Маук, — говорит он, мучительно стыдясь такого ответа.

— Ты великий колдун и могучий воин, — обращается Рау к Горюнову, — ты сделал копье крылатым и отыскал легкий топор. Ты изгнал с острова Маук. — Рау

выдерживает паузу и вдруг заканчивает с лицемерным вздохом: — Но ты не мог убить страх перед Маук.

Гнетущая тишина. Горюнов медленно обводит глазами людей.

Кеюлькан скромно стоит за шеренгой воинов среди детей и женщин. Его лицо взволновано. Порывисто подается вперед. Он не может перенести унижения Горюнова.

Вот раздвинул плечом строй рослых воинов, протиснулся на середину круга.

— Я! — раздался его звонкий мальчишеский голос. — Я пойду!

— Ты не воин еще! — крикнул Рау.

— Ты не дойдешь, Кеюлькан, — мягко говорит Горюнов. — Ты не найдешь Большой земли.

— Я буду идти по солнцу.

— Ты будешь голодать.

— Я возьму еду и нарты.

— Тебе преградят путь полярники.

— Я возьму байдару. Я пойду. Я хочу дойти!

Горюнов обернулся к Рау.

— Ну? Что ты скажешь теперь, колдун?.. Вот онкилон. Он поборол в себе страх перед Маук.

...Один из стариков заканчивает праздничную раскраску тела Кеюлькана. Раскраска подчеркивает выпуклые мышцы, широкие плечи и грудь.

Протяжный звук военного рога.

У входа в пещеру раздаются голоса:

— Дорогу воину! Почет воину!

В волосах Кеюлькана укрепляют перья, на руку навешивают щит, напоминающий крылья. Нерхо привязывает к поясу сына кинжал и торжественно лодает лук. Горюнов надевает на шею Кеюлькана какой-то талисман на шнулке.

Липо Кеюлькана строго, сурово, сосредоточено. Боевым кличем и стуком копий приветствуют его,

юношу, только что прошедшего церемониал посвящения в воины.

На гребне вулкана стоят Горюнов, Нерхо, несколько онкилонов, которые провожают Кеюлькана. Нарты быстро спустились со ската. Вдали — бескрайная белая пустыня.

Ветер взметнул снежную пыль и окутал ею группу провожающих.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ГИБЕЛЬ ОСТРОВА

«Был невидим, пока его скрывала стена тумана». Слово «тумана» не закончено. Резец, которым Горюнов высекал буквы на бивне, вдруг соскочил, провел глубокую борозду.

Горюнов встал, отбросив сидение. Что случилось? Из-под земли несет грозный нарастающий гул.

Выбежал наружу. Долгий, тягучий стон в воздухе, точно гигантский шмель бьется о стекло. Раскидистое дерево перед пещерой качается, как былинка. Люди мечутся в клубах пыли. Словно длинная черная змея, через поляну стремительно проползла трещина.

Раздаются крики:

— Горюн! Где Горюн? Маук трясет землю. Прикажи ей, Горюн.

Далекие снеговые горы будто придвинулись.

Кончено! Льды хлынули в котловину.

...Берег озера. Дождевые капли с тихим шорохом падают на воду. Поверхность озера покрыта мелкой рябью. Нерхо и Рау убирают верши.

— Время уходит, — сказал Рау.

— Да.

Сквозь пелену осеннего дождя видны белеющие вдали языки ледников.

— Что это? Гром?

Эловещий гул под ногами. Рау схватил Нерхо за руку.

— Смотри. Там... лед!

Приближаются, сползая со склона, ледники.

Озеро выгнулось, будто зверь, готовящийся к прыжку. Высокая волна ударила о берег.

Рау и Нерхо бегут по лесу, волна обгоняет их, пенится подле деревьев, разливается мутным потоком. Топот раздается за спиной. Беглецы едва успели сойти с тропы. Мимо, разбрасывая фонтаны брызг, мчится стадо оленей. Свист крыльев, испуганное щебетанье, — над головами пролетает целая туча птиц. Шлепая по воде и ревя от страха, ковыляет медведь.

Со ската сползает огромный ледник, выворачивает деревья, гонит впереди себя целый ливень камней.

Рау и Нерхо бегут по щиколотку в воде.

Лесная просека превратилась в канал, по которому плывут листья, мох, сор, поднятые с земли.

С лихорадочной поспешностью беглецы свалили несколько небольших деревьев, связали поясами, двинулись на плоту, отталкиваясь шестью.

Все глубже и глубже шест уходит в воду. Волны покачивают плот.

На образовавшихся островках жмутся друг к другу звери. Плещет, обгоняя плот, волна.

Приминая деревья, как траву, с гор ползут ледники.

— Конец земли, — бормочет Рау.

— Что ты, Рау?

— Смерть за спиной, Нерхо, смерть.

Рау и Нерхо взбираются по склону к пещере, где укрылись онкилоны. Здесь же ищут убежище уцелевшие звери.

...Багровое солнце повисло над снеговыми горами, освещая затопленную котловину, поваленный лес и льды, вплотную придвинувшиеся к воде. Все очертания необычайно четки сейчас, так как купол тумана исчез над островом, рассеялись теплые испарения.

...Рау греет иззябшие руки у костра. Мрачные, темные своды. Мерцают, затухают уголья.

Нерхо и Горюнов всматриваются в осеннее небо, затянутое тучами. Птицы покидают оледенелый остров,

улетают на Большую землю. С завязью следит Нерхо за полетом птиц.

— Месь Маук, — шопотом говорит Рау.

Поднял голову, в упор взглянул на Горюнова:

— Месь Маук тебе. Ты погубил нас всех, нашу землю, наших детей.

Покосился на неподвижного Нерхо:

— И Кеюлькана ты погубил. Где Кеюлькан, который поверил тебе?

Из глубины пещеры доносится монотонный погребальный плач.

...Сумерки. Неподвижные фигуры онкилонов у затухающего костра. Невидящими глазами они смотрят на Горюнова, который сидит у входа.

Рау говорит, и даже злобы нет в его угасшем, лишенном интонации голосе:

— Маук победила тебя, Горюн. Маук победила нас всех. Мы пойманы, обречены, мертвы. Ты верил в свое колдовство, — оно не спасло нас. Маук сильнее тебя, Горюн.

Группы людей, оцепеневших в отчаянии, почти сливаются с серыми стенами пещеры. Оцепенение это перейдет потом в сон, мертвый сон в смерть, и пещера станет их каменной гробницей.

Горюнов не отвечает Рау, смотрит непрерывно туда, где зашло солнце, где еще теплится на горизонте «край дня» — узкая светлая полоска.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

«КТО ТЫ, МАЛЬЧИК?»

На стене каюты раскачивается портрет молодого человека в студенческой тужурке. Лампа под абажуром, наглухо прикрепленная к столу, позвякивает стеклянными подвесками. Две головы склонились над прокладкой пути. Это начальник гидрографической экспедиции и капитан ледокола «Федор Горюнов», которых мы видели в прологе.

— Осталось совсем немного, — говорит начальник экспедиции, выпрямляясь. — Последние гидрографические станции.

— Надо успеть до темноты.

— Зависит ото льда. Как разводья?..

Распахнулась дверь, и клубы холодного воздуха ворвались в каюту.

— Вернулся летчик! — крикнули с порога.

Капитан с шумом отодвинул кожаное кресло.

— Ну?..

Капитан и начальник экспедиции с напряжением смотрят на дверь.

Входит молодой пилот, держа на руках бесчувственное тело Кеюлькана. Каюта заполнилась участниками экспедиции.

Взволнованно переговариваются:

— Где нашли его?

— Совсем мальчик.

— Как попал на лед?

— Жив он?

Бережно поддерживая Кеюлькана, лежащего на койке, врач поит его из фляжки.

— Полное истощение сил, — бросает врач начальнику экспедиции.

Голова Кеюлькана — глаза закрыты попрежнему — бессильно упала на подушку.

— Спит, — произнес кто-то удивленно.

Все на цыпочках выходят.

Коридор перед дверью каюты. Взад и вперед шагает летчик, оберегая сон спасенного им человека.

То и дело в иллюминатор засматривают чьи-нибудь любопытные глаза.

— Спит?

Летчик кивает со строгим лицом, предостерегающе поднимая палец.

— Еще спит?.. О!..

Палуба. Прозрачные полярные сумерки. Два матроса разматывают бухту троса. Мимо пробегает третий матрос. Они прерывают работу, чтобы спросить,

— Ну, как?

Кеюлькан вытащил капсулю, привешенный на шнурке, вставил в один из пустых бубев и торжественно подал пилоту.

— Спит еще.

Доктор проходит через каюту гидробиологов, где те разглядывают в микроскоп свой сегодняшний улов. Все провожают доктора взглядом.

— Как ваш пациент, доктор?

— Спит.

Коридор перед дверью каюты. Летчик прислушался, осторожно приоткрыл дверь, заглянул внутрь.

Каюта снова заполнилась людьми.

Кеюлькан не шевелится. Тем больший контраст с его неподвижным вытанутым телом составляют широко открытые глаза, живые, темные, блестящие.

Начальник экспедиции присел на край постели, спросил ласково:

— Кто ты, мальчик? Эвенк? Эскимос?

Повторил тот же вопрос по-эвенкийски, по-эскимосски.

Кеюлькан молчит, переводя испытующий взгляд с одного лица на другое.

Капитан наклонился над подушкой:

— Как ты попал туда? Так далеко от земли?

Кеюлькан продолжает молчать.

Летчик наклоняется с другой стороны подушки:

— Скажи же хоть что-нибудь? Куда ты шел?

Кеюлькан посмотрел на него, после паузы сказал, неуверенно выговаривая трудное слово:

— Ленинград.

Зрители взволнованы.

— Ленинград? Он сказал: Ленинград?

Но глаза Кеюлькана округлились от удивления. Все смотрят по направлению его взгляда. Вдоль стены лежат пустые гидрографические бун.

Кеюлькан проворно прыгнул с койки, подбежал к стене. Сев на корточки, с лихорадочной поспешностью осматривает бун один за другим. Капсюли пусты.

Кеюлькан испуганно оглянулся. Шарит за пазухой. Лицо прояснилось. Вытащил капсулю, привешенный на шнурке, вставил в один из пустых бубев и торжественно

подал пилоту. Тот, недоумевая, передал капитану. Тот, в свою очередь, — начальнику экспедиции, а он уже, при благоговейном молчании присутствующих, вытащил из капсулы записку.

Это известная записка на трех языках с просьбой адресовать ответ о координатах в Ленинград, в Арктический институт. Начальник экспедиции перевернул ее. На обороте нацарапано:

«К северо-северо-востоку от мыса Иркапий в океане народ онкилонов терпит бедствие. Если не пришлете корабль до зимы, мы погибли».

Начальник обернулся к Кеюлькану:

— Кто писал это?

— Горюн.

— Кто? Как ты сказал?

— Горюн.

— Мальчик, ты видел его? Какой он? Опиши, какой он.

Кеюлькан выпрямился. Осанка сразу стала величавой, голос окреп.

— Такого роста.

Все недоверчиво проследили взмах руки Кеюлькана.

— Такие глаза. — Кеюлькан вытаращил глаза и обвел вокруг руками. — Плечом сдвигает горы.

Кеюлькан говорит протяжно и коверкая русские слова, но это придает его речи особую, медлительную торжественность. Это не просто ответ, это эпическое повествование о необыкновенном человеке, могучем и добром чародее.

— Звери слушаются его и деревья рассказывают ему о прошлом.

Пилот и капитан удивленно переглядываются.

— Сильнее всех. Сильнее Маук. Стоит ему протянуть руку, — и Птица роняет с неба крыло, и он делает из него копье.

Начальник переводит взгляд с Кеюлькана на расквашивающийся портрет на стене. Там изображен молодой человек в косоворотке, в расстегнутой студенческой ту-

журке. Худое, очень доброе лицо. Усталые светлые глаза под высоким лбом.

— Мальчик рассказывает сказки. Горюнов был человеком обыкновенного роста. Таким, как вы, как я..

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

СОЛНЦЕ ВОСХОДИТ НОЧЬЮ

Падают крупные хлопья снега. Горюнов сидит на камне. Он безучастен ко всему окружающему. Снег ложится на его плечи, нависает на бровях.

Опершись подбородком на руку, Горюнов смотрит вдаль, слегка сощурился, как бы оцепенев в своем раздумьи.

За спиной его появляется Нерхо и тихо садится рядом.

Снег перестал.

Глубокое ночное небо выгнулось над долиной. Нерхо и Горюнов неподвижны попрежнему. И вот странный свет начинает струиться с неба. Над островерхими соснами и зубчатым гребнем гор в тишине разливается сияющий занавес. Складки его переливаются, темнеют, точно их шевелит ветер.

Голова Нерхо запрокинута. Горюнов не поднимает головы.

Сияние потухло. Снова темно. И вдруг какие-то пятна пробежали по небу, скрылись. Появились опять.

Нерхо сильно трясет Горюнова за плечо.

— Горюн, что это? Смотри.

— Что тебе, Нерхо?

Поднял голову. Дрожащий луч скользнул через весь небосвод. Исчез за гребнем горы.

Горюнов бежит по склону вверх, спотыкаясь о льдины, продираясь через бурелом, проваливаясь в снегу. Нерхо спешит за ним.

Они на гребне кратера.

Во мраке полярной ночи снова вспыхнул далекий свет. Где-то там, на горизонте, за льдами. На миг луч осветил оцепеневших Горюнова и Нерхо, быстро уполз в сторону.

Нерхо кричит:

— Нсвое солнце восходит, Горюн!

— Прожектор!

У входа в пещеру еще тлеет костер. Горюнов кричит Нерхо:

— Буди людей! Там помощь, друзья!

Увидел затухающие уголья костра. Бросился раздувать. С отчаянием:

— Нет, мало. Не увидеть такой.. Горы со всех сторон.. Всю б котловину поджечь, тогда..

Нерхо остановился, держа в руках вязанку хвороста, бросил ее, широко развел руками.

— Что ж, Горюн? Вот лес. Жги.

Лихорадочно обламывают сухие ветви. Подтаскивают к деревьям вязанки хвороста.

— Так, Нерхо, так. Пусть весь остров пылает.

Лес запылал на корню. Подле пламени суетятся Горюнов и Нерхо. Застучали вразнобой два топора. Ветви летят в небывало грандиозный костер.

Все осветилось вокруг. Онкилоны, лежащие в пещере, очнулись от сна. Под сводами ходят длинные тени и отблески пламени. Один за другим выползают люди из своего логова, щурятся на огонь, греют руки. Они не понимают, что случилось.

— Зачем ты зажег лес, Горюн? — жалобно спрашивает Рау. — Чтобы нам согреться перед смертью?

Горюнов продолжает швырять в огонь хворост:

— Чтобы нам жить!

Пламя перебрасывается по верхушкам. Высокие ели горят, как факелы. Занялись и те деревья, которые были полузатоплены водой. Едкий дым режет глаза. Стало трудно дышать.

Со всем своим скарбом люди уходят вслед за Горюновым вверх по склону.

С гребня видно огненное нутро котловины. Кажется, будто вулкан снова ожил и забурился лавой.

...Огромное зарево поднялось над оледенелым островом.

...Палуба ледокола. Он форсирует тяжелые льды. Луч прожектора раздвигает тьму впереди. Люди на палубе не отрывают от глаз биноклей. Рядом с начальником экспедиции стоит взволнованный Кеюлькан.

Капитан докладывает начальнику:

— Лед все плотнее, Михаил Николаевич.

Слышны скрежет, грохот, скрип. Корпус ледокола сотрясается от страшных ударов. Лицо начальника экспедиции озабочено. Кеюлькан с тревогой переводит взгляд с начальника на капитана.

Вдруг сигнальщик крикнул сверху:

— Слева по борту свет!

Совсем не там, куда они смотрели, виден мигающий огонек. Один, этот одинокий огонек мерцает во всем бескрайнем океане.

— Что это?

И ликующий возглас Кеюлькана:

— Горюн зажег костер!

Скрежет и грохот льдин. Ледокол яростно пробивается вперед.

Моряки рвут аммоналом лед. Вспышки взрывов. Испуганное лицо Кеюлькана то исчезает, то возникает в отсветах взрывов.

Мерцает вдали, затухая, костер. Круто поднявшаяся палуба закрыла далекий сигнал бедствия.

Лицо капитана очень утомлено. Всякие усы покрыты изморозью. Склонился к летчику.

— А ведь, кажется, рукой подать..

Летчик также утомлен, сердит:

— Чортов маслопровод.. Давно б туда слетал.

Палуба опустилась. Костер почти потух. Довольно явственно виден купол острова. По краям перебегают слабые отблески, причудливая огненная бахрома. Мрак придвинулся со всех сторон.

Капитан приказал:

— Включить прожектора!

Засуетились люди у прожекторов.

Стремительный луч рассек воздух, в котором кружатся миллиарды снежинок, и уперся в оледенелый скат острова.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

ДРУЗЬЯ ГОРЮНА

Берег приближается с такой быстротой, точно мы летим к нему по лучу прожектора. По скату спускаются онкилоны, вступили на береговой лед, неподвижное ледяное поле.

Впереди идет Горюнов. Волосы его и борода развеваются по ветру. Рядом шагает Нерхо, гордо выпрямившись, опираясь на копые.

Это великий исход. Мужчины несут на плечах мотыги, шкуры, топоры. Женщины тащат за руки детей. Большим помогают итти, поддерживая их за плечи.

Мелькнула согбенная фигура Рау. Он подслеповато мигает, щурится на свет.

Происходящее представляется онкилонам началом нового удивительного волшебства. Они теснятся поближе к Горюнову. Если кто-нибудь, оступившись, шагнет за пределы освещенного пространства, то с испуганным криком торопится выйти поскорее из тьмы, — там страшно, там подстерегают злые духи.

По трапу с ледокола сбегают на лед Кеюлькан, начальник экспедиции, пилот и другие, спешат навстречу шествию. Два людских потока встретились и смешались.

Палуба ледокола. Онкилоны, моряки, сотрудники экспедиции составляют сейчас одну шумную, пеструю толпу.

...Горюнов и начальник экспедиции стоят рядом на палубе.

— И вы не надеялись, — почтительно спрашивает начальник, — что остров увидят с какого-нибудь корабля?

— Почти не надеялся. Ведь он окружен был туманами, как стеной. Результат теплых испарений, понимаете? Очень редко туман раздвигался. И то на мгновение. Но шапка-невидимка свалилась с острова тотчас же, как только льды заполнили котловину. Мертвый, оледенелый, он будет виден теперь издали.

Это великий исход. Мужчины несут на плечах мотыги, шкуры, топоры, Женщины тащат за руки детей.

...Кеюлькан и два робеющих онкилона вошли, осторожно ступая, в каюту капитана.

Кеюлькан подвел соплеменников к стене, где висят ружья.

— Гром, — сказал он значительно.

Онкилоны закивали головами, зашептались, боязливо косясь на стену.

Кеюлькан зажег и потушил настольную лампу, гордая своей образованностью.

— Горит без дров, — объяснил он.

Один из онкилонов обвел рукой каюту, спросил почтительным шопотом:

— Большой колдун?

— Друг Горюна, — сказал Кеюлькан.

— А... — понимающе кивнул онкилон и успокоенно сел в широкое кожаное кресло.

Ледокол удаляется от острова. Луч прожектора медленно сползает со ската.

Опершись на леер, Горюнов долгим взглядом провожает свой остров. Начальник экспедиции заканчивает рассказ:

— А в следующем году была революция...

— В следующем? На другой год после экспедиции?

— Да.

Громада купола сливается с темным фоном, расплывается в снежном тумане.

Да полно, было ли все это с ним?.. Не причудился ли Горюнову удивительный теплый остров? Зеленели ли леса на внутренних склонах? Поднимались ли серебристые фонтаны гейзеров? И блуждал ли он когда-нибудь с факелом в руке в подземном лабиринте, высматривая на стенах изображение загадочной Птицы, вытаясь постигнуть ее тайну?..

Но неподалеку на палубе лежат мотыги, топоры, утварь онкилонов. Донесся откуда-то бодрый голос Кеюлькана.

Горюнов вдруг засмеялся.

Начальник экспедиции спросил удивленно:

— Что вы?

— Я вспомнил Птицу Маук.

— Не понимаю. Что за Маук?

Горюнов пошарил за поясом, вытащил оттуда и подал на ладони истертую, зазубренную по краям монету, — одну из тех, что лежали на дне ущелья подле щита, пицалей и бердышей.

— Старинная гривна, — недоумевающе сказал начальник экспедиции.

— А на обороте?

— Двуглавый орел.

— Онкилоны называли его иначе — Маук. Когда-нибудь я расскажу вам подробнее об этом. А может быть, если смогу, то напишу об этом и книгу..

ЭПИЛОГ

Из репродуктора на стене доносится взволнованный голос диктора:

«...найден в глубине Арктики гидрографической экспедицией на ледоколе «Федор Горюнов». Сам Горюнов провел среди этого первобытного народа много лет. В научных кругах с нетерпением ждут его сообщения об удивительном исчезнувшем мире. Считают, что будет пролит свет на многое, оставшееся до сих пор белым пятном в этнографии...»

...А тем временем ледокол «Федор Горюнов» подвигается все ближе к берегам Большой земли. Проекторы раздвигают снежный туман. И вот уже скалистые берега возникают впереди.

Просторный рейд, где стоит много кораблей. Сверкающая звездная россыпь огней на склоне. Это заполярный город — порт.

В кубрике команды, окруженный очарованными онкилонами, бравый гармонист растягивает на полный вздох мехи гармоники. Нарастают звуки песни «Нелюдимо наше море»:

Там, за далью непогоды,

Есть блаженная страна...

Вот она, эта блаженная страна — перед нами!

Онкилоны столпились у того борта, которым ледокол подходит к причалу. Лицо Кеюлькана восторженно.

По мокрому, сверкающему в свете фонарей причалу бегут портовые рабочие, готовясь принять концы. Капитан, свесившись с мостика, кричит в мегафон:

— Эй, на причале!..

Ледокол «Федор Горюнов» пришвартовывается к берегу. Закончился его очередной арктический рейс.

Конец

СТО ЛЕТ спустя

Д. АРМАНД

«Стрела» мягко остановилась у перрона Московского вокзала. Мы — группа делегатов — вышли из вагона и принялись обсуждать, как добраться до Демидова переулка, где помещается Географическое общество. Но не успели мы обратиться с вопросом к кому-либо из ленинградцев, как услышали гулкий голос громкоговорителя: «Делегаты географического съезда, проходите в зал около ресторана!» Навстречу уже бежали юноши и девушки с голубыми и красными повязками на руках и спрашивали всех прибывших: «Географ или нейрохирург?» и разделяли: географов — к голубым, нейрохирургов — к красным. Специальные автобусы быстро доставляли делегатов в гостиницы. В Ленинграде в эти дни происходило одновременно два съезда: ученых-географов и врачей-нейрохирургов.

Вечером 25 января в зале Ленинградской филармонии состоялось открытие Второго всесоюзного географического съезда. Это был торжественный праздник советских географов, собравшихся в городе Ленина спустя сто лет после создания по инициативе группы выдающихся ученых и мореплавателей Русского географического общества.

После вступительной речи президента общества, Льва Семеновича Берга, начинается чтение приветствий. Их множество: от прези-

диума Академии наук и лично от ее президента С. И. Вавилова, от Ленинградского городского исполнительного комитета, от правительств союзных республик, от военных и морских академий и управлений, от бесчисленных научных обществ, от Ученого комитета Монгольской Народной республики, от университетов, институтов, обсерваторий... Всеобщее оживление вызывает адрес востоковедов, написанный золотыми буквами на китайском, монгольском, маньчжурском, санскритском и арабском языках.

Внезапно раздаются звуки марша. Через центральный проход зала, четко отбивая шаг, входит отряд курсантов Военно-морского училища имени Фрунзе. Майор, возглавляющий делегацию моряков, зачитывая приветствие, напоминает, что училище существует 240 лет. Из его рядов вышли десятки крупнейших исследователей моря: от легендарных мореплавателей — Малыгина, Челюскина, Лаптевых — до современных ученых-океанографов: Шокальского, Матусевича и многих других.

Вторично оркестр исполняет марш. Не уступая в выправке взрослым морякам и подобно им, в черных мундирчиках и белых перчатках, через зал проходят малюшка меньше ученики Нахимовского военно-морского училища. Они выстраиваются перед трибуной, и самый маленький браво козыряет

председателю, вице-президенту Академии наук Л. А. Орбели:

— Товарищ генерал-полковник, разрешите зачитать приветствие!

Орбели с трудом прячет в усы улыбку:

— Прошу.

Мальчик взбирается на кафедру и, не смущаясь тем, что из-за нее едва лишь виден его нос, начинает говорить:

— Мы, самые юные моряки, пришли, чтобы приветствовать съезд Всесоюзного географического общества. Значение общества нам понятно, так как мы сами изучаем географию и любим ее. Особенно мы любим читать про Миклухо-Маклая и Пржевальского. Мы хотим им подражать, когда кончим образование. Мы придем тогда к вам, чтобы вы научили нас использовать наши знания.

У некоторых старых ученых глаза становятся подозрительно блестящими, а академик Берг выбегает из-за стола и принимается целовать тщетно пытающегося откозырять малыша.

После нахимовцев приветствует съезд делегация пионеров, членов Юношеского географического общества.

Официальная часть закончена.

В перерыве зал и фойе филармонии жужжат, как потревоженный улей. Сколько встреч! Седовласые товарищи по университету, занесен-

ные своей беспокойной профессией на противоположные концы страны, впервые встретившись, захлебываются от нетерпения рассказать и узнать о пережитом и передуманном. Участники трудных и опасных экспедиций наперебой кричат: «А помнишь?..» И все обмениваются впечатлениями от съезда, все настроены празднично и немножко восторженно.

На следующее утро начинается деловая работа съезда.

Когда я вхожу в подъезд Географического общества, меня сразу охватывает дух романтизма великих открытий, дух вековых традиций разума и мужества передовых русских ученых, приносивших сюда плоды своих трудов и свою любовь к родному народу.

В вестибюле, в нише, на белом постаменте, окруженная зеленью мирт, — юбилейная эмблема: глобус среди дубовых ветвей, обвитых лентами. Над ним развернутый свиток с буквами «ВГО» и датами: «1845—1945». Вдоль плавногибающейся лестницы, покрытой мягким ковром, висят портреты русских и иностранных географов. Ряд их тянется до третьего этажа: Гумбольдт, Мурчисон, Лазарев, Норденшельд, Миддендорф, Стэнли, Нансен, Анучин, Амундсен, Ламанский, Грум-Гржимайло, Потанин Тилло, Карпинский, Перфильев, Книпович, Берг...

Зал поражает благородством архитектурных форм и ослепительной белизной. Только помост президиума утопает в зелени: зеленое сукно на столе, над ним свисают ветви пальм, у подножия — шпалера живых растений.

На втором этаже здания — мозг Географического общества, его пользующая широкой известностью библиотека. Маленький двухсветный зал окружен поверху ажурной железной галлереей. И внизу и наверху во все стороны расходятся коридоры и полки книгохранилищ — два километра полок, на которых расставлено 200 тысяч томов, зачастую — редчайших изданий.

Убранство скопировано с библиотеки старого здания общества, в котором оно помещалось с 1862 по 1909 год. На стенах щиты с костяным и деревянным оружием и украшениями, собранными Ф. П. Литке на Алеутских и Каролинских островах. Посетители с опаской поглядывают на смертоносные томагавки и остроги, унизанные зубцами из рыбьих костей, и дивятся мощи полинезийских младенцев, способных играть килограммовой погремушкой из десятков раковин. У входа — рельефный глобус почти в рост человека, сделанный сто лет назад нижегородским учителем Ивановым. Автор, очевидно энтузиаст высокогорных ландшафтов,

Библиотека в старом помещении Географического общества у Чернышевского моста.

желая внести и свою лепту в украшение лика Земли, обильно покрыл ледниками Урал и Карпаты. На стенах и столах — модели рельефа, картины, портреты. В конце зала портрет П. П. Семенова-Тянь-Шанского, 65 лет проработавшего в обществе, в том числе 41 год в качестве его председателя. «В представлении нашем, старых членов общества, Географическое общество и Петр Петрович — понятия нераздельные и неразделимые; это почти что синонимы», пишет Л. С. Берг в своей книге «Сто лет Всесоюзного географического общества».

Напротив портрета Семенова — величественная панорама Тянь-Шаня работы его исследователя Мерцбахера. По краям зала массивные ларцы со стеклянными стенками, битком набитые атласами всех времен и на всех языках. На одном из ларцев, под стеклянным колпаком китайской работы модель корабля, по преданию впервые поплавшего по Янцзы, — подарок П. К. Козлова. Нос корабля — голова дракона с красной лентой на рогах, с тремя глазами из жемчужин и усами из пушистых шариков на длинных пружинках. Под парадными зонгами и косыми знаменами вдоль бортов выстроились усатые китайские вельможи.

В середине зала — старинный овальный стол. За ним уже работают делегаты, спешащие использовать кратковременное пребывание в Ленинграде для ознакомления с редкой литературой. Рядом выставка изданий общества, книжных новинок, советских и иностранных журналов.

Заседание съезда началось с доклада академика Обручева «Вклад русских ученых в исследование Цент-

ральной Азии». Владимир Афанасьевич Обручев — свидетель и участник великих экспедиций прошлого века, современник Пржевальского и сотрудник Потанина. За его плечами 84 года, но он еще не думает об отдыхе. Только недавно он получил Сталинскую премию и орден Ленина за свой полезный капитальный труд «Геология Сибири». Владимир Афанасьевич не смог приехать на съезд и поручил прочесть свой доклад академику Д. В. Наливкину.

Знакомство русских с Центральной Азией началось еще при царе Алексее Михайловиче. В 1654 и 1658 годах ее пересекли русские послы в Пекин Байков и Перфильев. Потом сведения стали поступать от ездивших в Китай монахов. Но только в третьей четверти XIX века двинулись в Центральную Азию ученые. Одним из первых, под видом торговца, проник в Большой Хинган П. А. Кропоткин.

Затем экспедиции пошли одна за другой.

Перечисляя главнейших исследователей и их маршруты, В. А. Обручев кратко характеризует то новое, что внес каждый из них в наши знания и представления о Центральной Азии. Он доводит повествование до наших дней, рассказывает о монголо-тибетской экспедиции П. К. Козлова, о работах ряда русских ученых в Монгольской Народной республике.

Обручев отдает должное исследованиям иностранных ученых, особенно самих китайцев, создавших в последнее десятилетие неплохую геологическую службу, но приходит к выводу, что «вклад русских в исследование Центральной Азии превышает вклад всех остальных народов в совокупности». Он кончает призывом не ослаблять это дело еще в течение многих десятилетий.

Член-корреспондент Академии наук Владимир Юльевич Визе привлек внимание съезда ко второму излюбленному полю русского исследовательского гения — Арктике. Визе рассказал о недавно ставшем известным плавании московского гостя Луки вниз по Енисею в Ледовитый океан. В задачи этого плавания были включены наблюдения над природой, что позволяет считать его первой географической экспедицией в Арктику. Русские промышленники, как доказано недавними находками отряда Главсевморпути, огибали по морю мыс Челюскин более трехсот лет назад, в то время как до сих пор все считали, что Норденшельд был первым человеком, которому удалось это сделать.

Велика роль, которую сыграли в изучении Арктики выдающиеся русские люди: Петр I, Ломоносов и

адмирал Макаров. Но только при советской власти освоение Арктики приобретает подлинно революционный размах. Владимир Ильич Ленин еще в разгар гражданской войны задумал план Второй великой северной экспедиции и подписал декрет об организации Арктического института.

Технической предпосылкой великой эпохи советского освоения Арктики, позволившей не только приступить к глубокому изучению полярных районов, но и поставить их на службу народному хозяйству, явилось применение для научных целей ледоколов, самолетов и радио. Начало этой эпохи было положено плаванием «Красина» в 1928 году.

За годы советской власти в десятки и сотни раз выросло число полярных станций, метеостанций, гидрологических станций, точек измерения магнитного поля Земли, силы тяжести и силы солнечного сияния.

Труды дрейфующей станции «Северный полюс», выполненные участником съезда и председателем московского филиала общества И. Д. Папаниным и его спутниками, а также дрейф «Седова» составили эпоху в наших представлениях о Центральном арктическом бассейне. Однако прошло не много лет, и развитие техники позволило выдвинуть метод, еще более совершенный, чем метод дрейфа. Это метод экспедиции, кочующей со льдины на льдину на специально оборудованном самолете. Преимущество его — свободный выбор станций, которого лишен дрейфующий корабль или лагерь, и производство наблюдений в сжатые сроки, позволяющие составить почти одновременную картину состояния льдов и погоды в обширном районе. За этим методом — будущее.

— Прав был Ломоносов, — заканчивает свой доклад В. Ю. Визе, — когда сказал: «Северный океан есть пространное поле, где усугубиться может Российская слава, соединенная с беспримерною пользою».

С особой теплотой встретил съезд старейшего русского геоморфолога и геолога Якова Самойловича Эдельштейна. Яков Самойлович был избран в члены Геогра-

фического общества 47 лет назад. Многие современные профессора и доктора наук гордятся тем, что могут назвать себя его учениками. С. Я. Эдельштейн совершил многочисленные походы по самым труднодоступным районам Восточной Сибири, Маньчжурии и Средней Азии, а в последние годы занимался изучением Урала.

Темой его доклада были «Успехи физической географии за советское время».

— Нам, представителям старшего поколения, — начал Яков Самойлович, — достижения этих лет представляются поразительными. Но они не случайны. В 1918 году я выступал в Большом Совнарком с защитой плана геологических работ. Сумма необходимых расходов смутила многих присутствующих. Но председательствовавший Владимир Ильич Ленин сказал: «На это дело, товарищи, нельзя жалеть средств». И необходимые суммы были отпущены.

Здание Географического общества в Демидовом переулке.

Я. С. Эдельштейн рассказал, как в то время географам еще приходилось нередко работать вслепую. Хорошие карты существовали только для западных пограничных областей. А теперь работа ГУГКа, отмеченная большой золотой медалью Географического общества, и еще более подробные съемки позволяют видеть, как на ладони, всю огромную территорию страны. Это стало возможным благодаря энтузиазму советских картографов и применению аэрофотосъемки, в корне перестроившей работу.

Но карта — документ бесстрастный. Современный географ стремится заставить ее говорить живым языком. Этот живой язык — геоморфология. Она раскрывает характер земной поверхности и ее происхождение. Уже составлены крупномасштабные геоморфологические карты многих областей Союза.

Историю развития больших частей суши нельзя понять без знания ее внутреннего строения. Поэтому физическая география тесно связана с геологией. Сейчас создается многолистная геологическая карта, на которой показан не только возраст и строение пород, но и характер рельефа, грунты, выходы воды и полезные ископаемые. Кроме того, печатается геологическое описание Союза в 27 объемистых томах. Ни в одной стране не существует еще таких работ.

Много нового сделано в области гляциологии (науки о ледниках). В прошлом году в верховьях Индигирки открыта целая горная страна, покрытая ледниками. Мы заключили союз с альпинистами, которые обещали нам стереть последние белые пятна с карт высокогорных районов.

Сейчас идет полная ломка старых представлений о вулканах. В связи с этим надо отметить, что из трех вулканологических станций, имеющих сейчас во всем мире, одна находится у нас на Камчатке.

Обрисовав успехи гидрологии, климатологии и других отраслей физической географии, Яков Самойлович перешел к вопросам теории.

— Между нашими ведущими учеными, — сказал он, — существуют некоторые расхождения. Это отрадно, так как «из столкновения мнений рождается истина».

Под влиянием дружеской критики творцы теорий будут вносить в них изменения, улучшения. Это неизбежная судьба всякого исследования.

— Мы живем в стране, где природа дает нам исключительное разнообразие ярчайших картин. Изучение их — не только научное дело, но и художественное наслаждение. Чем больше мы будем познавать нашу природу, тем больше будет расти наша любовь к родине.

По вечерам шли заседания секций и подсекций. Их было так много, что не удалось найти помещения, в котором они могли бы разместиться все сразу. Поэтому часть их заседала в Географическом обществе, часть — в здании Академии наук, часть — в Ленинградском университете.

Бесполезно, конечно, пытаться хотя бы вкратце рассказать содержание всех докладов. Но, может быть, читатель получит некоторое представление о размахе, разнообразии и перспективах советской географии, если я перечислю темы наиболее интересных докладов.

В подсекции общей физической географии говорили о делении земной поверхности на ландшафты, о современных ледниках и о растаивающих материковых покровах ледникового периода, об изучении свойств снега и влиянии его на природу, о бедствиях, причиняемых лавинами, и борьбе с ними. Были доклады о Закарпатской Украине, о Монголии, о восхождении альпинистов на высоты Памира, Тянь-Шаня, о том, существовала ли Земля Санникова, о роли авиации для географии.

В геоморфологической подсекции говорили о законах развития рельефа, о попытках изучения этих законов с помощью моделей, об изучении климатов прошлого по пыльце растений, о происхождении Кавказских гор, о рельефе Западной Сибири. С интересом были прослушаны доклады об изучении потоков далекого прошлого по расположению гальки, об изучении пустынь с самолета и дна моря с помощью водолазной техники.

Климатологи разбирали вопросы о расположении теплых и холодных фронтов в атмосфере, об издании климатического атласа, о зависимости погоды от колебаний солнечного излучения, о значении климата для сельского хозяйства, о промерзании почв.

Гидрологи слушали доклады об изучении озер, о подземных водах в недрах Кара-Кумов, о минеральных источниках, о химическом составе речной воды, о наледях и о борьбе с ними.

Специальная подсекция Арктики в 15 докладах обсудила все вопросы, связанные с хозяйственным освое-

нием полярных пространств, с их климатом, льдами, почвами и т. д.

Известно, что с карты начинается и составлением карты заканчивается всякая географическая работа. На секции математической географии и картографии говорили о последнем уточнении, внесенном советскими геодезистами в старые представления о форме Земли. Они установили, что Земля сплюснута не только с полюсов, но и с двух сторон по экватору. Докладывали об открытии (тоже советском) второго магнитного полюса в северном полушарии. Демонстрировали проект нового прекрасного морского атласа. Наконец сообщили об издающихся специальных картах: почвенных, геоботанических и т. д.

Большую работу в своей области провели секции ботанической и зоологической географии, экономической географии СССР и зарубежных стран.

Очень интересные доклады читались в секции исторических знаний, где председательствовал Л. С. Берг. Здесь было впервые рассказано о новых находках и обнаруженных исторических документах, о Ломоносове и землепроходцах, о первых русских картах и русских колониях в Калифорнии.

Большой особый отдел съезда составляли подсекции этнографии, антропологии и фольклора, а также подсекции, занимавшиеся вопросами преподавания географии в вузах и в школах.

Съезд выявил чрезвычайно обилие новых интересных идей, возникших за последние годы у географов, работающих над разными темами и в разных концах страны. Исключительно многообразны применяемые ныне методы наблюдения и изучения географических явлений. На съезде отчетливо выявились современное направление советской географии: все более углубленно познавать сущность процессов, формирующих земную поверхность, и всю сферу распространения жизни. Вникать в механизм этих процессов и в физические закономерности, лежащие в их основе. Переходить к количественному учету и предсказанию процессов, привлекая для этого данные и используя тонкие методы смежных наук, а также широчайшие возможности, открываемые высокой современной техникой. Съезд наглядно показал, что помимо объединяющей роли, которую география играет по отношению к специальным наукам, она имеет свою, только ей присущую сферу изучения: взаимодействие отдельных элементов ландшафта — рельефа, климата, текучих вод и морей, почв, растительности, животного мира и, наконец, человека, становящегося все более важным фактором преобразования лица Земли.

В промежутки между утренними и вечерними заседаниями устраивались экскурсии. Делегаты осмотрели выставки истории Географического общества и китайских картин, собранных в Маньчжурии Владимиром Леонтьевичем Комаровым, побывали в Эрмитаже, где им показали единственные в мире коллекции древней буддийской культуры, найденные П. К. Козловым в погребенном песками городе Хара-Хото. Библиотека имени Салтыкова-Щедрина устроила для делегатов выставку старинных карт.

Неделя съезда промелькнула, как один день. Заключительное заседание было устроено в том самом зале Академии наук, где сто с лишним лет назад произошло первое заседание Географического общества. Я уже начал привыкать к величественной гармонии архитектуры Ленинграда, но все-таки зал Академии с лепными фигурами и сценами на стенах и колоннами из серого камня поразил меня. В этом же здании в стену на верхней площадке парадной лестницы вмонтирован интереснейший исторический памятник — плод многолетних трудов М. В. Ломоносова. Этой работой хотел он не только прославить Петра и русское оружие, но и привить в России вкус к высокому искусству мозаики.

На повестке последнего заседания стоял доклад академика Отто Юльевича Шмидта «Новая теория происхождения Земли и планет».

Прекрасный оратор, О. Ю. Шмидт увлек слушателей величием картины эволюции солнечной системы и логикой своих построений. Но содержание его теории, более астрономической, нежели географической, не может здесь быть изложено¹.

★

После вынесения резолюций и оглашения результатов выборов членов нового Совета Географического общества съезд был закрыт. Президентом общества единогласно переизбран Лев Семенович Берг. Лев Семенович пользуется общим уважением за свою многолетнюю плодотворную деятельность и научный энтузиазм.

Делегаты разъехались, переполненные свежими впечатлениями, новыми идеями, смелыми планами, заряженные новым запасом энергии для многолетней плодотворной работы.

¹ Интересующихся отсылаем к статье О. Ю. Шмидта в журнале «Природа» № 7 за 1946 год.

РУССКИЙ БОТАНИК- ГЕОГРАФ

Акад. Н. МАКСИМОВ

В течение десяти лет (1936—1945) во главе Академии наук СССР стоял замечательный русский ученый, ботаник и географ, академик В. Л. Комаров.

Владимир Леонтьевич Комаров был ботаником особого типа: он видел в изучении растений возможность проникнуть в тайны развития органического мира, понять законы распределения растений по земной поверхности, найти новые источники для повышения жизненного уровня трудящихся, обогатить технику новыми источниками сырья. Во время войны он создал и возглавил комиссию по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны.

Комаров изучал не только растения, но и страны, в которых они растут. Его первая экспедиция на Дальний Восток была организована на средства Географического общества. За эту экспедицию ученому была присуждена медаль Пржевальского. И первый научный спор В. Л. Комарова с другими ботаниками был связан с задачами освоения новых географических районов нашей страны.

АКАДЕМИК КОРЖИНСКИЙ НЕ ПРАВ

«Будучи, как и профессор Коржинский, по специальности ботаник, я, однако, думаю существенно отступить от метода, которого держался в разбираемом вопросе мой предшественник...» Так писал в 1896 году 27-летний Комаров, начинающий исследователь, по поводу воззрений маститого академика Коржинского. В чем же было существо их спора?

Академик Коржинский видел в человеке хищника, который разрушает веками сложившиеся взаимоотношения между растениями, сводит леса, распахивает степи и в результате своей деятельности заставляет реки мелеть, пески перехо-

дить в наступление на города и пашни. Академик Коржинский считал, что воздействие человека на природу ведет только к отрицательным результатам.

Во время поездки на Дальний Восток Комаров подробно обследовал огромные области по течению реки Амур, в которых только что начали появляться большие поселки. В то время Сибирской железной дороги еще не существовало. К устью Амура Комаров попал из Одессы далеким окружным путем, через Суэцкий канал и Индийский океан. Увлекаясь, как ботаник, изучением своеобразной, очень богатой растительности Приамурья, Комаров наблюдал, как труд людей незаметно для них самих воздействует на окружающую природу. Высокие, но жесткие и непитательные травы болот сменяются после косыбы широколиственными сочными луговыми травами; болота сохнут, кислые нездоровые луга становятся годными для пахоты, и, наконец, на старых залегах появляется степная растительность.

Не хищника, а хозяина земли увидел Комаров в простом крестьянине. И когда через много лет он оказался во главе величайшего в мире научного учреждения — Академии наук СССР, все силы свои он отдал великому делу передельки природы, покорению сил природы на благо человечества.

На Дальнем Востоке Комаров пробыл почти три года. В Петербург он привез огромную коллекцию засушенных растений, семян и луковиц. В первом своем большом научном труде «Флора Маньчжурии» Комаров описал 1682 вида растений, из которых 82 были впервые описаны им.

СОЗДАТЕЛЬ «ЖИВОГО ГЕРБАРИЯ»

Ботаника часто представляют как скучного педанта, обладающего, по словам Тимирязева, неисчислимым запасом двойных латинских названий и умеющего, почти не глядя, всякое растение, всякую травку назвать по имени и отчеству. Со словом «ботаник» у очень

многих неразрывно связан образ человека, любовно дистующего огромные пропыленные листы гербариев.

Необыкновенная память Комарова действительно позволяла ему удерживать в голове латинские названия тысяч растений.

Комаров придавал огромное значение гербариям — этим хрупким научным документам. Он собственноручно разобрал гербарий, собранный Пржевальским и другими путешественниками. Тысячи этикеток и надписей в гербарии Академии наук сделаны самим Комаровым. Но ни систематика, ни засушенные образцы растений никогда не заслоняли для Комарова самого главного: живое растение и его многообразную связь с внешней средой.

В 1920 году в Ленинграде Комаров организовал оранжерею, в которой выращивал семена луковиц и корневища растений, вывезенных им из Приамурья, с Камчатки, из окрестностей озера Косогол в Восточных Саянах, из Тибереды на Кавказе, с альпийских лугов Зеравшанского хребта в Средней Азии.

На территории в несколько квадратных метров, в искусственных оранжерейных условиях, встретились растения гор и речных долин, лесов и лугов, родина которых раскинулась на $\frac{1}{6}$ части всей суши. В необычных условиях растения оказывались иными: они зацветали в иные, чем в природных условиях, сроки, менялась форма листьев и т. д. А за всем этим «живым гербарием» неустанно следил Комаров — натуралист, ботаник-географ.

УЧЕНЫЙ-ДАРВИНИСТ

Некоторые ученые утверждают, что будущие пассажиры межпланетного корабля, отлетев на десятки тысяч километров от Земли, увидят в небе огромный зеленоватый шар.

Большая часть суши покрыта лесами и лугами. Обработанная земля весной тоже покрывается зеленым ковром всходов. На одной только территории СССР растет около 17 тысяч различных видов растений. И каждое из них представляет загадку, решение которой заключается, с одной стороны, в

истории развития растений, а с другой — в истории ландшафта. Теория эволюции растений заставила Комарова заинтересоваться теорией эволюции земной поверхности. Во время экспедиции на озеро Косогол Комаров обнаружил, что «в восточной части Саян еще нет совершенно видов, которые появляются уже на горах у восточного конца Байкала и в восточном Забайкалье. Это резко континентальная флора, а приоканские формы как с запада, так и с востока не доходят до нее, оставляя полный простор для пришельцев с севера».

Почему это так? По мнению Комарова, в Европе ледниковый период, вызывая отступление третичных растений на юг, как бы утопил их в Средиземном море, и они уже не вернулись на север с возвратом тепла. «Применяя то же рассуждение к Саянам, — говорит Комаров, — мы можем сказать, что здесь ледниковый период совершенно уничтожил третичную флору, и заселение освободившейся от ледников территории пошло исключительно за счет северных типов, выработавшихся в самый этот ледниковый период».

Сравнивая растения Саян и Приамурья, Комаров превращался в геолога и географа. Чтобы доказать справедливость своей гипотезы, он тщательно изучил следы оледенения в восточной части Саян, обнаружив их там, где до него эти следы не были с достаточной убедительностью описаны многими его предшественниками-геологами.

Это лишь один из многих примеров того, как Владимир Леонтьевич, изучая ботанику, видел в растениях живое зеркало геологических событий и климатических факторов.

«Значение морфологических особенностей никогда не бывает абсолютным, их надо оценить, а оценка зависит всего более от понимания истории и общих свойств данного рода, а также и его расселения», — такой вывод сделал Комаров сорок лет назад, когда еще многие ботаники видели свою главную задачу в тщательном описании внешних морфологических особенностей растений, не задаваясь вопросом, откуда взялись здесь те или иные растения и почему они выглядят так, а не иначе.

Но такой подход к проблемам ботаники не мог удовлетворить Комарова-дарвиниста. Уже в самом начале своей научной деятельности он глубоко изучал работы Дарвина и вместе с Тимирязевым горячо пропагандировал дарвинизм. Имя приват-доцента Комарова было еще до Великой Октябрьской социалистической революции широко известно читающей публике. Еще в 1912 году была напечатана большая, проникнутая духом дарвинизма статья Комарова «Видообразование».

НОВАЯ «ГЕОГРАФИЯ НАУКИ»

Будущие историки, оценивая деятельность Владимира Леонтьевича Комарова как президента Академии наук СССР, несомненно, отметят его роль в организации филиалов Академии наук в союзных республиках.

Одним из замечательных итогов ленинско-сталинской национальной политики в нашей стране является хозяйственный и культурный рост национальных республик. Академик Комаров сделал очень многое для того, чтобы размещение научных центров в нашей стране соответствовало целям возрождения и развития национальных культур. Под руководством Комарова были созданы многочисленные филиалы Академии наук. Многие из них стали затем и самостоятельными академиями. «География науки» в нашей стране коренным образом изменилась.

К началу войны в Грузию, в Азербайджане, в Армении, в Таджикистане и в других республиках существовали уже большие научные центры. И ни один из этих центров не возник без активного личного участия академика Комарова.

Значительную часть своей жизни В. Л. Комаров провел в путешествиях, черпая в наблюдениях живой природы неиссякаемый материал для своих научных трудов.

Первым из таких путешествий была экспедиция В. Л. Комарова в 1892 году в Среднюю Азию, в долину Зеравшана. Характерная ледниковая область, которую он нашел здесь, показала ученому, какую роль играют ледниковые процессы в изменениях природы. Во время второй экспедиции в 1893 году В. Л. Комаров побывал в той же долине Зеравшана, а затем в пустыне Кара-Кумы. Изучение природы Кара-Кумов дало материал для выводов о происхождении «мертвой реки» Унгуз. С 1895 года научные экспедиции, посвященные изучению растительности Средней Азии, совершаются ученым систематически. В 1895 году он посещает среднюю часть реки Амур и низовья реки Иман; в 1896 — южную часть Приморья и Северную Маньчжурию; в 1897 — Северную Корею и Маньчжурию; в 1902 — Восточные Саяны. В 1908—1910 годах он едет на Камчатку, в 1913 — в южные районы Приморья. Среднюю Азию В. Л. Комаров посещает несколько раз и позже, вплоть до 1932 года. Его именем названы один из ледников на Урале и гора на Камчатке.

«ФЛОРА СССР»

Среди научных трудов академика Комарова особое место занимает огромный труд, много томный справочник, в котором можно найти описание любого растения, произрастающего на территории СССР.

В составлении справочника принимает участие большая группа авторов. Но общий план его и общие задачи были намечены Комаровым. Именно он настоял на том, чтобы в справочник был введен параграф «Хозяйственное значение растений». Именно им была установлена основа ботанико-географического районирования, по которому указывается распространение видов на территории СССР. Сам Комаров описал такие крупные семейства, как хвойные и кузвинковые, и целый ряд отдельных родов. По настоянию Комарова впервые в таком специальном издании наряду с латинскими названиями растений даются и русские.

При жизни Владимира Леонтьевича вышло около половины этого труда, десять томов, содержащих описание до 10 тысяч растений, причем для тысячи с лишним из этих растений даны указания о возможном использовании в народном хозяйстве.

Выход труда «Флора СССР», в котором описывается растительность одной шестой части света, является крупным научным событием и имеет большое практическое значение.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ УРАЛА

«Я назвал бы Урал «линией Сталина», так как именно товарищу Сталину принадлежит инициатива и руководство в создании этой могучей индустриальной линии от арктических областей до южнобашкирских степей», писал Комаров уже во время Великой отечественной войны.

Последние годы его кипучей деятельности прошли на Урале.

Комаров организовал и возглавил комиссию по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны. Он поставил перед учеными задачу освоения уральского марганца, уральских бокситов, уральского химического сырья. Специалисты из комиссии Комарова нашли новые месторождения огнеупорных глин, необходимых для уральской металлургии. Комаров и его ближайшие сотрудники по этой комиссии были удостоены Сталинской премии.

Горячий патриот своей родины, ученый гуманист, Владимир Леонтьевич Комаров последние годы своей жизни занимался вопросами, очень далекими от мирных ботанических исследований: он воевал с врагом. Он воевал не с винтовкой в руках. Его оружием была наука, его оружием были научные кадры, которые он много лет выращивал, его оружием были многочисленные институты и лаборатории, в организации которых он принимал непосредственное участие.

И это было грозное оружие.

НАХОДКА НА КАМЧАТКЕ

1854 год. На весь мир гремит слава русских людей — доблестных защитников Севастополя. Крымская кампания в разгаре.

Союзники расширяют район своих операций. Воды Тихого океана бороздит англо-французская эскадра. Англичане посылают сюда все новые и новые военные корабли. Они охотятся за отдельными русскими судами, подходят к Камчатке, подбираются ко всему тихоокеанскому побережью России.

Утром 17 августа 1854 года соединенная англо-французская эскадра появилась перед входом в Авачинскую бухту, у ворот Петропавловска на Камчатке.

Был невелик и слабо вооружен гарнизон маленького далекого русского города.

На другой день, 18 августа, эскадра вошла в Авачинскую бухту. В составе ее были три больших, прекрасно вооруженных фрегата, корвет, бриг и пароход.

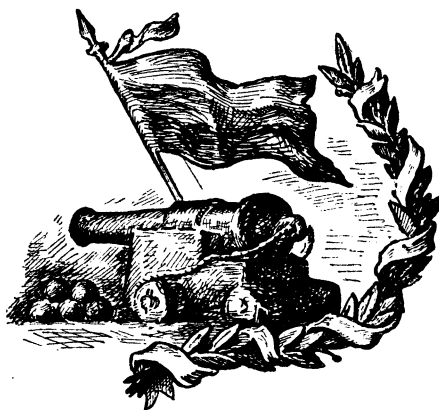
Несколько дней продолжалась битва. Горстка русских людей во главе с начальником порта и военным губернатором Камчатки Василием Степановичем Завойко мужественно защищала родную землю, родные берега. Ни ожесточенные бомбардировки, ни высадка крупных десантов, в несколько раз превосходивших силы защитников города, не могли поколебать доблести и мужества русских людей.

В решающем, ожесточенном сражении 24 августа 1854 года защитники города одержали полную победу над превосходящими силами противника. В одном только этом бою союзники потеряли четыреста человек убитыми и ранеными. Выбыло из строя больше половины офицеров эскадры. Русскими снарядами были нанесены сильные повреждения кораблям противника. Особенно сильно

пострадал английский фрегат «Президент». А еще за несколько дней до этого был убит находящийся на фрегате английский адмирал Прайс, командовавший объединенной эскадрой. Потерпевшая жестокое поражение англо-французская эскадра вынуждена была оставить Авачинскую бухту.

Печать всего мира восторженно писала о мужестве и храбрости защитников Петропавловска. Командующий эскадрой французский адмирал Дебуант заявил, что он «не ожидал встретить такого сильного сопротивления в ничтожном местечке».

На месте бывших боев, на Никольской горе, превращенной в Парк культуры и отдыха трудящихся Петропавловска, и

сейчас возвышается красивый памятник русской славы. На одной стороне памятника надпись, сделанная древнеславянской вязью: «Памяти павших при отражении атаки англо-французского флота и десанта 20—25 августа 1854 года». На другой стороне памятника указано: «Поставлен в 1881 году».

Недавно в Петропавловске на Камчатке обнаружено несколько интересных находок, связанных с героической обороной города. Рабочие, строящие новую школу, закладывая фундамент, нашли несколько ядер, весом около 20 килограммов каждое. Этими ядрами англо-французская эскадра обстреливала город.

Ядра сданы в Камчатский областной музей.

Хабаровск.

А. Авдеев

Тау-теке — горные козы, характерные обитатели высокогорной фауны Саиы, Алтая, Тарбагатай, Тянь-Шаня, Памира и Копетдага. Крупные представители копытных, тау-теке достигают высоты (в холке) до 110 сантиметров и дают 90 килограммов живого веса.

Приспособившись к условиям существования в горах, тау-теке в отдельных районах, как, например, около Хан-Тенгри, проводят круглый год на больших высотах.

Тау-теке чрезвычайно приспособлены к передвижению по скалам и осыпям. Двигаясь по осыпи, они стараются пробежать ее как можно быстрее, особенно в наиболее крутых местах.

Я видел однажды, как тау-теке преодолевали довольно круто спускающуюся, совершенно гладкую поверхность скалы. На скале не было какого-либо выступа, за который можно было бы зацепиться. Казалось совершенно невероятным, что здесь может пройти животное, но тау-теке поочередно, делая разбежку, быстро пролегли скалу, благополучно прыгали с нее на осыпь и спокойно двигались дальше.

Мне рассказывали, как тау-теке, преследуемый барсом, вынужден был спастись от него, сбегая вниз почти по вертикальной осыпи. Во время этого спуска гряда камней летела вслед за ним, но козел, отбегая к краю осыпи, резко замедлял свое движение, и камни пронеслись мимо. Маневр этот все время повторялся. Животное могло бы избрать и другой путь, но в данном случае это было невозможно, так как осыпь находилась в своеобразном каменном коридоре, по бокам которого шли отвесные скалы. Все же, несмотря на такие трудности, тау-теке спустился благополучно, а барс не рискнул за ним последовать.

На день тау-теке ложатся в укромные места под скалами и большими камнями. Перед этим тау-теке передними ногами расчищают себе место от камней и только после этого ложатся. Козлята копируют движения матери, также расчищают себе место для лежки, но чаще стоят, пока не уляжется мать, а затем ложатся ей на спину, нередко и на голову. Часто можно видеть, как альпийские галки подлетают к козам, садятся на них и копошатся в их шерсти, вылавливая паразитов. К этому тау-теке настолько привыкли, что совершенно не обращают внимания на своих пернатых друзей.

Охота на горных коз чрезвычайно интересна, но в то же время и очень трудна, так как требует от человека большой выносливости и навыков для передвижения в горах на больших высотах в условиях разреженного воздуха.

Скрещивание тау-теке с ангорской козой в целях получения новой породы коз, приспособленной к условиям существования на высокогорьях Казахстана и Средней Азии, успешно проводится сейчас нами в Институте зоологии Академии наук Казахской ССР. Эта новая порода отличается выносливостью тау-теке и в то же время дает прекрасную ангорскую шерсть.

В. Антипин

Алма-Ата

Рис. Б. Езинева

ШЕЛКОВОДСТВО НА СРЕДНЕЙ ВОЛГЕ

Может показаться немного странным: мы привыкли к тому, что шелководство свойственно жаркому югу, и вдруг оно... на Средней Волге.

Краснодарский край и Воронежская область были первыми, где начали разводить привезенного из Монголии дубового шелкопряда. Севернее этих районов разведение шелкопряда, обычно питающегося листьями шелковицы (туты), в северных районах не растущей, считалось невозможным. Однако доценту Поволжского лесотехнического института в г. Йошкар-Ола И. С. Аверкиеву удалось доказать, что это вполне возможно.

В Марийской республике имеются тысячи гектаров дубовых насаждений. По мнению Аверкиева, это замечательная кормовая база. При надлежащем уходе дубовый шелкопряд вполне может применяться к местным климатическим условиям.

Весной 1941 года опыты по разведению шелкопряда были широко поставлены в приволжских колхозах.

Колхозники придумали немало остроумных способов для охраны своего необычного стада. Они бо-

ролись с большой настойчивостью за каждую гусеницу, за каждый будущий кокон. Днем и ночью сторожили они свое новое богатство и пересаживали гусениц с объединенных ими деревьев на свежие.

Полученные результаты оправдали все заботы и хлопоты. Во все годы Великой отечественной войны юное еще шелководство Марийской республики все время перевыполня-

ло план и поставляло промышленности крупные коконы прекрасного качества, а в 1946 году доцент Аверкиев добился того, что дубовый шелкопряд был выкормлен и на березе. Результаты были получены не хуже, чем на дубе. Злостисто-белые пушистые коконы имели прекрасную окраску. В 1947 году шелководством будет охвачено 60 колхозов Марийской республики. Это доказывает полную возможность шелководства в северных районах, где никогда раньше об этом виде промышленности и не думали.

Йошкар-Ола

Б. Вишневиный

Тувинская автономная область РСФСР — край, чрезвычайно интересный для географа, геолога, зоолога и просто туриста. Эта горная страна, расположенная в самом центре Азии, своими очертаниями на географической карте напоминает грушу. Недаром в монгольской летописи она называется «Хан-хо-Хана», что значит — «Большой мешок с маленьким отверстием». Мне удалось недавно совершить по Туве путешествие на юг, к самой границе Монгольской Народной республики, где, чуть севернее огромного соленого озера Успа-нур, стоит соляная гора Тус-таг.

В течение своего долгого пути я наглядно познакомился с природными богатствами Тувы.

В долине реки Верхний Енисей есть место, где скалы, окаймляющие долину, сужаются и вплотную подступают к реке. Дорога круто подымается. В этом месте видны выходящие на поверхность залежи каменного угля. Это Ирбекские каменноугольные копи, на угле которых работают электростанция в столице Тувы — городе Кызыле и многие промышленные предприятия.

В узкой долине нам повстречался караван в 30—40 вьючных лошадей. На каждой лошади было навьючено несколько правильной, прямоугольной формы глыб каменной соли (по-тувински — «тус»), по 70—80 килограммов каждый вьюк. Дорога здесь не проезжая для колесного транспорта, и соль за сотни километров доставляется на лошадях. Тува необычайно богата ископаемыми. Геологическое обследование области только началось, а здесь во многих местах уже найдены золото, самородная медь, серебро, железная руда, каменный уголь, кобальт, асбест, слюда, каменная соль.

Соляные месторождения в Туве представляют особый интерес. Большая соляная гора Тус-таг, которую я увидел, неисчерпаема по своим запасам соли. Соляных копей здесь, однако, нет. Кто приезжает за солью, тот ее и добывает и, понятно, самым примитивным образом. В Туве уже поднят вопрос о проведении сюда хорошей дороги. Тогда систематическая эксплуатация этого редкого месторождения наладится и солью из горы Тус-таг будет снабжаться большинство прилегающих районов. Эта задача поставлена планом новой сталинской пятилетки.

В. Майдель

Москва

По следам Робинзона¹

В дни Великой отечественной войны в одно из московских издательств пришло письмо с фронта от лейтенанта Груздева. Груздев просил выслать для его бойцов книги с жизни в лесу, о следопытстве, об использовании дикорастущих растений. «Эти книги, — писал он, — помогают воину узнать природу родины, обитателей ее лесов, рек и лугов. Без элементарного знания природы трудно вести разведку наблюдением. Навыки следопыта и наблюдателя, знание леса помогают разведчику совершенно слиться с местностью. Его бережет сама природа. Он все видит, сам оставаясь невидимым».

«Лейтенант Груздев прав, — говорит, приводя эти строки, автор книги «По следам Робинзона» Н. Верзилин. — Для того чтобы стать хорошим бойцом, нужно изучать природу и тренироваться в «робинзонстве». В условиях войны в положении Робинзона может оказаться каждый, но быть хорошим робинзоном сможет только тот, кто знает природу и способы использования ее неисчерпаемых богатств. А сколько интересного откроет вам природа! Будем же учиться робинзонству! Возьмем рюкзак на плечи, палку в руки и пойдем исследовать тайны природы по следам Робинзона Крузо!»

Робинзон Крузо — герой книги Д. Дефо оказался на необитаемом острове отнюдь не в таком уж беспомощном состоянии. Он перевез на берег с корабля три сундука с рисом, сухарями, сыром, вяленой козлятиной, вином, плотничьими инструментами. У него были два охотничьих ружья, два пистолета, много платья, несколько тюфяков и подушек. Остатки зерна и риса вскоре дали всходы... Словом, для начала Робинзон был обеспечен всем

необходимым. Десять месяцев он жил, ни в чем не нуждаясь. То, что Робинзон брал у природы, было готовым: кокосы, апельсины, лимоны, виноград. Срывай и ешь! Но вокруг было еще много разных растений, каких Робинзон никогда не видал. «Возможно, что знай я их свойства, я мог бы извлечь из них пользу для себя...», «Я... не знал даже самых обыкновенных полевых растений», сознается он.

Вот этот-то недостаток ботанических знаний робинзонов и призвана дополнить книга Н. Верзилина. С большой любовью он ведет своего юного робинзона-читателя по полям и лесам родной страны, подробно рассказывает о неизвестных еще ему дикорастущих растениях и свойствах их. Он убедительно показывает ему, что эти растения ждут только прикосновения руки человека, чтобы принести пользу, он рассказывает о прелести и обаянии родной русской природы, о замечательных сокровищах ее богатого растительного царства.

В главах «Лесные каши и масло», «Овощи леса и поля», «Растительное мясо» юный разведчик познакомится с миром полезных растений густых лесов родной страны. Тут растений неисчислимое множество и разнообразие, нужно только уметь их различать, находить и определять степень их полезности и питательности. Автор помогает юному робинзону находить множество таких дикорастущих растений, из которых можно сварить вкусную

«кашу», извлечь «масло». Подробно и увлекательно он рассказывает о витаминах лесных ягод и плодов, о пряностях и приправах к обеду, которые в изобилии можно найти в полях и лесах.

Юный читатель узнает из книги Н. Верзилина, какие растения могут дать ему сажу, как из этой растительной сажи сделать мазь для обуви, как добыть из растений чернила, клей, из чего и как построить шалаш, как сделать себе «матрац», «подушку», «простыни».

Книга Н. Верзилина открывает перед нашей молодежью богатый растительный мир, учит любить его дары и умело пользоваться ими в походе, в далеких экскурсиях и путешествиях по родной земле.

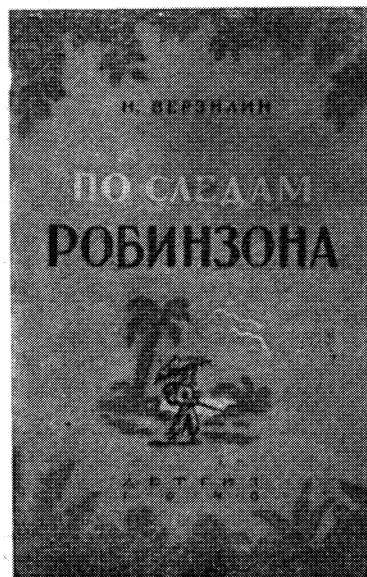
Е. Ш.

В борьбе за жизнь¹

«Молодое поколение, которому в будущем предстоит работать на пользу страны, должно быть заблаговременно осведомлено о жизни своей родины, о ее деятельности в прошлом и настоящем», говорит в своем предисловии к книге Александра Поповского «В борьбе за жизнь» проф. Н. Я. Кузнецов. «Будущий гражданин уже с юности должен быть ознакомлен со всей сложностью способов изучения деятельности, которым располагает современное человечество».

Указывая, что эти знания приобретаются в школе, а также распространяются художественно-популярной литературой, проф. Кузнецов подчеркивает, однако, что для пропаганды научных сведений «нужен писатель-художник с его образным мышлением». Нужен человек, создающий не схематические, как в научном отчете, а живые образы — привлекательные, заманчивые, радостные.

Писатель А. Поповский удачно справился с этой задачей. Его книга, посвященная замечательному советскому ученому, академику Павловскому и его ближайшим помощникам и ученикам, основанной им «школе мужества и силы», — увлекательное, волнующее произведение. Это повесть о наших советских людях, наших ученых, самоотвержен-

¹ Н. Верзилин, По следам Робинзона. 188 стр. Детгиз, 1946. Ц. 9 р.

¹ А. Поповский, В борьбе за жизнь. 150 стр. Детгиз, 1946. Ц. 7 р.

но, не щадя своей жизни, не боясь опасностей, отдающих себя науке, задачей которой является борьба за жизнь человека.

Евгений Никанорович Павловский и его многочисленные ученики — главные герои книги. Это не выдуманные герои приключенческой повести, а живые, теплые люди, за жизнью которых, работой и подлинными, опасными приключениями в тайге, пустыне, горах и рискованными опытами, стоившими некоторым из них жизни, следишь с напряженным, неиссякаемым интересом.

Мы знакомимся с жизнью ученого, начиная с его детства. «Уже с детства, — читаем мы в книге, — Павловский испытывал неистребимую жажду все увидеть и узнать. Восхищенный и взволнованный величием мира, он рано проникся благоговением к природе. Будучи гимназистом, он собирает насекомых, коллекционирует их, одинаково очарованный крошкой-мухой дрозophilой, кровососом-клещом и подорожной жабой. Увидев в юности под микроскопом в кишечнике мухи крошечного извивающегося червячка, он, глубоко восхищенный, дал себе слово стать зоологом, разведать все тайны и чудеса природы».

Павловский сдержал это данное себе самому слово. Он не расстаётся с микроскопом, с книгой. На первый скопленный полтинник покупает «Анатомию лягушки», жадно накидывается на труды натуралистов, биологов, дневники путешественников Пржевальского, Елисеева. Путешествует и сам по России, в талантливо написанных очерках запечатлевая свои наблюдения над природой, людьми, их бытом. Учитель биологии говорит, что из Павловского выйдет натуралист. Учитель географии уверен, что он станет этнографом. Учитель словесности пророчит ему славу литератора.

Окончив гимназию, Павловский поступает в Военно-медицинскую академию. Еще студентом он с головой уходит в изучение медицинской зоологии и с этой наукой свя-

зывается вся его последующая жизнь и деятельность.

Глубоко интересные страницы книги, посвященные рассказам о работах Павловского в области паразитологии, неутомимых поисках тех, зачастую только в сильнейшие микроскопы и различных врагов человека, которые являются причиной многих тяжелых заболеваний. Каких только экспедиций не совершает ученый по местам распро-

АЛЕКСАНДР ПОПОВСКИЙ

В БОРЬБЕ ЗА ЖИЗНЬ

странения носителей губительных болезней, в поисках возможных предупредительных мер и противоядий!

Где только не был Павловский: его видели и дебри сибирской тайги, и пески Кара-Кумов, равнины Северного Ирана и африканские пустыни. Имя Павловского, с которым связано открытие возбудителя и переносчика опаснейшей болезни человека — таежного энцефалита, широко известно и за рубежами нашей страны. Ученые всего мира внимательно следят за его работами в области паразитологии — науки, имеющей своей целью непосредственную помощь человеку в его борьбе за здоровье и жизнь.

С увлечением прочитает книгу с Павловском и его друзьях и помощниках наш молодой читатель.

Г. Н.

СОДЕРЖАНИЕ

Съезд советских географов	
В. Аккуратов	
К берегам Гренландии	5
В. Юрезанский	
Возрождение гиганта	12
Ф. Кравченко	
Встреча на Крешатике. Рис. Б. Винокурова	18
М. Зингер	
Люди Страны гор. Фото Р. Фатуева	23
Г. Мдивани	
В свободолюбивой Албании	31
В. Иорданский	
Япония сегодня	34
А. Толмачов	
Величайшее озеро Советской Арктики	43
Л. Платов	
Птица Маук (научно-фантастическая киноповесть), окончание. Рис. В. Таубера	44
Д. Арманд	
Сто лет спустя	55
Н. Максимов	
Русский ботаник-географ	59
Нам пишут читатели	61
В мире книг	63

На обложке в рамке: иллюстрация худ. В. Таубера к киноповести Л. Платова «Птица Маук».

На цветных вкладках:

1. У берегов Камчатки.— Фото проф. В. П. Зенковича.
2. Камни Лаперуза.— Фото проф. В. П. Зенковича.

★

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Адрес редакции:
Москва, Новая пл., д. 6
Тел. К 5-24-71

★

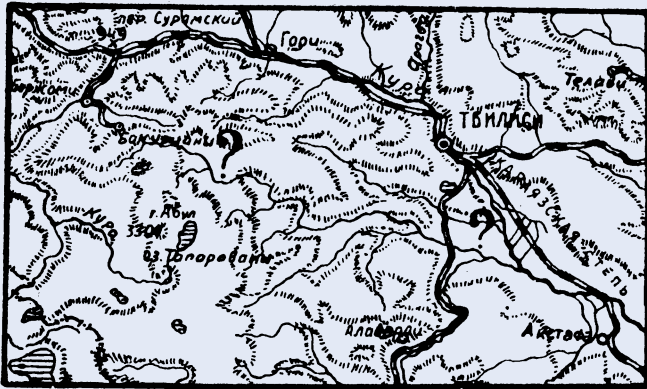
Непринятые рукописи
не возвращаются

Редакционная коллегия: Д. Л. Арманд, И. А. Ефремов, И. В. Иноземцев (ответственный редактор), Н. Н. Михайлов, анад. В. А. Обручев, Н. А. Солнцева

Техн. редактор А. Губер

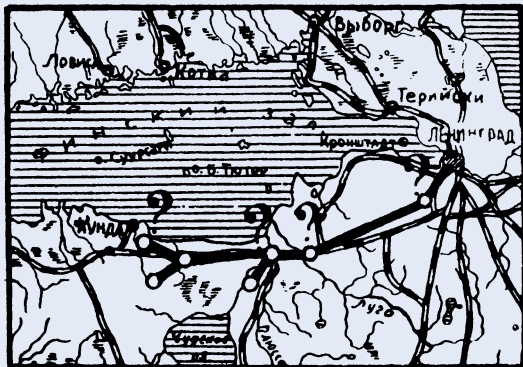
Подписано в печать 31/III 1947 г. А02364. Бумага 60×92 см^{1/2}. 8 печатных листов по 63 тыс. знаков. Тираж 50.000 экз. Цена 6 руб. Зак. 253
Типография «Красное знамя» изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», Москва, Суцеская, 21.

О чем рассказывает КАРТА?

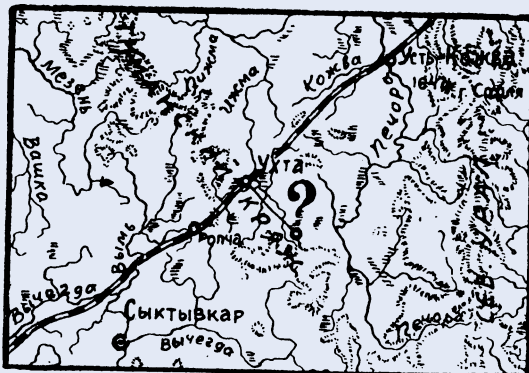

1. По плану сталинской пятилетки, на изображенной на карте реке создано искусственное озеро. Воды его будут приводить в движение турбины самой мощной ГЭС Грузии.

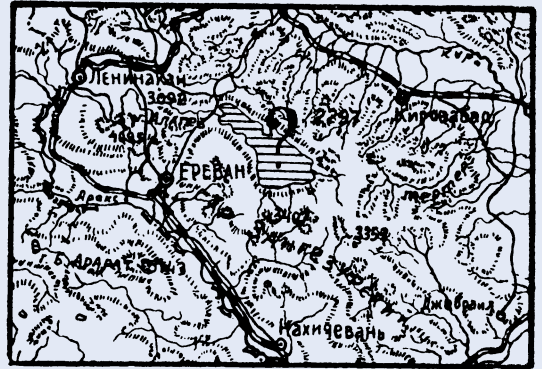
Как называется река и строящаяся гидроэлектростанция?

2. Что означает эта жирная черта на карте? Какое значение будет иметь сооружение, отмеченное ею, для Ленинграда?

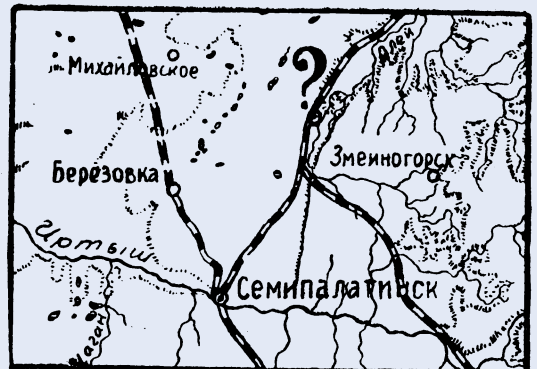

3. Вблизи города северных нефтяников — Ухты, на берегу болотистой реки, возник новый промышленный город. Что это за город, на какой реке он стоит и чем замечателен?

4. В это озеро впадает 28 рек, а вытекает только одна. На ней будет сооружено 8 гидроэлектрических станций. Воды озера будут поступать от одной ГЭС к другой, как бы спускаясь со ступеньки на ступеньку, образуя энергетический каскад. Самая большая электростанция каскада будет построена в этой пятилетке. Сейчас полным ходом идет строительство другой электростанции каскада — первой в СССР подземной ГЭС.

Что это за озеро? Как называется ГЭС?

5. В алтайских степях, на берегу реки Алей, в дни войны вырос город, в котором создан тракторный завод. К концу новой сталинской пятилетки он достигнет мощности Харьковского тракторного завода.

Как называется этот завод и в каком городе он находится?

Владимир Леонтьевич КОМАРОВ

Академик В. Л. Комаров, десять лет стоявший во главе Академии наук СССР, был одним из крупнейших современных ботаников. Его имя известно во всем мире. За свою долгую жизнь он обогатил науку о растениях многими открытиями.

В поисках новых растений В. Л. Комаров совершал длительные путешествия и внимательно присматривался к природным условиям и жизни людей на далекой Камчатке, в сибирской горной тайге, в горах Средней Азии.

